

на которыхъ написана ихъ вѣроподданническая клятва, защиты у нихъ подъ мышкой, между тѣломъ и кожей. Ихъ силою они творять чудеса; отъ этого ничто имъ и повредить не можетъ“. Клирикъ освѣдомился: „А если ихъ отсюда удалить?“ Дьяволъ отвѣтилъ: „Тогда все будетъ, какъ у другихъ людей“. Выслушавъ это, клирикъ поблагодарилъ демона и сказалъ: „Теперь поди, я тебя послѣ снова позову“.

Узнавъ отъ клирика такую тайну, епископъ сталъ дѣйствовать слѣдующимъ образомъ. Онъ предложилъ народу, чтобы еретики при немъ показали свои знаменія, обѣщая увѣровать, если увидить ихъ чудеса воочию. На площади зажженъ былъ костеръ. Но, прежде чѣмъ пустить на него еретиковъ, епископъ пригласилъ ихъ къ себѣ, чтобы освидѣтельствовать, нѣтъ ли на нихъ какого талисмана. Еретики охотно согласились подвергнуться такому освидѣтельству. Но предупрежденные епископомъ «ликторы» немедленно заглянули имъ подъ мышки, нащупали рубцы, взрѣзали ихъ ножами и извлекли зашитыя тамъ грамоты. Тогда епископъ вышелъ съ еретиками къ народу и предложилъ имъ становиться на костеръ. Тѣ стали теперь отказываться; епископъ же объяснилъ народу, въ чемъ заключалась ихъ хитрость, и предъявилъ снятыя съ нихъ грамоты. Охваченный яростью народъ тогда самъ бросилъ въ приготовленный огонь этихъ служителей дьявола.

Искусство «чернокнижія», о которомъ тутъ, какъ и во множествѣ другихъ разсказовъ, съ полною вѣрою поминаетъ Цезарій, тоже представляетъ собой характерное явленіе разбираемой нами эпохи. Какъ на ряду съ традиціоннымъ «положительнымъ» богословіемъ она увидѣла новое «раціональное» богословіе, такъ на ряду съ традиціоннымъ волшебствомъ теперь родилась или, вѣрнѣе, возродилась «раціональная», ученая, систематическая магія. На быстрое ея развитіе особенное вліяніе оказали опять-таки живыя сношенія западныхъ странъ съ арабами и евреями въ Испаніи, на югѣ Италіи и въ Палестинѣ. Отъ евреевъ Европа заимствовала Каббалу—этимъ ученіемъ, выросшимъ изъ сліянія Библии съ античнымъ неоплатонизмомъ и допускавшимъ возможность для человѣка являться повелителемъ міра стихійныхъ духовъ. Арабы, съ своей стороны, которые при фаталистической окраскѣ ислама, не видѣли ничего преступнаго въ гаданьи, усиленно занимались въ ту пору такими науками, какъ астрологія, некромантія, геомантія и т. п. Римская церковь равно проклинала и «оперативную» и «дивинаторную» магію. Но притягательная сила этихъ запретныхъ дисциплинъ была настолько велика, что цѣлыя вереницы клириковъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей непрерывно тянулись въ XIII столѣтіи за Пиринеи въ арабскія и еврейскія академіи—особенно въ пресловутый Толедскій университетъ. Оттуда кое-кто изъ нихъ при-

носили съ собой и теоретическіе трактаты касательно истиннаго устройства мірозданія, которые еще въ XVI столѣтіи оказывались способны кружить наклонныя къ мистицизму головы. Но большинство довольствовалось усвоеніемъ прикладной части еврейской Каббалы и арабской мантики и, сливая ее затѣмъ съ традиціонными приѣмами западно-европейскаго волшебства, оно дарило соотечественниковъ многочисленными *Libri praestigiorum, imaginum et ligaturarum* — «черными книгами», этими энциклопедіями мірового суевѣрія. Здѣсь содержалось подробное описаніе міра духовъ съ точными указаніями, «чего какой демонъ желаетъ, чего страшится, какимъ именемъ призывается, какимъ принуждается» — вопросы, которыми ученая магія стала заниматься еще во времена бл. Августина. Здѣсь объяснялся смыслъ «большого и малаго круга», здѣсь содержалась далѣе и техника гаданья при помощи зеркаль—видъ волшебства, въ основѣ котораго лежало, повидимому, знакомство съ особенностями гипнотическаго состоянія—при помощи мечей, иглокъ и шариковъ изъ слоновой кости, при помощи воды, огня и свинца, при помощи мертвыхъ головъ и т. п. Здѣсь были и снотолкованіе, и рецепты для приготовленія любовныхъ напитковъ, формулы наговоровъ и средства для открытія кладовъ и т. д., и т. д. Все это списывалось и изучалось въ тѣхъ же монастыряхъ и духовныхъ школахъ, которые одни служили тогда разсадниками книжной премудрости, и все это съ бродячими клириками, странствующими проповѣдниками-монахами и разсылавшимися по глухимъ приходамъ на пастырскую должность школьными недоучками мало-по-малу разбрелось по лицу Западной Европы, проникая въ самые глубокіе общественные слои. Очень характерно то указаніе, которое содержатъ по этому поводу позднѣйшія исповѣдальныя книги. При грѣхѣ суевѣрія, говорятъ онѣ, не должно считаться оправданіемъ то, что такъ часто приходится слышать отъ простыхъ людей: «меня де выучилъ этому одинъ монахъ».

Die Zauberei ist Gott unwert.
 Sie sagen wohl: Mich hat's gelehrt
 Ein Mönch, wie möcht's da böse sein?
 Da sag'ich auf die Treue mein,
 Dass man solchen Mönch oder Pfaffen
 Also sollt strafen,
 Dass sich Zehne stiessen daran,
 Denn sie sind allesamt im Bann ¹⁾.

¹⁾ Колдовство противно Господу. Знаю, что люди говорятъ: меня выучилъ этому одинъ монахъ, такъ что жъ здѣсь можетъ быть дурного? Но честь мѣ въ томъ порука—такихъ монаховъ и поповъ надо бы было такъ карать, чтобы со страха у людей зубы стучали: ибо они подлежатъ анаемѣ.

Такъ съ своей стороны возмущался на это одинъ изъ свѣтскихъ поэтовъ XIV вѣка.

Какъ рисовались воображенію добрыхъ католиковъ дѣянія совершеннаго въ своемъ искусствѣ чернокнижца, покажетъ намъ отрывокъ изъ одной хроники XIII вѣка. Въ городѣ Матрихтъ, повѣствуетъ лѣтописецъ Альберихъ, пріѣхаль однажды изъ Толедо нѣкій тамошній магистръ, чернокнижецъ, совершенно преданный дьяволу, и, сидя съ клириками за столомъ, сталъ показывать имъ свою силу: при немъ могли ѣсть лишь тѣ, кому онъ позволялъ, а другихъ онъ тутъ же за столомъ погрузилъ въ сонъ.

„Тогда къ нему пристало восемь легкомысленныхъ клириковъ, прося, чтобы онъ имъ помогъ въ достиженіи ихъ желаній. Онъ имъ отвѣтилъ, что этого не сдѣлаешь безъ круга, и начертилъ огромный кругъ съ таинственными знаками, куда и помѣстилъ всѣхъ восьмерыхъ. Внутри того же круга съ одной стороны онъ поставилъ три кресла и сказалъ клирикамъ, что тамъ возсядутъ три евангельскіе волхва. Въ круга же онъ устроилъ высокое сѣдалище и пышно убралъ его цвѣтами. Когда наступила полночь, онъ началъ свои дѣйствія. Онъ ободралъ одного kota и пополамъ разрубилъ двухъ голубокъ. Потомъ онъ вызвалъ тѣхъ трехъ демоновъ, которыхъ онъ выдавалъ за волхвовъ, а слѣдомъ за ними и мотучаго ихъ князя, котораго онъ именовалъ Эпаномонъ. Онъ сказалъ демонамъ, что пригласилъ ихъ на малое угощеніе, чтобы они помогли присутствующимъ клирикамъ достигъ своихъ желаній. Kota онъ далъ тремъ демонамъ въ кругу, и тѣ его въ одно мгновение проглотили, голубокъ же онъ преподнесъ великому демону, который тоже ихъ немедленно пожралъ. У него съ собой былъ хрустальный пузырекъ и онъ заклятіями принудилъ великаго демона стать крошечнымъ и войти въ пузырекъ, послѣ чего воскомъ запечаталъ пузырекъ, написавъ на печати альфу и омегу. Затѣмъ клирикамъ было предложено выразить свои желанія. Одинъ пожелалъ любви какой-то знатной женщины, и ему это было обѣщано. Другой сказалъ, что хочетъ быть въ милости у герцога Брабантскаго, и получилъ на это обѣщаніе и т. д... Послѣ того въ присутствіи клириковъ магистръ сталъ толковать съ своими демонами о Христѣ и о всѣхъ христіанахъ, говоря самыя не позволительныя вещи, чѣмъ были развращены и клирики. Изъ круга же онъ ихъ не выпускалъ до солнечнаго восхода. Да и тогда, переступая кругъ, каждый долженъ былъ говорить: „Deus homo factus est, in hoc honore vivo“; иначе демоны его бы утащили. И выходило, что тотъ, кто побуждалъ клириковъ отрицать таинство воплощенія, не могъ ихъ вывести въ цѣлости изъ круга безъ исповѣданія этого таинства. Тотъ, кто мнѣ это передавалъ, говорилъ, что слышалъ все это отъ двоихъ или троихъ изъ этихъ самыхъ клириковъ“.

Но то же самое движеніе, которое такъ возбудило и обогатило народную фантазію въ области сверхъестественнаго, имѣло и другія, ранѣе уже нами отмѣченныя послѣдствія. Европейское общество времени крестовыхъ походовъ не представляло изъ себя въ умственномъ отношеніи чего-нибудь однороднаго, и чѣмъ выше поднималась въ однихъ его слояхъ вѣра въ чудесное, тѣмъ рѣзче проявляла себя въ другихъ духъ критики и трезвой разсудочности. Эпоха Цезарія изъ Гейстербаха была съ тѣмъ вмѣстѣ эпохой Фридриха II Гогенштауфена, при дворѣ котораго цѣнились только тѣ, кто умѣлъ смотрѣть на міръ Божій собственными глазами, не до вѣряясь чужимъ о немъ рассказамъ. Такимъ образомъ если въ рукахъ однихъ древніе авторы являлись только прибавочнымъ источ-

никомъ по демонологіи, то у другихъ занятія ими развивали чувство жизненной дѣйствительности и изошряли критическій смыслъ; если одни возвращались изъ Святой Земли съ запасомъ чудесныхъ разсказовъ и новыхъ реликвій, то у другихъ тѣ же путешествія убивали вѣру въ какія бы то ни было чудеса и реликвіи; если одни брали изъ арабско-еврейскихъ высшихъ школъ «практическую Каббалу» и мантику, то другіе отуда же привозили любовь къ точнымъ наукамъ и такую философію, какъ философія Аверроеса — этого отъявленнаго вольнодумца, которому кисть благочестивыхъ средневѣковыхъ художниковъ отводила въ аду мѣсто рядомъ съ Магометомъ и Антихристомъ; и если одна часть общества въ началѣ XIII столѣтія зачитывалась и заслушивалась книгами въ родѣ *Dialogus Miraculorum*, то другая рѣшительно относилась все это душеполезное чтеніе въ область сказокъ, съ полною ясностью заявляя, что она выросла изъ анимистическаго міросозерцанія. То, что мы наблюдали въ развитіи древней Греціи и Рима, то повторяется теперь и въ средніе вѣка. При самомъ скудномъ еще знаніи дѣйствительно управляющихъ природою законовъ, при дѣтски произвольныхъ о нихъ догадкахъ умъ человѣческій все же оказывается способенъ мыслить природу, какъ царство строгой закономѣрности, гдѣ нѣтъ мѣста сверхъестественному произволу. Демоны въ томъ видѣ, какъ ихъ описывалъ Цезарій — пугало, созданное собственнымъ людскимъ воображеніемъ; ночныя посѣщенія женщинъ бѣсомъ — кошмаръ, зависящій отъ неправильнаго пищеваренія; магія — отчасти пользованіе неизслѣдованными, загадочными еще для насъ естественными свойствами предметовъ, отчасти игра на силу внушенія, въ большей же своей части — самое безсовѣстное шарлатанство — подобныя идеи въ XIII вѣкѣ вовсе ужъ не были особенною рѣдкостью. «Хотя для всякаго, кто созерцаетъ истинную природу вещей, не можетъ не казаться недопустимымъ или — чтобы назвать это своимъ пменемъ — не можетъ не казаться сказкой утверженіе, будто бы яства или напитки способны пробуждать въ душѣ любовь или ненависть, поскольку тутъ не вліяетъ собственная глупость тѣхъ, кому они даются, но въ виду преступности намѣренія тѣхъ, кто занимается такими наговорами, въ виду того, что они все же желаютъ повредить, хотя и не могутъ, мы не находимъ возможнымъ оставлять ихъ безнаказанными», такъ объясняетъ смыслъ своихъ репрессивныхъ мѣръ противъ колдовства Фридрихъ II, свидѣтельствуя, что «просвѣщеніе» зародилось въ Европѣ раньше, чѣмъ это часто принимаютъ.

При такой смутѣ умовъ новая университетская наука, къ приговорамъ которой охотно стала теперь прилагать свою печать

римская церковь, необходимо должна была привлечь этот предмет къ себѣ на судъ, и она отдала ему, дѣйствительно, должное вниманіе. Начиная съ *Томы Аквинскаго* вопросъ о демонахъ и колдовствѣ занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ кругѣ проблемъ, надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудилась по схоластическому методу европейская теоретическая мысль.

Съ принципіальной стороны, правда, вопросъ этотъ для университетской схоластики былъ простъ. Она сразу приняла въ немъ вполне определенное положеніе, грудью ставъ противъ современнаго ей натурализма съ его отрицаніемъ вмѣшательства волшебниковъ и демоновъ въ жизнь человѣка и природы. «Нѣкоторые утверждаютъ,— такъ высказался по этому поводу *Томъ Аквинскій*, рѣшеніе котораго остается для римской церкви въ полной силѣ и по сіе время,— будто бы никакого волшебства въ мірѣ не существуетъ, кромѣ какъ въ представленіяхъ людей, относящихся на его счетъ естественныя явленія, причины коихъ не понятны. Это однако противорѣчитъ авторитету святыхъ мужей, которые говорятъ, что демоны съ Божьяго поущенія имѣютъ власть и надъ тѣломъ и надъ воображеніемъ людей, почему съ ихъ помощью волшебники и могутъ производить нѣкоторыя знаменія. Возникаетъ же подобное мнѣніе изъ корня невѣрія, ибо они не вѣрятъ, чтобы демоны существовали гдѣ-нибудь, кромѣ народнаго воображенія. Они толкуютъ, будто человѣкъ относитъ насчетъ демоновъ страхи, порождаемые собственной его головой, и такъ какъ при сильномъ возбужденіи фантазіи въ чувствахъ являются тѣ образы, о которыхъ думаетъ человѣкъ, то отсюда людямъ и кажется иногда, будто они видятъ демоновъ. Но истинная вѣра отвергаетъ это, и мы, слѣдуя ей, вѣруемъ, что демоны суть падшіе съ неба ангелы, что по тонкости своей природы они способны дѣлать многое, чего мы не можемъ, и что есть люди, наводящіе ихъ на это, которые и называются лиходѣями (*malefici*)».

Итакъ, отнынѣ вѣра въ реальную возможность волшебства признавалась обязательной для всякаго послушнаго сына римско-католической церкви. Но передъ схоластикой съ тѣмъ вмѣстѣ возникала другая, гораздо болѣе сложная задача. Ей было необходимо выяснить отношеніе между научнымъ и популярнымъ взглядомъ на роль волшебства въ мірѣ, ей было необходимо опредѣлить, чему изъ безчисленныхъ рассказовъ про демоновъ и маговъ добрые католики имѣли право вѣрить и что они должны были отметить, какъ вещи несогласныя съ требованіями руководимаго вѣрою разума. Мы видѣли уже, что въ католической традиціи насчетъ предѣловъ вліянія нечистой силы не было ничего твердо установленнаго. Агобардъ признавалъ возму-

тительной нелѣпостью мысль, будто волшебники способны вызывать бури—и, несмотря на это, множество священниковъ закланало демоновъ, сидящихъ въ грозовыхъ тучахъ; Буркардъ Вормскій осуждалъ вѣру въ духовъ, увлекающихъ мужчинъ въ свои объятія—и это не мѣшало Цезарію рассказывать гейстербахскимъ послушникамъ про любовныя похождения демоновъ въ образѣ женщинъ и т. д.

Такая неопредѣленность тяготила теперь умы, желавшіе осмыслить для себя все, что совершается во вселенной. Очень характерной фигурой для этого переходнаго времени является Вильгельмъ Овернскій, извѣстный покровитель нищенствующихъ орденовъ, бывший профессоромъ и затѣмъ епископомъ въ Парижѣ въ первой половинѣ XIII вѣка. Онъ твердо вѣрилъ въ полную реальность демоновъ. «Не подлежитъ сомнѣнію, что Аристотель заблуждался, не допуская существованія злыхъ духовъ». Онъ представлялъ себѣ ихъ очень грубо. Онъ былъ способенъ, напримѣръ, рассказывать, что «демоны особенно охотно живутъ по выгребнымъ ямамъ и ненавидятъ отходниковъ, какъ разрушителей своихъ храмовъ». Но вышколенная логически голова не позволяла ему при этомъ поддаваться очарованію жившихъ въ его невѣжественной паствѣ волшебныхъ сказокъ, и онъ съ презрѣніемъ ученаго отвергалъ множество изъ нихъ какъ недостойный бредъ. *Apud scientes autem et rationales non audent fantasias huiusmodi ingerere vel suggerere, scientes sermonem sapientis, quo dictum est: frustra iacitur rete ante oculos pennatorum*¹⁾. И въ то же время онъ чувствовалъ, что не имѣетъ здѣсь настоящей почвы подъ ногами. Бѣсы, конечно, могутъ одержать челоуѣка изнутри (*possessio*). Но могутъ ли они его одержать и извнѣ (*obsessio*) или совсѣмъ не могутъ? И если могутъ, то въ какихъ условіяхъ? «Насчетъ этого, — пишетъ онъ, — философія еще не постановила своего приговора, какъ вообще она не довела до полной ясности ни природы злыхъ духовъ, ни сферы ихъ злокозненныхъ дѣяній». Надъ приведеніемъ обоихъ этихъ вопросовъ въ должную ясность, надъ снабженіемъ адептовъ раціонализма въ богословіи необходимыми тутъ научными принципами схоластики и принялась теперь трудиться со всею свойственной ей настойчивостью и обстоятельностью—работа, которой хватило университетамъ на добрыхъ два столѣтія.

«Пространное ученіе схоластики объ ангелахъ и демонахъ, — пишетъ Гансенъ, — съ одной стороны черпавшее свой матеріалъ изъ пестрой смѣси древне-христіанскихъ представлений, сводомъ

¹⁾ Передъ людьми разума и науки они не смѣютъ распускать такіа фантазіи по слову премудраго: Въ глазахъ всѣхъ птицъ напрасно разставляется сѣтъ (Притч. 1,17).

которыхъ служили труды мнимаго Діонисія Ареопагита и Августина, съ другой стремившееся сблизить и согласить Платоново ученіе о духахъ съ библейскимъ ученіемъ объ ангелахъ, представляетъ собой одно изъ самыхъ удивительныхъ скитаній человѣческаго ума по обширному и темному морю трансцендентализма. Когда теперь читаешь всѣ эти безконечныя разсужденія, гдѣ свѣтила средне-вѣковой науки съ глубокомысленнымъ видомъ и съ претензіей на полную достовѣрность стремятся установить, что добрый или злой ангелъ можетъ и чего не можетъ, чего желаетъ и чего не желаетъ, что знаетъ и чего не знаетъ, въ чемъ властенъ и въ чемъ невластенъ, гдѣ сравнивается сила добрыхъ и злыхъ духовъ и разбирается множество другихъ подобныхъ вопросовъ, то на читателя невольно нападаетъ сомнѣніе: да полно, принимали ли сами авторы всѣ эти хитросплетенныя, вымученныя дедукціи серьезно? И неужели подобная борьба съ нечеловѣческими трудностями, которыми они же загромодили эту область демонической механики и психологіи, для нихъ имѣла дѣйствительное значеніе? Вѣдь все же знаменитые схоластики являются признанными корифеями средне-вѣковой науки,—науки, которая въ свою основу полагала разумъ, которая даже отождествляла разумъ и внутреннюю сущность человѣка и лишь желала его просвѣтлить и облагородить указаніями, почерпнутыми изъ Откровенія. То были люди, обладавшіе всѣмъ знаніемъ своего вѣка и стремившіеся слить его въ цѣльную систему; то были люди, которые и сейчасъ для значительной части человѣчества являются свѣточами мысли и недостижимыми образцами и которые такимъ образомъ даже въ наши дни играютъ довольно видную роль въ духовной жизни. Но нѣтъ: для нихъ этотъ отдѣлъ науки представлялся нисколько не менѣе серьезнымъ, чѣмъ всѣ другіе. Съ сознаніемъ глубочайшей важности своей задачи они пускали въ ходъ свое отнюдь не заурядное остроуміе, чтобы по методамъ античной философіи дѣлать выводъ за выводомъ изъ догматовъ католической религіи и скопившихся въ патристическую эпоху домысловъ и разсказовъ. Съ полною убѣжденностью вели они свою Сизифову работу, стараясь путемъ тончайшихъ логическихъ дистинкцій, путемъ неутомимаго анализа и синтеза внести систему въ тотъ безформенный комплектъ различныхъ представленій, который являла собой принятая безъ критики древне-христіанская традиція въ этой сферѣ, и результаты этого труда они провозглашали единственно законной, въ религіи почерпнутой системой міросозерцанія... И если бы тутъ дѣло шло лишь о простой игрѣ ума спекулятивными вопросами. Тогда на это сейчасъ не стоило бы совсѣмъ тратить вниманія. Но эта невоспитанность разсудка имѣла

роковое вліяніе и на жизнь. Признавая такое філософствованіе, такія фантастическія комбинаціи изъ элементовъ покорно принятаго на вѣру христіанскаго преданія за безспорныя научныя данныя, царившая надъ всѣмъ средневѣковая теологія оперировала ими и въ практической дѣйствительности. Точная формулировка положеній богословской науки въ значительной мѣрѣ вызывалась потребностью правовѣрія рѣзче отгородиться отъ несогласныхъ съ нимъ взглядовъ, какъ они проявлялись въ ересьяхъ, пошедшихъ боемъ съ ХІ вѣка на установленную церковь, и правовѣріе безъ колебаній дѣлало изъ школьныхъ теорій критеріи для оцѣнки жизненныхъ фактовъ. Та поразительная смѣлость, съ которой всемогущая, не контролируемая никакой другой духовной силой средневѣковая теологія съ молчаливаго согласія церковной власти предлагала въ руководство жизни свои выводы, часто не заключавшіе въ себѣ ни тѣни опытнаго элемента и покоившіеся всецѣло на преданіи, авторитетѣ и самыхъ шаткихъ заключеніяхъ по аналогіи, является одной изъ характернѣйшихъ чертъ этой заносчивой средневѣковой культуры— и какой рѣкій контрастъ съ ней представляетъ наша современная нерѣшительность и боязливость, когда дѣло заходитъ о томъ, чтобы воспользоваться научными данными для перемѣнъ въ практическомъ міросозерцаніи или въ правовомъ строѣ».

Итоги этой напряженной работы, поскольку она входитъ въ область нашего вопроса, могутъ быть вкратцѣ представлены въ слѣдующемъ видѣ. Реальная возможность колдовства, какъ мы сказали, являлась для схоластиковъ вполне неопровержимой. Кромѣ авторитета святыхъ отцовъ, они ссылались здѣсь на то, что противоположный взглядъ идетъ наперекоръ и дѣйствующему праву, и общепринятому мнѣнію и, наконецъ, опыту, почему онъ долженъ быть безусловно отвергнутъ. Съ другой стороны, въ качествѣ людей науки—*scientes et rationales*—схоластики столь же безусловно соглашались, что «всякій, кто созерцаетъ истинную природу вещей», имѣетъ право отвергать вульгарныя представленія о колдовствѣ, какъ нелѣпую сказку. Простонародное волшебство не знало никакой теоріи. Покоясь на ошибкахъ первобытной логики, оно центръ своей тяжести переносило на самыя свои «операціи», которымъ придавалось объективное значеніе. Такъ, въ «лигатурахъ»— въ дѣйствіяхъ надъ восковымъ изображеніемъ чловѣка—важнѣйшей вещью оказывалась для народа сама кукла; такъ, въ разнаго рода колдовскихъ варевахъ народная магія главнѣйшее значеніе придавала тѣмъ спеціямъ, которыя туда входили, и т. п. Такихъ вещей схоластика нисколько не желала допускать. Все сверхъестественное въ природѣ для нея могло вытекать только изъ одного источника—

изъ вмѣшательства духовъ. *Scientia atque virtute malorum angelorum magicæ artes exercentur* ¹⁾—такова была здѣсь схоластическая аксіома. *Non autem mulierculæ illa faciunt sua naturali virtute aut rerum aliarum, quibus utuntur ministerio, sed ministerio daemonum* ²⁾—это схоластика не уставала твердить на всѣ лады. Но, отвергая вульгарное представленіе о колдовствѣ, схоластика съ такой же рѣшительностью отвергала и ученую магію, стремившуюся заставить духовъ творить волю человѣка. Въ силы Божіей, учила она, нѣтъ силы, которая могла бы заставить духовъ себѣ служить, и если духи какъ будто повинуются иногда вельніямъ волшебниковъ, то это лишь иллюзія: въ сущности они всегда помогаютъ колдунамъ по своей доброй волѣ. Спрашивается однако: какое у демоновъ можетъ быть разумное основаніе предоставлять по временамъ свою силу и знанія въ распоряженіе тѣхъ или иныхъ потерянныхъ людей? или, иначе говоря, на чемъ же покоится дѣйствительная возможность колдовства? Въ отвѣтъ на это схоластики, примыкая къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ бл. Августина и привлекая къ дѣлу неясный библейскій текстъ: «мы заключили союзъ со смертію и съ преисподнею сдѣлали договоръ» (Исаія, 28, 15), пускаютъ въ ходъ ранѣе уже намъ встрѣчавшееся представленіе о договорахъ съ сатаной. Всѣ тѣ магическіе формулы, приемы и начертанія въ родѣ большого и малаго круга, которыми полны были черныя книги, по этому ученію имѣютъ одинъ смыслъ: ихъ надо понимать, какъ условленные между демонами и волшебниками знаки, по которымъ адская сила является на вызовъ связавшихся съ нею нечестивцевъ. Согласіе же демоновъ оказывать свое содѣйствіе человѣку всегда должно быть куплено, и покупается оно слѣдующей цѣной. Суть сатаны—гордыня. Въ гордынѣ онъ возсталъ противъ Господа, за что и былъ низверженъ въ преисподнюю. Но и послѣ паденія онъ не смирился. Ему мучительно видѣтъ тѣ почести, которыя воздаются Богу земными твореніями; ему хотѣлось бы, чтобы люди несли свое поклоненіе къ его собственнымъ ногамъ. Сатана—завистникъ божества или, по выраженію того же бл. Августина, «божія обезьяна». Изъ-за своей гордыни онъ и вступаетъ съ людьми въ сдѣлки: кто отречется отъ Господа и признаетъ своимъ истиннымъ повелителемъ его, тому онъ съ своей стороны беретъ помогать въ достиженіи всѣхъ желаній. Такимъ образомъ всякое колдовство непремѣнной своей основой имѣетъ договоръ съ сатаной. *Magi miracula faciunt per privatos contractus initi foederis cum daemonibus.*

1) Магія дѣйствуетъ знаніями и силой злыхъ духовъ.

2) Эти бабенки творятъ такія вещи не по естественной своей силѣ и не съ помощью предметовъ, которыми онѣ пользуются, а силой демоновъ.

Договоръ этотъ можетъ быть ясно формулированъ или можетъ подразумѣваться (*factum expressum* и *factum implicitum*): сатанѣ достаточно, чтобы человѣкъ чего-нибудь у него попросилъ, ибо всякая обращенная къ сатанѣ просьба является измѣной Богу. Но внѣ такого договора колдовство рациональнаго объясненія имѣть не можетъ. Сатана обычно строго соблюдаетъ обязательство помогать своимъ поклонникамъ. Дѣлаетъ это онъ однако вовсе не по добросовѣстности—такого качества ему, какъ отцу лжи, приписывать нельзя—а по расчету. Начни дьяволъ вести себя иначе, это скоро бы огласилось, и онъ не могъ бы никого склонить на договоръ съ собой.

Въ какомъ же видѣ сносятся демоны съ земными своими поклонниками и вообще какой видъ могутъ они принимать, когда хотятъ вмѣшаться въ людскія дѣла? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, схоластикъ прежде всего необходимо было тщательно изслѣдовать истинный характеръ ихъ собственной природы. Ранніе схоластики, опять-таки примыкая къ бл. Августину, полагали, что всѣ духи, населяющіе воздушныя сферы, имѣютъ свои особыя тѣла очень тонкаго эфирнаго строенія, съ той разницей между демонами и ангелами, что у демоновъ послѣ паденія тѣла сдѣлались нѣсколько грубѣе. На этомъ основаніи такіе богословы, какъ выше помянутый нами Вильгельмъ, епископъ парижскій, сомнительно относились къ рассказамъ, какими полонъ *Dialogus Miraculorum*, гдѣ бѣсы являются на каждомъ шагу въ различныхъ воплощеніяхъ. Тотъ же Вильгельмъ Парижскій однако прибавлялъ, что хотя по его разумѣнію бѣсамъ никакъ нельзя перевоплощаться и получать земное тѣло, но онъ съ истинной радостью готовъ будетъ отказаться отъ своего взгляда, если ему приведутъ въ пользу подобной возможности достаточные философскіе аргументы. И у схоластики классическаго періода въ такого рода аргументахъ не оказалось недостатка. Развитіе рациональной теологіи прежде всего обнаружило неправильность прежней отправной точки въ разсужденіяхъ по этому предмету. Всѣ корифеи схоластической науки признали, что по природѣ своей и ангелы и демоны суть духи вполне безплотные, что ихъ субстанція подходитъ очень близко къ субстанціи человѣческой души, отличаясь отъ нея лишь большей мощью. На ряду съ этимъ схоластика въ лицѣ Томы Аквинскаго рѣшительно заявила, что было бы непростительной дерзостью толковать явленія ангеловъ и демоновъ во плоти, засвидѣтельствованныя такимъ количествомъ «авторитетныхъ» писателей, иначе, какъ буквально. Какимъ же образомъ философскій умъ могъ бы себѣ представить процессъ подобнаго воплощенія духовъ? Отвѣтъ Томы Ак-

винскаго на данный вопрос связанъ съ заимствованнымъ схоластикой изъ древней философіи взглядомъ на истинную природу всякаго движенія. Что духъ способенъ двигать тѣло, тому живымъ примѣромъ являются всѣ одушевленные существа. Что же и движетъ ихъ, какъ не духъ? Стоитъ лишь духу ихъ покинуть, и они превращаются въ неподвижную массу. Но и въ неодушевленной природѣ конечнымъ источникомъ движенія служить то же духовное начало. «Матерія и духъ» являлось для схоластики почти такимъ же противоположеніемъ, какъ наше «матерія и сила». Движеніе всѣхъ «низшихъ тѣлъ» на землѣ для Тіомы Аквинскаго обуславливалось движеніемъ небесныхъ свѣтилъ; свѣтила же, по его ученію, двигались силою ангеловъ. Подобныя движенія въ природѣ, конечно, строго законѣрны: они идутъ по даннымъ Создателемъ для естества уставамъ. Законѣрность эта однако не препятствуетъ тому, что человѣкъ, какъ существо духовное, по своей волѣ можетъ производить извѣстныя перемѣщенія неодушевленныхъ элементовъ. И, признавая такую способность за человѣкомъ, почему бы мы должны были отказывать въ ней безплотнымъ духамъ болѣе могучаго порядка? Значить, какъ ангелы, такъ и демоны, несомнѣнно, должны обладать возможностью производить по своей волѣ извѣстное движеніе въ стихіяхъ. Если же это такъ, то и вопросъ объ ихъ явленіяхъ во плоти рѣшается безъ всякаго труда. Плоть эту они созидаютъ для себя, сгущая атмосферу — добрые ангелы въ высшихъ, особенно чистыхъ ея слояхъ, злые же въ нижнихъ — и прибавляя кое-какіе элементы изъ водяныхъ паровъ и изъ земли. Физиологія такого рода тѣлъ долгое время представляла одну изъ любимыхъ темъ, надъ которыми изощрялось схоластическое остроуміе. Чтобы духи способны были изъ элементовъ «новыя творить природы», этого схоластика не допускала. Образование органическаго вещества лежало для нея внѣ области, на которую могло простираться какое бы то ни было искусство, и плоть духовъ все же оказывалась лишь механическимъ агрегатомъ частицъ. Но если подобныя тѣла мало чѣмъ отличались отъ автоматовъ, то автоматы эти построены были по мнѣнію схоластиковъ настолько совершенно, что внѣшнимъ образомъ могли воспроизводить всѣ главныя функціи дѣйствительнаго человѣческаго тѣла. Они могли и двигаться, и говорить, и ѣсть, не обладая однако присущей лишь организмамъ способностью переваривать пищу. Точно такъ же обстоило съ ними дѣло и въ половой сферѣ. Схоластика не видѣла для науки никакихъ поводовъ отвергать все множество ходившихъ по свѣту рассказовъ о демонахъ въ роли *succubus* и *incubus*. Не только агрессивный Тіома Аквинскій, выражавшій прямое негодо-

ваніе на скептицизмъ, который проявляли по этому поводу иные изъ его современниковъ, но даже осторожный, наблюдательный Альбертъ Великій считалъ, что факты эти подтверждены вполне достаточными свидѣтельствами. *Verissime legitur de incubis et succubis daemonibus, et vidimus personas cognitās ab eis et loca, in quibus vix unquam per noctem potest dormire vir, quin veniat ad eum daemon succubus.* Что же касается «раціональнаго» объясненія возможности такого рода происшествій, то оно, какъ мы видѣли, было подъ рукою. Схоластика не отрицала даже возможности того, что отъ подобныхъ связей у женщинъ могутъ родиться дѣти. Конечно, говорила она, если искусственное тѣло демоновъ неспособно усваивать проглоченную для вида пищу, то оно тѣмъ паче неспособно воспроизводиться. Но здѣсь наука можетъ принять другое объясненіе. Дѣти, прижитыя отъ демона какой-нибудь связавшеюся съ нимъ женщиной, въ сущности будутъ всегда дѣтьми какого-нибудь связавшагося съ тѣмъ же демономъ мужчины. Демонъ же при своей быстротѣ и ловкости является тутъ передаточной инстанціей. Считая такую гипотезу наиболѣе удачною, схоластика предоставляла здѣсь на выборъ и другія. Но тема эта, подробная разработка которой въ схоластической философіи развертываетъ во всемъ блескѣ столь характерный для схоластики «метафизическій матеріализмъ», настолько отвратительна, что лучше съ ней разстаться поскорѣе.

Итакъ, извѣстная намъ статья въ *Corrector* Буркарда, гдѣ налагалось церковное покаяніе за вѣру въ любовныя сношенія съ неземными женщинами, теперь оказывалась плодомъ простаго недомыслія. И судъ церковный отнынѣ не колеблясь сталъ дѣлать практическіе выводы изъ столь солидно обоснованныхъ теорій. Въ 1274 году смежилъ навѣки очи «Ангель Школы» Тома Аквинскій; онъ не дожилъ всего лишь года, чтобы видѣть, какъ одинъ изъ вѣрныхъ его учениковъ впервые отправилъ на югъ Франціи живую женщину въ огонь по обвиненію въ распутствѣ съ демонами. Прошло еще немного времени, и цѣлый орденъ Храмовниковъ оказался передъ лицомъ папскаго и королевскаго суда виновнымъ въ такой же гнусности. Но подозрѣніе въ ней логически распространялось на всѣхъ, кто уличался въ занятіяхъ какими бы то ни было видами колдовства. Въ самомъ дѣлѣ, разъ всякое колдовство предполагало неизбежно заключеніе союза съ сатаной, то какъ же было не предположить, что плотскій союзъ легко могъ являться увѣнчаніемъ возникавшей на этой почвѣ *pestifera familiaritas*—особенно если къ услугамъ сатаны обращались люди, которымъ трудно было иначе удовлетворять свои любовныя вожделѣнія, напримѣръ, уродливыя старухи? Такъ эти представленія о колдов-

ствѣ, о любовныхъ сношеніяхъ съ духами и о договорѣ съ сатаной, которыми народная фантазія играла порознь, усилями систематизирующей науки мало-по-малу были обращены въ смыкающіяся звенья одной и той же неразрывной цѣпи.

Но возвратимся къ нашему ближайшему предмету. Какія же услуги могут оказывать демоны вѣрнымъ своимъ поклонникамъ или, другими словами, гдѣ надо проводить границы волшебства? Въ этомъ вопросѣ схоластика рекомендуетъ крайнюю осторожность, ибо по ея наблюденіямъ демоны, стремясь привлечь къ себѣ возможно большее количество людей, постоянно обманываютъ ихъ насчетъ своего дѣйствительнаго могущества. Имъ хочется, чтобы люди полагали, будто они способны творить такія же чудеса, какъ Богъ. Но думать такъ и приписывать творенію способности, принадлежащія одному Творцу, значитъ впадать въ смертный грѣхъ. Смертнымъ грѣхомъ является, напримѣръ, часто внушаемое демонами мнѣніе, будто они способны предсказывать будущее. Если бы это было вѣрно, во что бы обратилось основное ученіе католической церкви о свободѣ воли? Полное знаніе будущаго принадлежитъ одному Богу. Однако, продолжаетъ схоластическая теорія, угадывать кое-что, поскольку это служитъ наиболѣе вѣроятнымъ выводомъ изъ даннаго положенія вещей, способны даже люди, а тѣмъ паче такія существа, какъ демоны. Не надо забывать, что при своемъ сотвореніи они были одарены, въ качествѣ ангеловъ, особеннымъ умомъ и что за долгіе вѣка, протекшіе съ того момента, они успѣли скопить громаднѣйшій опытъ. Такимъ образомъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ явленія опредѣляются не свободной волей людей и ангеловъ, а правильной причинною зависимостью, демоны оказываются способны заглядывать далеко въ будущее. *Daemones subtilissimi sunt in talium futurorum praecognitione, quae determinata in suis causis sunt.* Отсюда выводъ, что къ «дивинаторной магіи» наука не должна относиться съ безусловнымъ скептицизмомъ.

Въ кругу дѣяній, приписывавшихся молвой «оперативной магіи», схоластика рѣшительно брала подъ свое покровительство возможность для колдуновъ напускать психическія и физическія болѣзни. Прямого воздѣйствія демоновъ на бессмертную человѣческую душу схоластика, правда, не допускала—опять-таки въ связи съ ученіемъ о полной свободѣ воли. Но демонамъ, по ея взгляду, никакъ нельзя отказывать въ способности проникать въ тѣло и нарушать его физическое благосостояніе, а чрезъ посредство тѣлесныхъ органовъ разстраивать и психическія функціи. Въ частности «дьявольское навяженіе», обманы демонами человѣческихъ чувствъ являлись для нея вещью, стоящей внѣ сомнѣнія, хотя изобразить механическую

сторону подобнаго процесса схоластики считали задачей почти непреодолимой трудности. Такъ же благоприятны оказались выводы схоластической философіи для тѣхъ, кто вѣрилъ, что колдуны способны накликать бури. Классическое разрѣшеніе этого вопроса далъ Оома Аквинскій въ своихъ Комментаріяхъ на книгу Іова.

„Принимая во вниманіе, что сказанное бѣдствіе было наведено сатаной, необходимо исповѣдывать, что съ Божьяго поущенія демоны могутъ волновать воздухъ, поднимать вѣтры и вызывать паденіе небснаго огня. Ибо хотя тѣлесная матерія не принимаетъ формы ни по волѣ добрыхъ, ни по волѣ злыхъ ангеловъ, подчиняясь въ этомъ лишь Творцу, но что касается передвиженія, то тѣлесное вещество создано, чтобы повиноваться веществу духовному (*ad motum localem natura corporea nata est spirituali obedire*), какъ это обнаруживается на человѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, по простому приказанію его воли члены его движутся, чтобы исполнить рѣшенное волей. Итакъ, все, что можетъ быть достигнуто простымъ передвиженіемъ, то по естественной своей силѣ могутъ творить не только добрые, но и злые духи, если не встрѣтятъ со стороны Божества препятствій. Вѣтры же и дожди и другія воздушныя явленія могутъ происходить отъ простого движенія растворенныхъ земныхъ и водяныхъ паровъ, такъ что производить ихъ своей естественной силой демоны вполне способны“.

Если же демоны по своей естественной силѣ оказывались на это вполне способны, то какъ же можно было спорить, что наведеніе бурь и грозъ, града и морозовъ должно было включаться въ кругъ дѣяній, доступныхъ колдовству? Негодованіе, которое въ свое время высказывалъ по поводу такой вѣры Агобардъ, теперь оказывалось столь же неосновательнымъ, какъ и гнѣвъ Буркарда на вѣру въ любовныя сношенія съ *agrestes feminae*.

Зато дѣйствительное существованіе оборотней схоластика рѣшительно отказывалась допускать, несмотря на множество съ виду вполне достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Глубокое философское изслѣдованіе предмета вполне здѣсь подтверждало ранѣе уже вынесенный церковью приговоръ: «Кто думаетъ, что какая-нибудь иная сила, кромѣ Божіей, способна обратить одно живое существо въ другое высшаго или низшаго порядка, тотъ, несомнѣнно, отпалъ отъ вѣры и хуже, чѣмъ язычникъ». Такое превращеніе немислимо безъ нарушенія законовъ естества, т.-е. является чудомъ, а подлинныя чудеса доступны лишь Творцу и ангеламъ, когда Творецъ имъ это поручаетъ. Приписывать чудеса демонамъ значитъ впадать въ ересь, очень похожую на манихейство. Разказы очевидцевъ про оборотней согласно этому относились схоластикой совсѣмъ въ другую главу демонологіи: здѣсь для нея дѣло шло, несомнѣнно, о «дьявольскомъ наважденіи», о власти демоновъ надъ человѣческими чувствами. Схоластикъ и здѣсь однако приходилось дѣлать одну существенную оговорку. Чтобы библейскій разказъ о магахъ фараона, обратившихъ свои жезлы въ змѣевъ, могъ тоже разъясняться ссылкой на иллюзіи, это она считала неправдоподобнымъ и прибѣгала здѣсь къ другой теоріи, построенной еще бл. Августиномъ, въ послѣдствіи

же подробно развитой арабским философом Авиценой. Демоны, говорила схоластика, не будучи способны обращать одно существо въ другое, могутъ однако дѣлать очень похожія на это вещи. Змѣи фараоновыхъ волшебниковъ, конечно, не сотворены были демонами, но все же можно полагать, что это были настоящіе змѣи. Развѣ не видимъ мы на каждомъ шагу, что въ мясѣ или въ овощахъ, или въ различныхъ жидкостяхъ при извѣстныхъ условіяхъ какъ будто ни откуда берутся черви или мухи? И развѣ мы не можемъ такимъ путемъ сами плодить червей и мухъ, давая въ сущности только возможность развиваться невидимымъ для глаза, но несомнѣнно ранѣе уже присутствовавшимъ ихъ зародышамъ? Если же всякій человѣкъ способенъ производить подобныхъ мелкихъ гадовъ какъ бы изъ ничего, то почему же не допустить, что демоны при своемъ умѣ и богатствѣ опытомъ могутъ различать въ природѣ зародыши всяческихъ существъ и, создавая искусственно благоприятную для ихъ развитія среду, могутъ съ крайней быстротой вызывать ихъ къ жизни, какъ они вызвали почти моментально къ бытію помянутыхъ въ Исходѣ змѣевъ. Смѣшивая же другъ съ другомъ различные извѣстные имъ элементы тѣлъ или вводя въ тѣло прибавочные элементы, они оказываются даже способны совершать и нѣчто похожее на превращеніе одного тѣла въ другое. Такимъ образомъ для схоластически образованнаго судьи народныя обвиненія противъ колдуновъ, что они напускаютъ гусеницъ и мошку, не заключали въ себѣ ничего бессмысленнаго, и судъ теперь легко разобрался даже въ гораздо болѣе удивительныхъ съ виду фактахъ. На одномъ изъ процессовъ о колдовствѣ конца XIII вѣка подсудимая, 56-лѣтняя старуха показала ученому судѣ доминиканцу Гюго изъ Боньеля, что она много уже лѣтъ спитъ съ демономъ, что она разъ родила отъ него чудище — верхняя половина, какъ волкъ, нижняя, какъ змѣя, — что она кормила свое порожденіе младенцами, которыхъ похищала по ночамъ, но что черезъ два года чудище куда-то безъ вѣсти пропало. Раньше подобное показаніе, вѣроятно, было бы сочтено простымъ бредомъ. Но опытный схоластикъ, знакомый съ ученіемъ о зачатіи отъ incubus'овъ и съ теоріей Авицены, не усмотрѣлъ здѣсь, очевидно, ничего противнаго разсудку: старуха была передана имъ въ руки свѣтской власти, какъ уличенная преступница, и сожжена на площади въ Тулузѣ.

Труднѣе всего достался схоластикъ вопросъ о томъ, согласно ли съ католицизмомъ мнѣніе, что демоны способны своей силой носить тѣла людей по воздуху. Про вѣру въ стригъ схоластикъ при этомъ не приходилось распространяться. Canon Episcopi, гдѣ вѣра эта такъ рѣзко осуждалась, былъ принятъ въ дѣйствующій

кодексъ каноническаго права, и схоластика преклонялась передъ его авторитетомъ. Однако, и помимо стригъ, литература и молва полны были рассказовъ про воздушныя путешествія то праведника на спинѣ бѣса, то грѣшника въ его когтяхъ. Какъ же должна была смотрѣть на нихъ наука?

Въ общемъ схоластика склонялась тутъ очень замѣтно въ сторону отрицательнаго отвѣта. Правда, въ самомъ представленіи о томъ, что духи своею силой могутъ двигать земныя тѣла, для нея не было ничего противорѣчащаго разуму. *Ad motum localem natura corporea nata est spirituali obedire...* Но духи при этомъ не могутъ нарушать предустановленныхъ для тѣлъ законовъ. Между тѣмъ ясно, что человѣческое тѣло отнюдь не предназначено природою для летанья. Отсюда выводъ, что было бы неосторожно приписывать ангеламъ и демонамъ способность своею силой увлекать тѣла людей въ воздушныя пространства.

А книга пророка Даніила, гдѣ повѣствуется, какъ ангелъ, взявши пророка Аввакума за темя и поднявъ за волосы, въ одно мгновеніе перенесъ его изъ Іудеи въ Вавилонъ и поставилъ надъ рвомъ львинымъ? А евангельскій рассказъ объ искушеніи Христа, читающійся въ Вульгатѣ такъ: *Assumpsit eum diabolus in sanctam civitatem et statuit eum super pinnaeculum templi?* А многочисленныя упоминанія о «восхищеніяхъ» (*raptus*), которыя встрѣчаются въ Св. Писаніи и въ достовѣрныхъ житіяхъ святыхъ? На этотъ счетъ Альбертъ Великій и Тома Аквинскій предлагали такія объясненія. Текстъ, относящійся къ Аввакуму, они не признавали необходимымъ понимать буквально. Они считали возможнымъ допустить, что ангелъ несъ Аввакума «въ бурномъ орканѣ», который онъ поднималъ своею силою. И если даже допустить, что тутъ произошло превышеніе естественной ангельской силы, то вѣдь не надо забывать, что дѣло здѣсь идетъ о добромъ духѣ, которому могло быть поручено и совершеніе настоящаго чуда. Въ исторіи искушенія Христа, гдѣ дѣло идетъ уже не объ ангелѣ, а о сатанѣ, Альбертъ Великій и Тома Аквинскій примыкали къ древней экзегезѣ и заявляли, что на ихъ взглядъ тутъ лучше всего держаться Іоанна Златоуста, по мнѣнію котораго Христосъ просто согласился послѣдовать по землѣ за сатаной. Что касается «восхищеній», то изъ упоминаемыхъ Писаніемъ случаевъ въ двухъ — про Іезекіиля и про Іоанна — прямо сказано, что они уносились съ земли только душой. Апостоль Павелъ самъ говоритъ, что онъ не знаетъ, былъ ли онъ восхищенъ съ тѣломъ или безъ тѣла: такъ что на этомъ текстѣ тоже нельзя ничего строить. И наконецъ всѣ достовѣрные случаи изъ житій святыхъ допускаютъ толкованіе при помощи Августиновой теоріи о полетахъ *phantasticum*.

Но далеко не всѣ видные богословы XIII вѣка столь сдержанно относились къ вопросу о людскихъ полетахъ, какъ Альбертъ Великій и Тома Аквинскій. Такіе авторитеты, какъ кардиналь Гюго де-Сень-Шеръ, рѣшительно настаивали на необходимости вполне буквально понимать и рассказъ про Аввакума, и текстъ Вульгаты, гдѣ говорится объ искушеніи Христа. Особенно же горячо стояли за положительное рѣшеніе даннаго вопроса тѣ члены Нищенствующихъ орденовъ, которымъ приходилось работать непосредственно въ народной средѣ. Они указывали своимъ университетскимъ собратамъ, что факты похищенія демонами живыхъ людей повторяются постоянно, что они засвидѣтельствованы вполне надежно и что наукѣ на это не слѣдуетъ закрывать глаза. «Такіе случаи,—писалъ, напримѣръ, доминиканецъ Тома изъ Шантепре послѣ тридцатилѣтней дѣятельности въ качествѣ проповѣдника и исповѣдника,—такіе случаи нерѣдки и въ наше время. Мнѣ самому приходилось слышать про женщинъ, которыя, находясь съ виду какъ будто въ агоніи, были похищаемы демонами, клавшими на ихъ мѣсто подобія ихъ тѣлъ. Подобія погребались за настоящіе трупы, а женщинъ этихъ потомъ встрѣчали среди живыхъ людей». Ссылаясь на достовѣрнѣйшій источникъ, на показаніе очевидцевъ изъ францисканцевъ и доминиканцевъ, онъ далѣе рассказывалъ слѣдующую исторію. Дочь графа Шваненбурга въ Германіи каждую ночь была похищаема демонами часа на два. Одинъ изъ ея братьевъ, вступившій въ францисканскій орденъ, однажды попробовалъ помѣшать такому похищенію. Когда приблизился урочный часъ, онъ крѣпко стиснулъ ее въ своихъ объятіяхъ; но это было тщетно, и демоны вырвали сестру изъ рукъ брата-монаха. И зачѣмъ въ этомъ сомнѣваться, продолжалъ Тома, который самъ учился богословію въ Кельнѣ и въ Парижѣ. Развѣ же не признаетъ бл. Августинъ, что демонъ, называвшійся у язычниковъ Діаной, дѣйствительно перенесъ Ифигенію изъ Авлиды въ Тавриду, оставивъ на ея мѣстѣ лань? Въ виду крупнаго вѣса такихъ свидѣтельствъ и аргументовъ схоластика и не рѣшалась произнести по вопросу о полетахъ окончательнаго приговора, ставя при немъ отмѣтку: *non liquet* ¹⁾. А такъ какъ римскій католицизмъ слѣдовалъ правилу, завѣщанному бл. Августиномъ: *In necessariis unitas, in dubiis libertas* ²⁾, то *Dialogus Miraculorum* со всѣми его воздушными путешествіями свободно продолжалъ служить въ монастыряхъ самой употребительной книгой для чтенія во время общихъ трапезъ.

¹⁾ Не ясно.

²⁾ Въ необходимомъ—единство; въ сомнительномъ—свобода.

Однако если бы все это была истина, если бы демоны действительно обладали такой естественною силой, то какъ же ихъ союзники, волшебники, не оказываются несравненно могущественнѣе самыхъ могущественныхъ земныхъ властителей? Какъ же волшебники съ помощью демоновъ не приведутъ къ своимъ ногамъ вселенную? На этотъ аргументъ, къ которому охотно обращались скептики въ родѣ Агобарда, схоластика отвѣтствовала спокойно: причина въ томъ, что демоны могутъ творить дѣянiя, на которыя они способны, только въ томъ случаѣ, если на это воспослѣдуетъ Божеское поущенiе, а поущенiе это дается имъ далеко не всегда. Но зачѣмъ думать, что оно хоть когда-нибудь имѣетъ мѣсто? Какъ будто Провидѣнiе само не можетъ покарать грѣшника или испытать праведника? И не согласнѣ ли съ евангельскимъ ученiемъ считать, что истинному христіанину не должны быть страшны никакія чары? Опытъ показываетъ, возражала на это схоластика, что чародѣйство существуетъ и что его жертвами становятся не только дурные, но и добрые сыны церкви. Спрашивать же, зачѣмъ Провидѣнiе это попускаетъ, значить, по слову Писанiя, стремиться *plura sapere quam oporteat. Indicia Dei occulta sunt*. Пути Господни неисповѣдимы.

Таковы были главнѣйшіе результаты изысканiй, произведенныхъ схоластикой въ области нашего вопроса. Возможность колдовства, въ которой слишкомъ поспѣшные умы готовы были уже признать лишь мнѣнiе неразвитой черни, теперь была провѣрена научнымъ методомъ, поставлена на новыя основы и въ такомъ видѣ объявлена *communis opinio theologorum*. При трудностяхъ, съ которыми тогда была сопряжена популяризація науки, этотъ усвоенный схоластиками взглядъ не сталъ, правда, съ тѣмъ вмѣстѣ и взглядомъ всѣхъ умственно расшевелившихся людей. Во многихъ кругахъ общества упорно сохранялась ранѣе уже сложившаяся привычка смѣяться надъ рассказами о томъ, якобы бѣсы действительно отравляютъ земное существованiе добрыхъ христіанъ. Припомнимъ, что крайне скептически настроенный по отношенiю къ бѣсамъ *Roman de la Rose* Жана де-Мена, этого «Вольтера и Рабле XIII вѣка», сразу завоевалъ себѣ громкую извѣстность и оставался любимѣйшимъ чтенiемъ французской буржуазiи до самаго конца среднихъ вѣковъ. Но этотъ смѣхъ возбуждалъ въ схоластикахъ приблизительно такое же чувство, съ какимъ современное намъ естествоиспытанiе смотритъ на недовѣрiе невѣжественнаго люда къ теорiямъ въ родѣ происхожденiя болѣзней отъ микроорганизмовъ: жалкое недомыслiе, которое при случаѣ можетъ обращаться въ прямую общественную опасность.

Для тона отношенiй между средневѣковою университетскою

наукой и «натурализмом» намъ стоитъ познакомиться со вступительной главой въ трактатѣ Герсона De erroribus circa artem magicam. Указанный трактатъ выросъ изъ рѣчи, которую этотъ знаменитый канцлеръ парижскаго университета держалъ однажды къ лиценціатамъ медицинскаго факультета на тему: врачу, исцѣлился самъ.

„Въ естественной философіи является правдоподобнымъ, согласно же истинамъ вѣры является несомнѣннымъ, что демоны существуютъ. Такого взгляда держались самые возвышенные изъ философовъ: Гермесъ Трижды-Великій, Платонъ и всѣ послѣдователи его доктрины, Апулей, Порфирій и другіе. Это намъ ясно показываютъ собственные ихъ труды, равно какъ трудъ Августина „О градѣ Божіемъ“. Тезисъ, что демоны существуютъ, на философской почвѣ гораздо легче защищать, нежели противоположный, ибо при этомъ остаются неприкосновенными рассказы о чудесныхъ происшествіяхъ, которые передаются достовѣрными историками у всѣхъ рѣшительно народовъ. Имъ всѣмъ противопоставлять упорное отрицаніе значить переходить въ дерзости всякія границы и колебать основы человѣческаго общенія и гражданскаго союза, такъ какъ той силой, которая людей соединяетъ, скрѣпляетъ и сливаетъ въ одно цѣлое, служатъ взаимное довѣріе и готовность другъ друга слушать. У христіанъ же отрицаніе демоновъ и того, что они могутъ творить въ природѣ очень многое, представляетъ ученіе, которое осуждено, какъ ошибочное, нечестивое и противное Св. Писанію. Итакъ, смѣха достойны, но достойны и суровой кары тѣ, кто издѣвается надъ богословами, лишь только они заводятъ рѣчь о демонахъ и дѣйствіями демоновъ объясняютъ различныя явленія, какъ будто бы это было вещью баснословной. Простекаетъ же подобное заблужденіе у нѣкоторыхъ образованныхъ людей частью отъ недостатка вѣры, частью же отъ слабости и порчи разсудка. Душа ихъ настолько занята чувственнымъ, занята тѣломъ и заботами о немъ или же умъ ихъ настолько погруженъ въ изысканіе частныхъ, осязательныхъ причинъ, что они оказываются совершенно не въ состояніи разумѣть вопросы объ универсальномъ, о первыхъ сущностяхъ и о духовномъ, и теряютъ способность къ тонкому, возвышенному мышленію. Платонъ еще сказалъ, что величайшимъ препятствіемъ къ познанію истины является такая склонность вѣрить лишь чувствамъ, не возвышаясь надъ ихъ свидѣтельствомъ. Такъ же говорили и Цицеронъ, и Августинъ въ трудѣ „Объ истинной религіи“, и Альбертъ Великій, и Вильгельмъ Парижскій: этому учить насъ и опытъ“.

Но схоластика не останавливалась на этомъ въ своей полемикѣ противъ натурализма. Даже столь благородный представитель ея, какъ Герсонъ, не стѣснялся причислять тѣхъ, кто не вѣритъ въ силу магіи, къ лику грубѣйшихъ матеріалистовъ, отрицающихъ Божество и всякое духовное начало въ мірѣ.

„Таковы были,—продолжаетъ онъ,—въ средѣ евреевъ саддукеи, которые по свидѣтельству Іосифа и Иеронима отрицали существованіе духовъ; таковы были нѣкоторые философы отъ неприязни, какъ говоритъ Цицеронъ; таковы были эпикурейцы; таковы и всѣ другіе, кто избираетъ скотскую жизнь, кто не представляетъ себѣ ничего внѣ тѣлеснаго и протяженнаго. Отъ ихъ лица говорятъ Экклезіастъ и Премудрый въ Книгѣ Премудрости глава 2-я. Глядя на нихъ, подумаешь, что сами они отъ чьихъ-то заклятій сошли съ ума. Въ себѣ самихъ не признаютъ они разсудка, не признаютъ духовныхъ, сверхчувственныхъ явленій: советѣмъ какъ Навуходносору, который воображалъ себя волкомъ, или другіе маньяки, изъ которыхъ инымъ представляется, будто они пѣтухи, другимъ—будто они коты и т. д. Къ числу ихъ относился тотъ безумецъ, который рекъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ, ибо если есть Богъ, то онъ есть духъ, если же нѣтъ ни одного духа, то нѣтъ и Бога“.

Итакъ, не вѣрить въ демоновъ значить не вѣрить въ Бога. Не вѣрить въ демоновъ значить уподобляться тѣмъ «неправо умствующимъ».

щимъ», которымъ Книга Премудрости влагала въ уста такія рѣчи: «Жизнь наша — прохожденіе тѣни, и нѣтъ намъ возврата отъ смерти; ибо положена печать, и никто не возвращается. Будемъ же наслаждаться настоящими благами и спѣшить пользоваться міромъ, какъ юностью. Увѣнчаемся цвѣтами розъ прежде, нежели они увяли. Будемъ притѣснять бѣдняка праведника, не пощадимъ вдовы и не постыдимся многолѣтнихъ сѣдинъ старца. Сила наша да будетъ закономъ правды...» Иначе говоря, тотъ, кто не вѣритъ въ демоновъ, является для Герсона врагомъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ уставовъ.

При такой постановкѣ дѣла въ столь вліятельныхъ кругахъ средневѣковому натурализму было гораздо благоразумнѣе не высказывать свои сомнѣнія слишкомъ открыто. И такъ какъ скептицизмъ не побуждаетъ своихъ адептовъ искать пальмъ мученичества, то они и слѣдовали голосу благоразумія. О нихъ мы чаще узнаемъ изъ раздраженныхъ нападокъ богослововъ, нежели изъ собственныхъ ихъ нападокъ на спиритовъ. Къ тому же послѣдовательная критика общаго схоластическаго міросозерцанія была для нихъ далеко не подъ силу. Въ распоряженіи ученыхъ приверженцевъ союза между разумомъ и авторитетомъ стояла школа, обеспечивавшая непрерывную, всестороннюю разработку усвоеннаго ими порядка идей, тогда какъ свободомысліе при строгомъ отношеніи къ нему церковной власти могло себя проявлять лишь изолированными вспышками. И такимъ образомъ, когда свѣтское общество къ концу среднихъ вѣковъ начало предъявлять съ своей стороны запросъ на ученое образованіе, то почерпать его оно сначала было принуждено изъ популярныхъ обработокъ тѣхъ же «Итоговъ Теологіи». Отсюда и выносило оно ту картину міроваго строя, которую съ такою силой изобразилъ своей огненной кистью знатокъ подобной литературы, авторъ Божественной Комедіи.

Такъ создалась интеллектуальная атмосфера, въ которой могли возникнуть процессы вѣдмъ. Теперь посмотримъ, какимъ путемъ они дѣйствительно возникли.

V.

Научныя мечты Вильгельма, епископа парижскаго, къ XV вѣку, какъ мы видѣли, сбылись вполне. Схоластика оправдала всѣ возлагавшіяся на нее надежды и съ ясностью раскрыла природу злыхъ духовъ и способы вмѣшательства ихъ въ человѣческую жизнь. Но при своемъ абстрактномъ, умозрительномъ характерѣ «раціональная теологія» главнѣйшимъ образомъ изслѣдовала въ этой области предѣлы мыслимыхъ возможностей. Изслѣдованіе же соот-

вѣтственной дѣйствительности падало не на школу. При свѣтѣ новыхъ научныхъ данныхъ этимъ предметомъ долженъ былъ заниматься церковный судъ, на которомъ искони лежала обязанность охранять общество отъ «изобрѣтеннаго дьяволомъ пагубнаго искусства волхванія».

Но въ лонѣ воинствующаго католицизма схоластической эпохи и судъ церковный являлся уже не прежнимъ миролюбивымъ и распущеннымъ учрежденіемъ, какимъ онъ сдѣлался въ періодъ безраздѣльнаго господства римской церкви надъ всей духовной жизнью Западной Европы. Для сколько-нибудь успѣшной борьбы противъ ересей, одолѣвавшихъ ее съ XII вѣка, церкви нельзя было довольствоваться той формою процесса, которую она усвоила себѣ подъ давленіемъ свѣтскихъ юридическихъ порядковъ. Въ самомъ дѣлѣ, мыслимо ли было допускать, чтобы еретики развивали свою преступную дѣятельность безъ всякой помѣхи, пока противъ нихъ не выступитъ какой-нибудь добрый католикъ съ частною жалобой? При этихъ обстоятельствахъ папская курія начинаетъ настоятельно внушать епископамъ, что истинное право церкви есть римское право и что согласно этому власти церковныя должны заниматься «инквизиціей», должны сами отыскивать скрывающихся въ обществѣ нарушителей божескихъ законовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ курія обращается и къ носителямъ свѣтской власти съ требованіемъ, чтобы они съ своей стороны оказывали всяческое содѣйствіе церковнымъ слѣдователямъ и приговаривали къ смертной казни всѣхъ, кого церковный судъ сочтетъ того достойнымъ: церковь сама попрежнему не проливала крови. Законность казней за вѣру подтверждалась опять-таки ссылкой на судебную практику Римской имперіи. Опытъ однако скоро показалъ, что старый механизмъ епископскаго суда даже при восстановленіи слѣдственнаго процесса являлся ненадежнымъ орудіемъ въ дѣлѣ искорененія ересей. Судъ этотъ велъ свои процессы медленно, съ широкою оглаской, позволявшей множеству виновныхъ спастись бѣгствомъ, и часто съ недостаточной энергіей. Тогда римская курія, не отмѣняя епископской юрисдикціи по дѣламъ вѣры, рѣшила создать для ихъ разбора еще особый судебно-полицейскій органъ—такъ называемыхъ «папскихъ слѣдователей по дѣламъ о еретическомъ нечестіи».

Принципы, положенные въ основу новаго учрежденія, были тѣ же, которыми и понынѣ руководятся абсолютныя государства въ борьбѣ со всякою считающейся ими опасной для себя тайной пропагандой: централизація, соединеніе сыска и суда въ однѣхъ рукахъ, тайный доносъ, тайное разбирательство, лишеніе подсудимаго обычныхъ судебныхъ гарантій. На языкѣ средневѣковой папской куріи

это именовалось «вести дѣла *summario, simpliciter et de plano, absque advocatorum et iudiciorum strepitu et figura*». Оправдывался такой упрощенный порядокъ «святостью» возложенной на инквизиторовъ обязанности (*sanctum officium*) и въ средневѣковыхъ условіяхъ онъ принималъ слѣдующія формы.

«Папскіе инквизиторы» всѣ свои полномочія получали непосредственно отъ папскаго престола и только передъ нимъ обязаны были отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. При трудности и отвѣтственности задачи инквизиторовъ ихъ полагалось избирать съ большою осторожностью, изъ людей, обладавшихъ безупречною репутаціей, жизненной опытностью и тонкимъ богословскимъ образованіемъ; послѣднее являлось необходимѣйшей для инквизитора вещью, такъ какъ иначе онъ не могъ бы строго различать виды ересей ¹⁾ и срывать съ заподозрѣнныхъ личину притворства. Въ условіяхъ XIII вѣка лица, соединявшія въ себѣ такія качества, скорѣе всего отыскивались въ составѣ только что возникшихъ тогда нищенствующихъ орденовъ, доминиканцевъ и францисканцевъ. Держать въ своихъ рукахъ *sanctum officium* осталось привилегіей этихъ орденовъ, особенно доминиканцевъ, и въ послѣдующее время. Прибывъ въ ту область, которую надлежало очистить отъ еретическаго яда, такого рода папскій инквизиторъ прежде всего сзывалъ народъ къ себѣ на проповѣдь: присутствіе на ней приносило 40-дневное отпущеніе грѣховъ. На этой проповѣди онъ въ силу полученной отъ папы власти повелѣвалъ всѣмъ обитающимъ въ данной округѣ духовнымъ и свѣтскимъ людямъ, чтобы они въ недѣльный срокъ указали ему лицъ, на которыхъ у нихъ есть малѣйшее подозрѣніе въ отступничествѣ отъ вѣры, — которыя превратно говорятъ о таинствахъ и церкви или вообще въ своемъ поведеніи и нравахъ чѣмъ-нибудь отличаются отъ добрыхъ католиковъ. Отъ этой обязанности доносить не дѣлалось ни для кого изъятій. Отъ нея не освобождала никакая степень близости и родства: мужъ долженъ былъ доносить на жену и жена на мужа, родители должны были доносить на дѣтей и дѣти на родителей. Доносчику обезпечивалась полная тайна его имени во избѣжаніе возможныхъ репрессалій и обѣщалась трехгодовая индульгенція. За укрывательство, напротивъ, грозило отлученіе отъ церкви — кара, которая влекла тогда за собой очень тяжелыя послѣдствія. Доносы, продиктованные фанатизмомъ, ненавистью или страхомъ, обычно

¹⁾ Насколько сложной задачей это являлось, можно судить по извѣстному *Directorium Inquisitorum*, составленному въ XIV вѣкѣ испанскимъ инквизиторомъ Эймерикомъ. Въ печатномъ его изданіи алфавитный перечень ересей занимаетъ 12 убогихъ страницъ. На одну букву А приходится 54 названія.

не заставляли себя ждать. Разсмотрѣвъ ихъ, инквизиторъ приводилъ доносчиковъ къ присягѣ и послѣ этого, смотря по обстоятельствамъ, касательно однихъ изъ оговоренныхъ наряжалъ дополнительное слѣдствіе, другихъ же прямо привлекалъ въ свой трибуналъ къ отвѣту. Взявъ подозрительное лицо подъ стражу, инквизиторъ вручалъ подсудимому въ видѣ обвинительнаго акта выдержки изъ сдѣланныхъ на него доносовъ и предлагалъ, не дознаваясь объ именахъ доносчиковъ, давать свои объясненія по существу дѣла. Въ случаѣ, если такія объясненія въ глазахъ судьи оказывались недостаточными, онъ для раскрытія всей истины прибѣгалъ къ понудительнымъ мѣрамъ. Такими легальными понудительными мѣрами, назначенными къ тому, чтобы сломить упорное отнѣкиванье подсудимыхъ и нежеланіе назвать сообщниковъ, служили тюремное заключеніе въ тяжелыхъ цѣпяхъ, изнуреніе человека путемъ голода, жажды и бессонницы и наконецъ пытка въ собственномъ смыслѣ слова. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ ту эпоху, когда вводилась инквизиція, другіе европейскіе суды еще не знали пытки, какъ узаконеннаго слѣдственнаго приема. Если она иногда и примѣнялась, то это разсматривалось обществомъ, какъ грубая тиранія, и церковь первая рѣшительно воспрещала всѣмъ членамъ духовенства имѣть малѣйшее касательство до пытки. Но измѣнившіяся обстоятельства заставили и церковь измѣнить свой взглядъ на это средство. Ссылаясь на то, что въ римскомъ правѣ пытка была допущена по дѣламъ объ оскорбленіи Величества и что еретики вполне подходятъ подъ соотвѣтственныя статьи римскаго кодекса, какъ оскорбители *Divinae Maiestatis*, папская курія предписала инквизиторамъ не смущаться прежними ея запретами и примѣнять пытку въ борьбѣ съ еретическимъ нечестіемъ вездѣ, гдѣ только отъ нея можно ждать для церкви пользы. Само собою разумѣется, что инквизиція не заставила повторять такое разрѣшеніе два раза, и въ скоромъ времени допросъ въ застѣнкѣ сталъ душой всего инквизиціоннаго процесса.

Облеченные столь исключительными полномочіями, новые папскіе трибуналы своей единственной задачей должны были имѣть борьбу противъ еретиковъ. Всѣ прочія религіозныя преступленія и проступки попрежнему оставались въ вѣдѣніи нормальныхъ, т.-е. епископскихъ судовъ. Но еретичество какъ въ популярныхъ представленіяхъ конца среднихъ вѣковъ, такъ и въ научныхъ умозрѣніяхъ оказывалось въ столь близкомъ родствѣ съ преступными занятіями волшебствомъ, что инквизиція не находила для себя никакихъ основаній, получивъ въ руки доносъ на колдуна, признавать себя здѣсь некомпетентной и отсылать доносчика къ агентамъ мѣст-

наго епископа. Это соединеніе въ рукахъ инквизиціонныхъ трибуналовъ сыска по колдовскимъ и еретическимъ дѣламъ имѣеть, впрочемъ, для насъ такую важность, что намъ необходимо болѣе подробно познакомиться съ обстоятельствами, въ которыхъ оно осуществилось.

Извѣстно, съ какою легкостью религіозныя сообщества, вынуждаемыя силой гоненія искать покровы тайны, дѣлаются жертвой самой невѣроятной клеветы. Припомнимъ здѣсь хотя бы тѣ толки, которые въ свое время ходили среди населенія Римской имперіи про собиравшихся потихоньку въ катакомбахъ христіанъ. Одинъ изъ первыхъ христіанскихъ апологетовъ, Минуцій Феликсъ, сводить ихъ въ слѣдующую ужасную картину.

„Аѳиняне,—такъ говорить въ діалогѣ „Октавій“ язычникъ, нападающій на христіанъ,—изгнали изъ своего города нѣкоего Протагора за то, что онъ разсуждалъ о богахъ слишкомъ по-философски, не такъ, какъ подобаеть гражданину, и сожгли его произведенія. А мы, мы будемъ терпѣть, чтобы какаят-то гнусная секта безнаказанно нападала на боговъ? Чтобы, собирая изъ подонковъ общества грубыхъ и невѣжественныхъ людей, въ особенности женщинъ, которыхъ свойственная ихъ полу слабость позволяетъ такъ легко соблазнять, она ихъ превращала въ кощунственныхъ заговорщиковъ и собирала на ночныя собранія, гдѣ творятся ужасы? Эти люди, которые ищутъ тьмы и бѣгутъ свѣта, которые ничего не говорятъ открыто и шепчутся только другъ съ другомъ, на что они способны?.. Развратъ составляетъ ихъ религію. Они зовутъ другъ друга братьями и сестрами, придавая этимъ священнымъ именемъ простому блуду вкусъ кровосмѣшенія—такъ жаждутъ они подобныхъ преступленій. Будь это неправда, объ этомъ бы не толковали. Разсказываютъ также, что по какому-то непостижимому суевѣрью они обожаютъ освященную голову осла: истинно достойная ихъ религія... Церемонія, которая совершается при допущеніи новаго члена къ ихъ таинствамъ, не менѣе ужасна. Предъ новичкомъ кладутъ младенца, закатаннаго въ тѣсто, чтобы скрыть отъ человѣка убійство, которое его заставляютъ совершить. По командѣ онъ долженъ нѣсколько разъ вонзить въ такое тѣсто ножъ; кровь льется изъ-подъ каждаго удара, они жадно ее сосутъ—и это преступленіе является залогомъ всеобщаго молчанія о тайнѣ... Извѣстно тоже, каковы ихъ совмѣстныя трапезы. Въ праздничный день они всѣ собираются вмѣстѣ—мужчины, женщины, дѣти, братья, сестры, люди всякаго возраста и пола. Наѣвшись и напившись вдоволь, когда отъ мяса и вина въ нихъ разгорится сладострастіе, они бросаютъ кусокъ собацѣ, привязанной къ свѣтильнику. Кусокъ этотъ бросается такъ, чтобы собака не могла его схватить иначе, какъ перепрыгнувъ черезъ пламя и опрокинувши его. Освободившись такимъ путемъ отъ единственнаго свидѣтеля своихъ преступленій, они предаются ужаснѣйшему свальному грѣху“.

И эти дикія розказни повторялись даже среди образованныхъ язычниковъ съ крайнимъ упорствомъ: Аѳинагоръ, Юстинъ и Татианъ должны были точно такъ же защищать христіанъ противъ взводившихся на нихъ обвиненій въ безбожии, въ кровосмѣшеніи и въ людоедствѣ.

Ту участь, которую своевременно претерпѣвали христіане среди римскихъ язычниковъ, пришлось испытать и еретикамъ въ средѣ римскихъ католиковъ. Главнымъ противникомъ римскаго католицизма съ XI по XIII столѣтіе являлось еретическое ученіе катаровъ. Катары были дуалисты, глядѣвшіе на весь матеріальный міръ, какъ

на царство духа тьмы, который хитростью заточил туда искры божества—безсмертныя человѣческія души. Въ сознаниі массы правовѣрныхъ католиковъ это преломлялось въ томъ видѣ, что катары истиннымъ своимъ повелителемъ признавали не Бога, а сатану. Считая плоть нечистой, катары отвергали святость брака. Полное человѣческое совершенство для нихъ лежало въ строжайшемъ цѣломудріи. Отсюда выводъ массы, что катары, презирая бракъ, проповѣдуютъ распутство. Въ несложной обрядности катаровъ на первомъ мѣстѣ стояло духовное крещеніе (*consolamentum*), переводившее человѣка изъ разряда ищущихъ въ разрядъ «совершенныхъ». На голову вновь принимаемаго члена одинъ изъ старшихъ «совершенныхъ» въ молитвенномъ собраніи возлагалъ руки, затѣмъ надъ нимъ читалась первая глава Евангелія отъ Іоанна, послѣ чего ему давался поцѣлуй мира. Въ воображеніи правовѣрныхъ католиковъ этимъ поцѣлуемъ всякій вступающій въ секту катаровъ обмѣнивался съ самимъ сатаной: для нихъ это былъ тотъ самый поцѣлуй, которымъ во многихъ мѣстностяхъ Европы принято было скрѣплять *homagium*—извѣстный уже намъ терминъ для присяги, дѣлавшей ленника «человѣкомъ» новаго господина. Отвергая всѣ католическія таинства, катары удержали однако обрядъ благословенія хлѣбовъ. Такой благословенный хлѣбъ они брали съ собой, пускаясь въ дорогу. Имъ они всячески старались снабжать во время гоненія братьевъ, которымъ приходилось бѣжать на далекую чужбину. Существовало даже мнѣніе, что если брату приходится умирать, не сподобившись принять духовнаго крещенія, то этотъ хлѣбъ можетъ считаться замѣною *consolamentum*. Хлѣбъ этотъ въ рассказахъ про катаровъ обращается въ волшебный порошокъ, который катары носятъ при себѣ, употребляя вмѣсто причастія: и кто его попробуетъ, тотъ неизбежно впадаетъ въ ересь. О томъ же, какъ готовился подобный порошокъ, лучше всего послушать монаха Павла Шартрскаго, писавшаго въ концѣ XII вѣка на основаніи свидѣтельствъ «очевидцевъ».

„Ночью съ фонарями въ рукахъ они собирались въ домъ одного изъ своихъ и наподобіе литаній выкликали имена демоновъ, пока вдругъ демонъ не спустился къ нимъ въ видѣ какого-нибудь животнаго. Какъ только появилось это видѣніе, всѣ свѣточи тушились, и каждый торопливо хваталъ первую подъ руку попавшуюся женщину, чтобы совершить съ ней грѣхъ. Была то мать или сестра, или монахиня—имъ это было не только все равно, но святость и монашество дѣлали даже грѣхъ гораздо слаще. Младенецъ, явившійся на свѣтъ отъ такого жертвой очистительнаго огня: разведя огромное пламя, они на немъ спаливали ребенка. Пепель его собирался и сохранялся ими съ такимъ же благоговѣніемъ, съ какимъ у христіанъ сохраняются Св. Дары, назначенные для отсутствія отходящимъ изъ этой жизни. И въ этомъ порошокѣ была такая сила дьявольскаго обмана, что кто изъ этой секты его хотя бы разъ попробовалъ немножко, тому ужъ невозможно было никогда возвратиться умомъ своимъ на путь истинной вѣры“.

Въ первыхъ разсказахъ про гнусности, которыя творятся на шабашахъ еретиковъ — въ «синагогахъ сатаны», какъ окрестило католическое правовѣріе молитвенныя собранія катаровъ — дьяволъ является еретикамъ еще въ человѣческомъ образѣ, въ видѣ арапа или даже въ образѣ ангела свѣта. Но позже утвердилось мнѣніе, что чаще всего дьяволъ при этомъ принимаетъ образъ чернаго кота, заставляя лобызать себя не въ губы, а подъ хвостъ. Иначе средневѣковая наука при незнакомствѣ съ греческимъ языкомъ, затруднялась объяснить самое названіе «катары» (отъ греческаго *καθαρός* — чистый). Cathari dicuntur a cato, quia, ut dicitur, osculantur posteriora cati, in cuius specie, ut dicunt, apparet eis Lucifer ¹⁾ — такъ писалъ Doctor Universalis, профессоръ богословія въ парижскомъ университетѣ, схоластикъ Аланъ изъ Лилля. Явленіе сатаны въ видѣ кота — опять-таки со словъ очевидцевъ — не разъ описывалось въ литературѣ очень картинно. Въ урочный часъ еретики собираются на шабашъ въ синагогу. Къ потолку синагоги прикрѣплена длинная веревка. Всѣ ждутъ. И вотъ по этой веревкѣ задомъ съ поднятымъ хвостомъ спускается огромный черный котъ. Это ихъ божество, это ихъ повелитель. Всѣ бросаются лобызать его самымъ позорнымъ образомъ. Затѣмъ огонь въ синагогѣ потухаетъ, и начинается неслыханная оргія. На ряду съ образомъ кота сатана любила принимать также образъ гигантской жабы. Тогда онъ требовалъ, чтобы его лобызали прямо въ уста — и Вильгельмъ парижскій серьезно размышлялъ о томъ, почему свыше «попускаются» такіе поцѣлуи.

Выработавшись сначала въ примѣненіи къ катарамъ, эта картина еретическаго шабаша дѣлается затѣмъ шаблономъ, который прилагался ко всѣмъ сектантамъ, нарушавшимъ спокойствіе римской церкви. Когда же за дѣло взялась инквизиція, то поднялась и степень достовѣрности такого рода фактовъ. Изъ разсказовъ «очевидцевъ и бывшихъ членовъ секты» они теперь превратились въ судебныя показанія, записанныя со словъ виновныхъ слѣдователями, облеченными полнымъ довѣріемъ папскаго престола. Въ Германіи катары никогда не имѣли большой силы. Въ ней преобладали секты рационалистическаго характера въ родѣ вальденцевъ, мечтавшихъ о возрожденіи на землѣ чистой евангельской нравственности. И тѣмъ не менѣе первый германскій инквизиторъ, Конрадъ изъ Марбурга, всякаго обвиненнаго въ ереси человѣка допрашивалъ насчетъ того, не давалъ ли онъ поцѣлуи мира жабѣ, коту или

¹⁾ Катары зовутся такъ отъ кота: ибо, какъ говорятъ, они цѣлуютъ въ задъ кота, въ видѣ коего, какъ говорятъ, является имъ Люциферъ.

другимъ страшилищамъ. Отвѣты, которые удавалось вымучивать Конраду, мы узнаемъ изъ буллы папы Григорія IX отъ 1233-го года, составленной на основаніи донесеній германской инквизиціи въ Римъ. Для куріи являлось доказаннымъ, что нѣмецкіе еретики въ своихъ «школахъ» занимаются тѣми же гнусностями, которыми занимались катары въ «синагогахъ». Булла Григорія IX даетъ намъ вообще одну изъ самыхъ разработанныхъ картинъ еретическаго шабаша. Приведенный впервые на шабашъ новичокъ прежде всего лобызаетъ дьявола въ образѣ жабы. «Жаба эта всегда бываетъ достаточной величины: иногда съ утку или съ гуся, чаще же съ цѣлую печь». Затѣмъ навстрѣчу новичку выходитъ мертвенно-блѣдный человѣкъ, съ черными, какъ уголья, глазами, худой невѣроятно, одна кожа да кости. Съ нимъ тоже новичокъ обмѣнивается поцѣлуемъ. Поцѣлуй этотъ холоденъ, какъ ледь, и послѣ него изъ сердца новичка сразу изглаживается всякая память объ истинной вѣрѣ. Затѣмъ собраніе садится за пирушку. Послѣ пирушки изъ статуи, «которая всегда стоитъ въ еретическихъ школахъ», поднимается черный котъ. Но къ цѣлованію кота допускаются лишь «совершенные». Прочіе же еретики только склоняютъ передъ котомъ головы, прося его о милости и обѣщая ему повиновеніе. За обожаніемъ кота слѣдуетъ неизбѣжная оргія въ крошечной тѣмѣ. Тѣма эта разсѣвается отъ новаго явленія дьявола. На этотъ разъ онъ принимаетъ до пояса видъ человѣка, отъ котораго исходитъ ослѣпительное сіяніе, ниже же пояса онъ остается однако шершавъ, какъ котъ. Онъ благодаритъ «мастера», представившаго предъ его очи новичка, за вѣрную службу и такъ далѣе. А въ жизни, прибавляетъ булла, эти гнусные люди прикидываются добрыми католиками. Каждый годъ на Пасху они тоже являются къ причастію. Но они не потребляютъ гостію, а принеся ее во рту домой, выплевываютъ въ помойную яму, позоря своего Спасителя.

Сходный шаблонъ былъ принятъ инквизиціей и на процессѣ ордена храмовниковъ. Этимъ еретикамъ тоже пришлось признаться, что они плюютъ на крестъ, поклоняются дьяволу въ видѣ идола или въ видѣ кота и предаются разнузданному разврату. Оргіи у храмовниковъ носили, впрочемъ, еще болѣе сатанинскій характеръ, чѣмъ у другихъ еретиковъ. Мѣсто женщинъ у этихъ рыцарей-монаховъ заступали демоны—succubus'ы.

Какимъ же образомъ на свѣтѣ отыскивались люди, способные вступать въ такія отвратительныя сообщества? Для добрыхъ католиковъ казалось несомнѣннымъ, что дѣло не могло тутъ обходиться безъ колдовства. Первое же гоненіе на катаровъ въ началѣ XI

вѣка родило легенду о ихъ волшебномъ порошокѣ, заставлявшемъ забывать истинную вѣру. Извѣстные намъ безансонскіе еретики, у которыхъ подъ мышкой былъ зашитъ договоръ съ сатаной, соврашали народъ своими знаменіями. Мы видѣли, какъ они пользовались характерной для всѣхъ колдуновъ потерей въ удѣльномъ вѣсѣ. Они кружили добрымъ католикамъ головы, ходя по водѣ какъ по сушѣ и не оставляя слѣдовъ на полу, усыпанномъ мукою. Огонь оказывался безсиленъ противъ еретиковъ не въ одномъ Безансонѣ. Въ другихъ мѣстахъ тоже записаны были случаи, когда еретикъ не горѣлъ на кострѣ, пока къ костру не выносили Св. Даровъ. Приведенный у насъ выше рассказъ монаха Альбериха про подвиги толедскаго чернокнижца въ Мاستрихтѣ тоже стоитъ въ прямой связи съ исторіей распространенія ересей. Отъ этихъ восьми клириковъ, развращенныхъ чернокнижцемъ, и пошла, по словамъ Альбериха, секта люциферанъ. Вообще у монаховъ-лѣтописцевъ было что поразсказать про гнусную дружбу демоновъ съ еретиками. Въ 1233 году, заносить въ свою хронику тотъ же Альберихъ, въ Германіи сожжено было несчетное множество еретиковъ, при чемъ одна особенно дорогая сердцу Люцифера дружка съ костра была подхвачена демонами и исчезла безъ слѣда. Онъ же передаетъ намъ еще болѣе поразительный случай, обнаружившійся на большомъ процессѣ, который инквизиція вела въ 1239 году противъ катаровъ въ окрестностяхъ Шалона на Марнѣ. Нѣкая еретичка показала тамъ суду, какъ она однажды въ страстную пятницу демонами перенесена была въ Миланъ, чтобы прислуживать за трапезой тамошнимъ катарамъ. А чтобы мужъ не замѣтилъ ея отсутствія, одинъ изъ демоновъ скинулся ею и остался дома рядомъ съ мужемъ... Однимъ словомъ, къ тому времени, какъ инквизиція выступила на сцену, популярное мышленіе не знало уже строгаго различія между еретикомъ и колдуномъ: все это были люди, связавшіеся съ нечистой силой.

Нѣсколько иначе подступали къ вопросу тѣ исключительные знатоки вѣры, тѣ бывшіе слушатели богословскихъ факультетовъ, которые наполняли трибуналы инквизиціи. Они не зачисляли всѣхъ еретиковъ въ категорію колдуновъ; зато во всякомъ колдовствѣ они видѣли нѣчто еретическое, что дѣлали такія преступленія подсудными *sancto officio*. Въ самомъ дѣлѣ, наука твердо установила, что колдовать возможно лишь силой демоновъ, что всякое колдовство предполагаетъ договоръ съ сатаной и отреченіе отъ Бога. Каждый колдунъ, слѣдовательно, могъ разсматриваться, какъ отщепенецъ отъ церкви. А ввѣренное инквизиціи *negotium fidei* въ томъ и заключалось, чтобы вернуть церкви полное единство. Значить, если

инквизиторъ того хотѣлъ, онъ могъ въ своихъ проповѣдяхъ обязывать населеніе доносомъ не только на катаровъ или на вальденцевъ, но и на всѣхъ *invocatores daemonum*, на всѣхъ, кто «заключаетъ съ демонами открытые или молчаливые договоры».

Такъ понимали свои полномочія первые дѣятели инквизиціи и такъ они учили своихъ преемниковъ. Замѣтимъ, что въ рукахъ высоко-образованныхъ людей, какими были папскіе слѣдователи, *Arg inquirendi haereticos* скоро приняло ученый, систематическій характеръ. Различныя *Summa de officio inquisitionis*, *Practica inquisitionis*, *Directorium inquisitorum* и такъ далѣе, гдѣ обобщался судебный опытъ ряда инквизиціонныхъ трибуналовъ, къ концу среднихъ вѣковъ представляли изъ себя особый отдѣлъ юридической литературы, и уже самыя раннія изъ нихъ содержатъ въ себѣ *Interrogatoria ad sortilegos, divinos et invocatores daemonum*. Въ этомъ отдѣлѣ, посвященномъ колдовству, мы находимъ все содержаніе «черныхъ книгъ», вращавшихся въ обществѣ XIII вѣка. Знакомство съ безчисленными видами гаданья и оперативной магіи входило непремѣннымъ составнымъ элементомъ въ образованіе совершеннаго инквизитора.

Но оказалось, что инквизиторы тутъ поторопились. Дѣла о колдовствѣ были извѣстны римской церкви какъ нельзя лучше, когда она еще не вѣдала никакихъ еретиковъ. Дѣла эти всегда разбирались епископскимъ судомъ, и нѣкоторые изъ епископовъ, повидимому, совсѣмъ не склонны были допускать вмѣшательства новыхъ папскихъ агентовъ и въ эту область. По крайней мѣрѣ мы находимъ, что въ 1260 году папа Александръ IV счелъ нужнымъ обратиться къ инквизиторамъ съ такимъ предостереженіемъ: «Порученное вамъ дѣло вѣры,—писалъ имъ папа,—настолько важно, что вамъ не слѣдуетъ отвлекаться отъ него преслѣдованіемъ другого рода преступленій. Поэтому дѣла о гаданьѣ и колдовствѣ надобно вести инквизиціоннымъ порядкомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда они опредѣленно отзываются ересью; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ ихъ надо оставлять за учрежденными для того ранѣе судами».

Принципъ былъ выставленъ. Но надобно было еще найти конкретныя формулы, соответствующія принципу, надобно было установить признаки колдовскихъ дѣяній, которыя *haeresim sapiunt manifeste*. У корифеевъ схоластики на это не отыскивалось прямыхъ отвѣтовъ. Въ своемъ абстрактно-философскомъ порядкѣ идей они не имѣли повода касаться этого вопроса, который получилъ теперь такую практическую важность, они не имѣли повода точно анализировать соотношеніе между ересью и колдовствомъ. Такимъ образомъ ученые канонисты здѣсь были предоставлены собственнымъ силамъ.

Одной изъ самыхъ удачныхъ попытокъ рѣшить вопросъ долгое время почиталась записка, составленная въ началѣ XIV вѣка знаменитымъ болонскимъ юристомъ Ольдрадо да Понте для папскихъ комиссаровъ, которымъ было поручено заняться дѣломъ нѣкоего Иоанна изъ Партимаха. Этого Иоанна схватила инквизиція за то, что онъ, добиваясь благосклонности одной дамы, далъ выпить ей наговорнаго зелья. Иоаннъ, пользуясь своими связями, подалъ въ Римъ жалобу, доказывая свою неподсудность инквизиціонному трибуналу. Папа поручилъ рассмотреть основательность претензіи двумъ епископамъ, которые съ своей стороны и консультировали Ольдрадо. Ольдрадо велъ разсужденіе такимъ путемъ. Онъ исходилъ изъ опредѣленія ереси, составленнаго еще бл. Августиномъ и принятаго въ такъ называемый Декретъ: *haereticus est, qui falsas vel novas opiniones gignit vel sequitur*¹⁾. Согласно этому существенными признаками ереси для него являлись, съ одной стороны, *error in ratione*²⁾, съ другой—*pertinacia in voluntate*³⁾. Итакъ, не всякое обращеніе къ демонамъ должно признаваться «пахнущимъ ересью» и подсуднымъ инквизиціи. Тутъ дѣло зависитъ, во-первыхъ, отъ того, о чемъ человѣкъ демоновъ просить. Такъ, спрашивать демоновъ о будущемъ, конечно, ересь, ибо знаніе будущаго принадлежитъ одному Богу, и вопрошающій приписываетъ такимъ образомъ демону божескія свойства. Но обращаться къ демонамъ за тѣмъ, зачѣмъ къ нимъ обратился Иоаннъ, отнюдь не можетъ признаваться еретическимъ дѣяніемъ. Иоаннъ хотѣлъ при помощи дьявола соблазнить добродѣтельную женщину. Конечно, это тяжкій грѣхъ; но заблужденія тутъ нѣтъ, такъ какъ качество искуссителя и по церковному ученію является однимъ изъ главныхъ качествъ дьявола: «искусителемъ» прямо называетъ сатану Св. Писаніе. Съ другой стороны, продолжалъ Ольдрадо, необходимо различать, въ какой формѣ обращался человѣкъ за содѣйствіемъ къ демонамъ. Если онъ—какъ то было въ случаѣ Иоанна—пытался имъ приказать, то тутъ опять-таки нѣтъ «вкуса ереси». Но трудно не считать ересью, если человѣкъ при этомъ предъ демонами унижался и воздавалъ имъ почести, которыя приличествуютъ лишь Богу или святымъ.

Папскіе комиссары признали доводы Ольдрадо убѣдительными и объявили Иоанна не подлежащимъ инквизиціонному суду. Инквизиція, съ своей стороны, тоже не стала пускаться въ принципиальныя препирательства съ Ольдрадо. Она лишь твердо стояла на

1) Еретикъ тотъ, кто создаетъ или усваиваетъ ложныя или новыя мнѣнія.

2) Заблужденіе разума.

3) Упорство воли.

одномъ: что она можетъ всѣхъ виноватыхъ въ занятіяхъ волшебствомъ брать къ себѣ на допросы и что ей самой должно быть представлено выясненіе того, какія формы принимало въ различныхъ случаяхъ *invocatio daemonum*, былъ ли тутъ ясно выраженный или молчаливый договоръ, и какъ поступки колдуна относились къ культу «латріи» или «дуліи». И въ этомъ ей со стороны римской куріи не было отказа. Мало того: многіе изъ преемниковъ Александра IV сами поощряли инквизицію безъ всякаго стѣсненія выслѣживать и судить колдуновъ извѣстнымъ намъ упрощеннымъ порядкомъ, ссылаясь на то, что иначе отъ волшебства скоро совсѣмъ не станетъ никому житья: такъ быстро умножалось, по ихъ мнѣнію, число людей, которые «заключали союзъ со смертію и съ преисподнею дѣлали договоръ».

*Adorare daemones, baptizare imagines et talia sunt valde gravia peccata et modernis temporibus multum incipiunt pullulare*¹⁾—эти характерныя для XIV вѣка жалобы заслуживаютъ нашего полного вниманія. Стала ли Западная Европа къ этому времени дѣйствительно колдовать сильнѣе, чѣмъ она колдовала прежде, на это источники наши не позволяютъ намъ дать отвѣта. Во всякомъ случаѣ и въ раннее средневѣковье Европа была съ колдовствомъ достаточно знакома. Но несомнѣнно, что въ XIV вѣкѣ она сильнѣе трепещетъ передъ колдовствомъ, чѣмъ трепетала раньше. Съ одной стороны, самое колдовство принимаетъ въ ней гораздо болѣе мрачный, сатанинскій характеръ. Научная разработка вопроса о волшебствѣ въ высшей школѣ успѣла принести свои плоды. Черезъ монаховъ-проповѣдниковъ, служившихъ посредниками между университетами и народной массой, «теорія договора» стала знакома самымъ глухимъ мѣстностямъ Европы и вызвала соотвѣтственный прогрессъ въ практикѣ волшебства. «Продажа души чорту» изъ области легендъ теперь переходитъ въ очень распространенную операцію. Мы знаемъ, какъ разросся образъ сатаны къ XIV вѣку—довольно вспомнить Данте или фрески на кладбищѣ въ Пизѣ—и сила эта манила къ себѣ всѣхъ, чье сердце снѣдалось отчаяніемъ, гнѣвомъ, злобой или страстью. Принесеніе сатанѣ жертвъ—отъ черной бабочки до некрещенаго младенца—вызовы сатаны, черная месса, подписка кровью вѣрноподданнической присяги, дикія преступленія съ цѣлью снискать особую благосклонность ада—на все это

¹⁾ Воздавать божескія почести демонамъ, крестить восковыя фигуры и тому подобное—все это тяжкіе грѣхи, весьма умножающіеся въ новое время. (По средневѣковому взгляду дѣйствія надъ восковой фигурой человека только въ томъ случаѣ могли отзываться на человекѣ, если такая фигура была предварительно окрещена священникомъ, какъ живой младенецъ.)

въ концѣ среднихъ вѣковъ дѣйствительно пускались отчаянныя головы. Съ другой стороны, тѣ же успѣхи богословской науки, равно какъ общее накопленіе опыта, сильно ослабили прежнюю спасительную вѣру въ мѣры, которыя своевременно выработала католическая церковь для огражденія своихъ чадъ отъ козней нечистой силы. Уже Тома Аквинскій признаетъ, что церковныя заклятія одолеваютъ демоновъ не при всякой «тѣлесной порчѣ». Но онъ высказываетъ еще убѣжденіе, что «экзорцизмъ» не можетъ оставаться безсильнымъ, если онъ примѣняется именно къ тому случаю, для котораго онъ былъ съ самаго начала предназначенъ. Позднѣе же схоластика дѣлаетъ и дальнѣйшія уступки очевидности. «Опытъ показываетъ, — говорятъ доктора богословія въ XIV вѣкѣ, — что съ поущенія Божія демоны иногда не отступаютъ ни передъ какими заклятіями и экзорцизмами. Въ подобныхъ случаяхъ снять порчу можетъ собственно лишь тотъ колдунъ, который ее напустилъ, или связавшійся съ тѣми же демонами его товарищъ. Но обращаться къ колдуну за чѣмъ бы то ни было, хотя бы за избавленіемъ отъ его же чаръ, значить впадать въ смертельный грѣхъ».

При такихъ обстоятельствахъ обществу оставался одинъ путь. Оно должно было усиленно бороться противъ колдуновъ земными средствами, оно должно было рукою правосудія нещадно вырывать подобныхъ «лиходѣевъ» изъ своей среды. А рука правосудія въ концѣ среднихъ вѣковъ дожилась на всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ столкновеніе, съ иною тяжестью, чѣмъ въ раннее средневѣковье.

Exempla trahunt. Слѣдственный процессъ съ судебной пыткой недолго оставался исключительной принадлежностью главной носительницы средневѣковой культуры, римской церкви. «Легисты», наполнившіе въ эпоху процвѣтанія университетовъ совѣты государей, скоро вывели на ту же дорогу и свѣтскій судъ. Съ конца XIII вѣка одно европейское государство за другимъ переходитъ отъ стараго обвинительнаго процесса къ сыску, дѣлая изъ застѣнка необходимую принадлежность слѣдственной камеры, и вмѣстѣ съ этимъ въ исторіи Европы открывается періодъ, «когда суды являлись худшей угрозой для свободы, чести и счастья гражданъ, нежели всякій деспотическій произволь» (Вахтеръ).

Наука именовъ религіи осуждаетъ малѣйшее сомнѣніе въ существованіи колдовства. Папскій престоль мечетъ противъ колдуновъ буллы, объявляя отлученными отъ церкви *ipso facto* «всѣхъ, кто приносить демонамъ жертвы и покланяется имъ, кто замыкаетъ демоновъ въ кольца, зеркала и пузырьки, кто вопрошаетъ демоновъ о будущемъ, проситъ у нихъ содѣйствія и за столь гнусныя вещи аплатитъ имъ гнуснымъ холопствомъ». Общество въ страхѣ всюду

видить колдуновъ и усердно на нихъ доносить. Суды съ помощью пытки почти у всякаго оговореннаго вырываютъ признаніе въ винѣ. Количество процессовъ все растетъ. Каждый процессъ является новымъ подтвержденіемъ правоты науки и папскаго престола. Каждый процессъ все больше раскрываетъ глаза людямъ на тѣ опасности, которыми постоянно грозить имъ нечистая сила. Какъ же могли бы они въ такую пору не толковать о томъ, что «новое время кишить колдунами» и какъ бы они стали отказываться въ борьбѣ противъ колдовства отъ услугъ такого учрежденія, какъ инквизиція, блестяще доказавшая совершенство своей организаціи на побѣдоносной борьбѣ съ еретиками? *Valde rationabiliter posset ecclesia statuere, quod talia facientes, etsi non haberent errorem fidei in intellectu, si facerent hoc precise propter aliquod pactum cum demone habitum, velut heretici punirentur, et forsitan expediret, ut propter gravitatem pene homines a talibus arcerentur*¹⁾,—такія пожеланія раздавались изъ среды самого общества, и въ этомъ духѣ составленъ былъ цѣлый рядъ папскихъ буллъ на протяженіи XIV и XV вѣка.

Къ чему же однако намъ останавливаться съ исключительнымъ вниманіемъ на папской инквизиціи? Развѣ же инквизиціонный процессъ съ пыткой не сталъ теперь преобладающей формой уголовного правосудія въ Европѣ? И развѣ одной этой перемѣны въ европейскомъ судоустройствѣ не достаточно, чтобы объяснить, какъ могли въ концѣ среднихъ вѣковъ увидѣть свѣтъ истинные процессы вѣдьмъ? Почему намъ не присоединиться просто къ давно высказанному положенію, по которому «процессы вѣдьмъ являются законнымъ чадомъ юриспруденціи»? Можетъ быть правы католическіе историки, говоря, что міръ обязанъ былъ появленіемъ вѣры въ вѣдьмъ не богословамъ, а юристамъ? Всѣ элементы бреда вѣдьмами, всѣ эти безчисленные рассказы про оборотней и стригъ и т. п., вопреки просвѣтительнымъ стараніямъ церкви, упорно жили въ невѣжественной народной массѣ. Извѣстныя печальныя событія XIV вѣка съ черною смертью во главѣ придали работѣ народной фантазіи особенно болѣзненную, мрачную окраску. А тутъ явилась пытка—способъ дознанія, который часто даже самага добросовѣстнаго судью лишалъ возможности отличить болѣзненный бредъ отъ истины. Зачѣмъ же трогать здѣсь схоластику? Зачѣмъ искать нужнаго объясненія въ какихъ-то дебряхъ, когда оно у всѣхъ передъ глазами?

«Рациональная юриспруденція» конца среднихъ вѣковъ, родная

¹⁾ Церковь могла бы съ полной цѣлесообразностью постановить, чтобы тѣ, кто занимается подобными вещами, даже въ томъ случаѣ, если при этомъ не оказывается заблужденія разума, карались бы какъ еретики, разъ тутъ имѣетъ мѣсто договоръ съ дьяволомъ. И слѣдовало бы тяжестью такой кары отпугивать отъ этого людей.

сестра «раціональної теології», конечно, ділити съ неї отвѣтственность за появленіе процессовъ вѣдьмъ. Культура умиравшей Римской имперіи заразила юность европейской науки не только спиритизмомъ. Оттуда же заимствована была наукой идея государства, обладающаго правомъ во имя общаго блага творить любое насиліе надъ отдѣльной личностью. И спора нѣтъ, что если бы пытка къ началу новой исторіи не стала обычной принадлежностью ученаго суда, то европейская цивилизація осталась бы чиста отъ смраднаго пятна гоненія на вѣдьмъ. Но факты неоспоримо свидѣтельствуютъ и о томъ, что одна ссылка на пытку еще ничего не объясняетъ намъ въ происхожденіи процессовъ о вѣдовствѣ. Только въ рукахъ судьи-схоластика, приученнаго школой чураться эмпиризма и материализма, пытка оказалась способной переработать всѣ относящіяся сюда безсвязныя народныя представленія въ одну цѣльную, потрясающую картину.

Дѣйствительно, развѣ въ самой Римской имперіи всѣ элементы позднѣйшаго бреда вѣдьмами не находились ужъ налицо? И развѣ имперія, особенно въ христіанскую свою пору, стѣснялась при допросѣ колдуновъ прибѣгать къ жесточайшимъ формамъ пытки? Драконовскимъ духомъ дышать указы императора Констанція о мѣрахъ для конечнаго искорененія волшебства въ христіанскомъ мірѣ. Библия говоритъ: «Чародѣвъ не оставляй въ живыхъ», твердили Констанцію окружавшіе его аріане — и императоръ поступалъ по соотвѣтствію. Всякій видъ волшебства, хотя бы самый невинный, какъ амулеты противъ какой-нибудь болѣзни, теперь карался смертю. Что же касается вредоносныхъ маговъ, «которые преступно распоряжаются стихіями и губятъ своихъ ближнихъ», то въ борьбѣ съ ними Констанцій не останавливался ни передъ какими жестокостями. Онъ повелѣвалъ судамъ хватать заподозрѣнныхъ въ подобныхъ преступленіяхъ лицъ по первому доносу, пытать ихъ накрѣпко и въ случаѣ скорого признанія кидать звѣрямъ или распинать на крестѣ, а въ случаѣ упорнаго заперательства рвать у нихъ желѣзными крючьями мясо съ костей. И тѣмъ не менѣе до самаго конца Римской имперіи колдуны все же оставались простыми колдунами. Они не стали «сектой», не стали распутничать съ нечистымъ, не полетѣли никуда на шабашъ. По временамъ, какъ при самомъ Констанціи или при Валенсѣ, имъ приходилось очень плохо. Но то были отдѣльныя вспышки деспотическихъ жестокостей, и въ общемъ Римская имперія не можетъ указать ничего подобнаго позднѣйшему двухвѣковому преслѣдованію вѣдьмъ. Тѣ же условія находимъ мы и въ средневѣковой Византіи. И тамъ душа народной массы кишѣла суевѣріемъ; и тамъ колдунъ, попавъ на судъ, не

избѣгалъ рукъ заплечныхъ мастеровъ; и все это не привело однако Византію къ знакомству съ «вѣдовствомъ». Но самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ здѣсь представляются, конечно, непосредственныя наблюденія надъ ходомъ различныхъ колдовскихъ процессовъ на томъ же западѣ Европы въ XIV вѣкѣ.

Дѣла о колдовствѣ въ разныхъ мѣстахъ шли тогда очень различнымъ порядкомъ. Въ отсталыхъ странахъ и свѣтскій и епископальный судъ еще придерживались стараго «обвинительнаго» процесса. На ряду съ этимъ другія страны и въ свѣтскихъ и въ епископальныхъ трибуналахъ усвоили уже слѣдственный процессъ съ пыткой. Наконецъ, колдунами занимался также судъ инквизиціи, особенности котораго намъ извѣстны. Ходъ дѣлъ, которыя велись старымъ обвинительнымъ порядкомъ, насъ возвращаетъ къ раннему средневѣковью: процессы рѣдки, кары мягки, доносъ является рискованною вещью. Много жесточе дѣйствуютъ свѣтскіе и епископальные суды, которые успѣли уже обзавестись застѣнкомъ. Число процессовъ возрастаетъ, исходъ ихъ обыкновенно бываетъ неблагопріятенъ для обвиняемыхъ, общество замѣтно привыкаетъ пользоваться обвиненіемъ въ колдовствѣ, какъ средствомъ мести. Но тѣмъ не менѣе и въ свѣтскихъ и въ большинствѣ епископальныхъ судовъ ходячія представленія о колдовствѣ за это время не обогащаются никакими новыми чертами. Предъ нами тутъ однообразной вереницей проходятъ люди, обвинявшіеся въ томъ, что подъ вліяніемъ страсти, ревности или злобы они готовили все тѣ же наговорныя зелья, восковыя куклы, амулеты и т. д. Нигдѣ въ указанныхъ судахъ процессы эти не проявляютъ также склонности принимать массовый характеръ. На скамьѣ подсудимыхъ являются отдѣльныя лица или небольшія группы соумышленниковъ, оправданіемъ или обвиненіемъ которыхъ все и кончается. Зато процессы, которые велись епископами изъ нищенствующихъ монаховъ и еще болѣе процессы папской инквизиціи въ томъ же XIV вѣкѣ—даже до черной смерти—явственно начинаютъ мѣнять свою окраску, заставляя насъ чувствовать близость настоящихъ процессовъ вѣдьмъ.

Дѣйствительно, чѣмъ чаще дѣла о колдовствѣ попадаютъ въ руки судей-демопологовъ, знакомыхъ со всѣми установленными наукой возможностями въ этой сферѣ, тѣмъ омерзительнѣе становятся фигуры колдуновъ. Если бы колдуны занимались лишь тѣмъ, за что ихъ прежде обвиняли! А то схваченная въ Новарѣ инквизиціей чертовка, которая тамъ извела столько дѣтей, призналась, что, заключая съ адомъ договоръ, она топтала крестъ ногами и на колѣняхъ молилась сатанѣ. Или взять «дьявольское гнѣздо», накрытое въ Ирландіи францисканцемъ Рихардомъ Ледредомъ, епископомъ

оссорійскимъ, въ 1324 году. Ихъ было тамъ 12 душъ—семь женщинъ и пять мужчинъ, изъ нихъ одинъ духовный, и всѣ они оказались на судѣ ужасными *haeretici sortilegae, diversis utentes sortilegiis, quae sapiebant diversas haereses*¹⁾. Душой компаніи была знатная дама Алиса Кителеръ, «волшебница, по силѣ равнявшаяся самымъ могучимъ волшебникамъ Англіи и даже всего міра». Весь этотъ скопъ отрекся отъ Христа и церкви, ругался надъ тайнствами, по ночамъ на перекресткахъ приносилъ дьяволу жертвы, и дьяволъ самъ являлся къ нимъ то какъ арапъ, то какъ черная собака, то какъ котъ. Но какъ бы онъ ни являлся, они безбожно съ нимъ распутничали. Звался ихъ главный дьяволъ *Robinus filius artis*. Онъ частенько жаловалъ и на домъ къ своей возлюбленной, госпожѣ Алисѣ, когда одинъ, когда съ пріятелями. Что они тамъ творили—это перо отказывается передавать. Въ черепѣ обезглавленнаго преступника изъ мозга некрещенаго младенца съ прибавкой травъ и всякой несказанной мерзости варили эти колдуны свои зелья, отъ которыхъ плохо приходилось добрымъ христіанамъ. Сама Алиса всѣхъ четырехъ своихъ мужей отправила съ помощью ада на тотъ свѣтъ. Алиса, правда, ускользнула отъ рукъ епископа, убѣжавъ въ Англію. Но кое-кому изъ гнусныхъ ея сообщниковъ пришлось отправиться по заслугамъ на костеръ. Прежде всего была брошена въ огонь горничная Алисы, Петронилла: *et haec est prima sortilega haeretica inter tot et tantas, quae unquam combusta fuit in Hibernia*²⁾, такъ кончаетъ свой рассказъ о ней хроника XIV вѣка. Итакъ, оказывалось, что «еретическіе колдуны», эта вновь установленная колдовская разновидность, по мѣстамъ собиралась на такіе же шабашы, какъ и настоящіе сектанты. Чаще всего съ этимъ приходилось встрѣчаться южно-французской инквизиціи, работавшей въ странѣ особенно зараженной ересями, и въ инквизиціонные архивы для справокъ грядущимъ инквизиторамъ были занесены на этотъ счетъ дѣйствительно поразительные факты. Такъ, въ 1335 году на большомъ процессѣ въ Тулузѣ, гдѣ колдуны судились вмѣстѣ съ еретиками, инквизитору Пьеру Гюи пришлось выслушать отъ двухъ «еретическихъ колдуній» признаніе такого рода. Ужъ 20 лѣтъ тому назадъ, говорили онѣ, былъ ими заключенъ страшный договоръ съ адомъ. Было то ночью, на перекресткѣ, и сатана явился тутъ въ видѣ пламени. Послѣ этого каждую субботу онѣ стали впадать въ волшебный сонъ и улетать на шабашъ. На шабашѣ, гдѣ сатана при-

¹⁾ Еретическими колдунами, занимавшимися разными видами колдовства, которые отзывались различными ересями.

²⁾ То было первая еретическая колдунья изъ всѣхъ, кои когда-либо были сожжены въ Ирландіи.

нималъ поклоненіе въ видѣ гигантскаго козла, конечно шла обычная оргія—распутство участниковъ между собой и съ сатаной. Изъ угощенія же особымъ лакомствомъ являлось мясо младенцевъ, стаченныхъ ночью. Но этотъ шабашъ былъ въ то же время и своего рода «школой». Сатана тутъ преподавалъ всѣ тайны колдовскаго искусства: какъ поднимать бури, какъ напускать болѣзни и т. д. Все это взятыя инквизиторомъ колдуньи показали изъ-подъ пытки. Добромъ же онѣ не захотѣли этихъ показаній подтвердить. Одна изъ нихъ прямо стала объяснять, что она женщина больная и что подобныя видѣнія мучили ее ночью, какъ кошмаръ, и даже иногда днемъ, какъ галлюцинаціи. Въ виду необыкновенности дѣла инквизиторъ пригласилъ на совѣтъ нѣсколькихъ «мудрыхъ и ученыхъ мужей». Въ результатѣ совѣщанія отговорки колдуній были признаны дьявольской хитростью, и подсудимыя были отданы въ руки свѣтской власти, которая и озаботилась ихъ сожженіемъ.

Надъ этимъ показаніемъ «мудрымъ и ученымъ мужамъ» дѣйствительно приходилось задуматься. Разсказъ тулузскихъ колдуній объ ихъ полетахъ на шабашъ, гдѣ онѣ пожирали младенцевъ, очень напоминалъ народное повѣрье о стригахъ-людоѣдкахъ, а эти бредни были давно уже осуждены церковью, и предписаніе сажать за нихъ на хлѣбъ и на воду съ тѣхъ поръ неоднократно церковью подтверждалось. Такъ относились къ дѣлу Руководства по церковной дисциплинѣ, такъ относились и люди науки.

„Иные утверждаютъ, что нѣкая царица ночи или Иродіада устраиваетъ ночныя сборища для пира и для службы, гдѣ по заслугамъ она однихъ наказываетъ, другимъ же расточаетъ похвалы. Туда же, говорятъ они, ламіями приносятся младенцы, и однихъ сборище немедленно рветъ на куски и пожираетъ, другихъ же предсѣдательница милуетъ и возвращаетъ въ колыбели. Кто можетъ быть однако такъ слѣпъ, чтобы не видѣть, что это злостное издѣвательство демоновъ надъ человѣческими чувствами? Не даромъ это случается лишь съ бѣдными женщинами да съ глупыми, слабыми въ вѣрѣ мужчинами. Если же съ человѣкомъ, страдающимъ подобнымъ ослѣпленіемъ, потолковать покрѣпче и раскрыть ему глаза, то злой духъ съ легкостью побѣждается и отгоняется. Лучшее лѣкарство противъ подобной болѣзни — имѣть твердую вѣру, не слушать такой лжи и не обращать никакого вниманія на всѣ эти прискорбныя глупости“.

Противъ такого разсужденія, представленнаго въ свое время Іоанномъ Салисберійскимъ, никто изъ образованныхъ людей съ тѣхъ поръ не считалъ возможнымъ спорить, и сама инквизиція неукоснительно предлагала нетвердымъ въ вѣрѣ людямъ вопросъ, не прегрѣшали ли они также и противъ *Sanon Episcopi*. Но, съ другой стороны, колдуньи не поминали никакой царицы ночи. То, что они описывали, почти во всемъ сходилось съ обыкновенной картиной шабаша еретиковъ. А еретическіе шабашы самой же инквизиціей были доказаны документально. Пьеръ Гюи и его консультанты рѣшили вопросъ въ томъ смыслѣ, что показаніямъ колдуній надо дать

вѣру. Но дѣло по существу во всякомъ случаѣ оставалось темнымъ. Народное воображеніе сильно занято было теперь картиной шабаша, и инквизиторы имѣли въ рукахъ факты, что нѣкоторые негодяи готовы были отречься отъ Христа только за тѣмъ, чтобы попасть на сатанинскія вакханаліи. Такъ, въ Каркассонѣ въ 1352 году семь человѣкъ признались инквизитору, что они въ духѣ обожали Козла, надѣясь быть взятыми на шабашъ, но по маловѣрію не могли этого достигнуть. Но кого бралъ дѣйствительно сатана на шабаша, какъ туда можно было попадать и, въ частности, насколько усердно шабаша посѣщались «еретическими колдунами», — насчетъ всего этого инквизиція не дѣлала еще никакихъ заключеній, не обладая въ достаточномъ количествѣ нужнымъ судебнымъ матеріаломъ.

Та медленность, съ которой разъяснялись эти вопросы, та медленность, съ которой инквизиція доходила до представленія о вѣдунгахъ и вѣдмахъ, какъ особой «сектѣ», въ значительной мѣрѣ обуславливалась тѣмъ, что инквизиціоннымъ трибуналамъ долгое время приходилось работать въ крайне неблагоприятныхъ условіяхъ. Намъ теперь ясно, какъ выросли позднѣйшія сказанія о вѣдмахъ. Мы видимъ, что тутъ слились три различныхъ элемента — вѣра въ колдовство, вѣра въ ужасные еретическіе шабаша и вѣра въ летающихъ по ночамъ то кровожадныхъ, то распутныхъ, то просто падкихъ до угощенія женщинъ. Вѣра въ летающихъ по воздуху людей играла при этомъ первостепенно важную роль. Стоило выдернуть изъ ткани эту нить, и отъ ученія о «сектѣ вѣдьмъ» ничего не оставалось. Разбросанныхъ по свѣту «еретическихъ колдуновъ» возможно было слить въ одно сообщество наподобіе катаровъ и вальденцевъ лишь при одномъ условіи, что для нихъ открыты не только земные, но и воздушные пути. Иначе всѣ оговоры со стороны сообщниковъ — главный источникъ питанія для процессовъ вѣдьмъ — неизмѣнно бы разбивались о доказательства матеріальной невозможности для указанныхъ лицъ находиться въ данное время на данномъ мѣстѣ. Но если въ Европѣ XIV и XV вѣка было не мало мѣстностей, гдѣ «стриги» занимали народную фантазію съ такой же силой, какъ при Буркардѣ Вормскомъ или при Іоаннѣ Салисберійскомъ, то въ общемъ мѣстности эти совсѣмъ не совпадали съ тѣми, гдѣ приходилось вести свою работу инквизиціи. Тѣ области Европы, гдѣ живо было первобытное міросозерпаніе, не вѣдали у себя и язвы ересей и не нуждались въ заботахъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Ереси были порожденіемъ передовыхъ странъ съ сильно развитой городской культурой, какъ южная Франція и сѣверная Италія. Изъ горожанъ главнымъ образомъ состояли ряды катаровъ, которыхъ современники нерѣдко обозначали

просто названіемъ ткачи. Города составляли точно такъ же и главную арену дѣятельности вальденцевъ и ломбардскихъ бѣдныхъ. Но, разрушая наивность вѣры, толкая людей на путь рационализма, городская атмосфера естественно разрушала вмѣстѣ съ тѣмъ и наивность суевѣрій. Какъ это было въ Римской имперіи, такъ это было и въ средніе вѣка. Стригамъ и оборотнямъ въ городскихъ стѣнахъ не находилось нужнаго простора.

Въ Европѣ XIV - XV вѣка были однако двѣ страны, которыя совмѣщали въ себѣ не совмѣщавшіяся въ другихъ мѣстахъ условія—крайнюю умственную отсталость населенія и изобиліе въ его средѣ еретиковъ. Странами этими являлись Альпы и Пиринеи. Централно расположеннымъ Альпамъ и принадлежитъ печальная честь считаться истинной колыбелью «процессовъ вѣдьмъ».

Разбросанные по недоступнымъ горнымъ высямъ и долинамъ, почти оторванные отъ прочаго міра, среди грозной природы, могуче дѣйствовавшей на фантазію, альпійскіе охотники и пастухи являлись въ ту эпоху, быть можетъ, самыми вѣрными хранителями запаса первобытныхъ общеевропейскихъ повѣрій. «Альпы кишать суевѣріемъ», писалъ въ началѣ XV вѣка доминиканецъ Нидеръ, и современникъ его тирольскій судья Винтлеръ въ своей поэмѣ «Цвѣты Добродѣтели» при описаніи альпійскихъ суевѣрій нашель матеріала почти на тысячу стиховъ. Съ особенною силою держалась въ Альпахъ вѣра въ домовыхъ, которые по ночамъ вступаютъ въ любовныя сношенія съ людьми, и въ ночные полеты, при чемъ для этого нетрудно указать и фізіологическія причины. Такъ называемое *Alpdrücken* и яркій до галлюцинаціи бредъ летаньемъ до сихъ поръ остаются, наравнѣ съ кретинизмомъ, особенно характерными для Альпъ болѣзнями. Къ вѣрѣ въ полеты Винтлеръ возвращается неоднократно. «Многіе мажутъ саломъ кадушки, чтобы летать по воздуху». «Многіе такъ проворны, что въ одну минуту пролетаютъ сотни миль». «Иные ѣздятъ по воздуху на телятахъ и на козлахъ, на камняхъ и на палкахъ». Для правильного освѣщенія вопроса замѣтимъ здѣсь, что образованный судья-поэтъ самъ все это относилъ въ область болѣзненнаго бреда. Онъ былъ не важный богословъ: онъ, на примѣръ, не вѣрилъ, чтобы колдуньи были способны накликать бури. Но тутъ онъ толковалъ строго согласно съ *Canon Episcopi*. «Ни одинъ человѣкъ не летаетъ, но инымъ грезится, будто они летаютъ. Это мы знаемъ по злымъ, нечистымъ людямъ: они летаютъ, а сами остаются дома, какъ это подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами. Ихъ тѣло не трогается съ мѣста, они уносятся только душой, грезя, будто они и въ самомъ дѣлѣ улетѣли. Такъ ихъ опутываетъ сатана, чтобы они ему тѣмъ крѣпче

вѣрили. Ибо кто предается сатанѣ, тому грезится, будто онъ все время летаетъ».

Но эти Альпы, столь густо населенные всякими призраками, лежали въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Ломбардіей и Провансомъ, главными центрами ранней средневѣковой культуры, главными очагами ересей, главнымъ театромъ подвиговъ инквизиціи. Черезъ Альпы перекочевывали еретики изъ Южной Франціи въ сѣверную Италію, и та же недоступность, которая такъ пагубно отзывалась на умственности коренного населенія, дѣлала изъ альпійскихъ долинъ естественное убѣжище для катаровъ и вальденцевъ, когда на родинѣ гоненіе вспыхивало съ особой силой. Сюда они спасались, чтобы переждать, пока церковные громы стихнутъ, здѣсь они оставались нерѣдко и на прочное жительство. Въ Альпахъ до сихъ поръ еще существуютъ общины вальденцевъ. Само собою разумѣется, однако, что инквизиція неспособна была глядѣть на это, сложа руки. Ея французскіе и итальянскіе дѣятели вслѣдъ за еретиками тоже узнали дороги въ Швейцарію и Савойю. Въ XV вѣкѣ съ одной стороны Альпъ Туринъ и Комо, съ другой Женева и Лозанна снабжаются постоянными инквизиціонными трибуналами, которые по твердо установившемуся къ тому времени порядку за сыскомъ о еретикахъ не забываютъ освѣдомляться у населенія и про людей, замѣченныхъ въ преступныхъ занятіяхъ волшебствомъ. Тѣ и другіе представлены были на этомъ новомъ поприщѣ инквизиціонной дѣятельности очень богато и разнообразно, и здѣсь наконецъ инквизиція удалось довести до полной ясности то, что только чувалось ей въ самой Италіи и Франціи. Здѣсь для нея впервые стало несомнѣннымъ, что нѣкоторые изъ «еретическихъ колдуновъ» подобно настоящимъ еретикамъ, образовали особое сообщество, держащее свои шабашы и занимающееся преступной пропагандой.

Haeretici fascinarij, stregones, strigae haereticae, strigimagaе, или же *Gazarij* (простонародное швейцарское искаженіе имени катары) и *Waudenses (pays de Vaud)*—такими пестрыми названіями, дававшимися по различнымъ примѣтамъ, обозначаетъ инквизиція этихъ новыхъ еретиковъ, которыхъ она принялась усиленно жечь съ первыхъ десятилѣтій XV вѣка. При этомъ новые *Waudenses* сначала строго различаются отъ старыхъ *Valdenses* или ліонскихъ бѣдныхъ, близко знакомыхъ инквизиціи съ XIII вѣка. Съ теченіемъ времени однако различіе между ними мало-по-малу исчезаетъ. Факты показываютъ инквизиціи, что въ колдовской странѣ вальденцы сами превратились въ завзятыхъ колдуновъ, и такимъ образомъ латинское названіе *Valdensis* на ряду съ французскимъ *Vaudois* становится господствующимъ обозначеніемъ для членовъ вновь открытой

секты. О точности названія здѣсь инквизиціи не приходилось, впрочемъ, особенно заботиться, такъ какъ этихъ еретиковъ никакъ нельзя было смѣшать съ другими. Ихъ главною особенностью служила способность летать по воздуху, которой они пользовались, чтобы собираться на свои шабашы изъ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстъ. *Et hoc Gasariorum seu illozum, qui scobam vel baculum equitate probantur*¹⁾ — таково заглавіе одного изъ первыхъ трактатовъ, гдѣ сохранилось описаніе новой ереси. Что же касается гнусностей, которыя продѣлывались этими вальденцами или летучими колдунами на своихъ шабашахъ, то онѣ затмевали все извѣстное про ранѣе бывавшихъ еретиковъ.

Сама инквизиція сразу обезпokoилась сдѣланнымъ въ Швейцаріи открытіемъ и принялась искать слѣдовъ новой секты по другимъ мѣстамъ, — конечно, съ отличавшимъ всегда подобные поиски успѣхомъ. По Ронѣ вверхъ поднялась инквизиція изъ Франціи въ Швейцарію; по Ронѣ внизъ стали спускаться процессы противъ *Valdenses ydolatrae* изъ Швейцаріи во Францію. Въ 1433 году мы встрѣчаемъ уже большой процессъ такого рода въ Лионѣ, и скоро слово *Vauderie* или *Vaudoisie* стало знакомо всей Франціи, сначала ея югу, а затѣмъ и сѣверу. *Avoir été en Vauderie* на языкѣ французскихъ памятниковъ XV вѣка значитъ «летать на шабашъ». Однако инквизиція нѣсколько запоздала съ своимъ открытіемъ. Въ глухихъ альпійскихъ мѣстностяхъ она, положимъ, могла жечь летучихъ колдуновъ десятками. Ей удалось тамъ скоро поставить и свѣтскую власть на свою точку зрѣнія. Автономныя крестьянскія общины въ Валлисѣ подъ руководствомъ сіонскаго епископа уже въ 30-хъ годахъ XV вѣка жгли своихъ вѣдьмъ съ примѣрнымъ усердіемъ. Но когда инквизиція объявила свою новостъ такимъ странамъ, какъ коренная Франція и Германія, она столкнулась тамъ съ враждебнымъ недоумѣніемъ. То была середина XV вѣка, когда старый престижъ римскаго престола и его главныхъ агентовъ, нищенствующихъ монаховъ, успѣлъ уже померкнуть. Европа видѣла *Magnum Scandalum Ecclesiae*, Европа пережила соборное движеніе, и чтобы не выпустить окончательно національныя церкви изъ-подъ своего вліянія, Риму приходилось идти на всякія сдѣлки съ свѣтскимъ государствомъ, которое теперь высоко подняло голову и взяло инквизицію подъ строгій свой надзоръ. Вмѣстѣ съ этимъ давно таившійся въ обществѣ духъ критики сталъ заявлять о себѣ съ неслыханною дерзостью. Монахи-проповѣдники привыкли запу-

1) Заблужденія газаріевъ или тѣхъ, что ѣздятъ, какъ доказано, на метлахъ или на палкахъ.

гивать народъ чертями. Насмѣшливая буржуазія теперь на это замѣчала, что адъ и черти похожи на сказки, сочиненныя духовенствомъ, чтобы съ удобствомъ переводить въ свой карманъ чужія деньги. Но и среди самого духовенства новые инквизиціонные процессы наткнулись на протесты. Приходское католическое духовенство въ своей массѣ до самаго конца среднихъ вѣковъ не пользовалось благами высшаго богословскаго образованія и само, повидимому, успѣло отчасти заразиться развѣдавшимъ свѣтское мышленіе ядомъ эмпиризма. А тутъ еще присоединялась та ненависть, которую оно издревле питало къ нищенствующимъ орденамъ, вырывавшимъ у него изъ рукъ и вліяніе и доходы. Такимъ образомъ инквизиціи приходилось являться свидѣтельницей, какъ «пагубные, неученые проповѣдники» осмѣливались говорить своей паствѣ: «Ты не долженъ вѣрить, будто въ самомъ дѣлѣ есть такія колдуньи, что въ просторѣчїи зовутся вѣдьмами, и будто отъ нихъ бываетъ вредъ людямъ, скотинѣ и плодамъ земнымъ чрезъ бури. Все это бываетъ отъ другихъ причинъ, намъ непонятныхъ, или съ поущенія Божія черезъ демоновъ, но никоимъ образомъ не черезъ колдуній». Но, что для инквизиціи было особенно прискорбно, подобныя же рѣчи можно было слышать и отъ иныхъ людей, стоявшихъ на очень высокой ступени образованности. «Я знаю, — такъ писалъ объ этомъ одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ гонителей вѣдовства, — что много есть людей, обладающихъ великой репутаціей, ученостью и познаніями, которые считаютъ этихъ несчастныхъ заслуживающими не столько кары, сколько состраданія, и полагаютъ, что такъ называемая ими меланхолія и галлюцинаціи подобныхъ женщинъ требуютъ успокоительнаго питья и молитвъ, а вовсе не пламени костра». Подобныхъ скептиковъ надобно было переубѣдить. Надобно было раскрыть самому обществу глаза на весь объемъ грозившей ему опасности. Для этого же надо было предъявить ему матеріалы, скопившіеся въ архивахъ инквизиціи. Иначе, какъ признавали сами инквизиторы, общество было, конечно, въ правѣ относиться подозрительно къ законности новыхъ процессовъ. Дѣло это, говорили они, безспорно совсѣмъ особаго рода (*haec materia valde singularis est*). Для профановъ все тутъ представляется совершенно невѣроятнымъ. А для того, кто пріобрѣлъ тутъ опытъ, напротивъ, всякое сомнѣніе кажется безуміемъ, и всякая попытка остановить карающую руку правосудія тяжкимъ грѣхомъ противъ рода человѣческаго.

При такихъ обстоятельствахъ въ срединѣ XV столѣтія возникаетъ особый отдѣлъ богословской литературы, посвященный задачѣ исцѣлить общество отъ недовѣрія, съ которымъ оно отнеслось къ тому, что говорила инквизиція *de possibilitate et etiam de realitate*

et veritate своего новаго открытія. Самые ранніе изъ дошедшихъ до насъ ея образчиковъ относятся къ 1450 году. Ими являются помянутый уже анонимный трактатъ *Errores Gazariorum seu illorum qui scobam vel baculum equitare probantur* и сочиненіе каркассонскаго инквизитора профессора Іоанна Винети *Tractatus contra daemouum invocatores*. Лучшій знатокъ этой литературы Гансенъ указываетъ далѣе добрый десятокъ различныхъ авторовъ—французовъ, итальянцевъ, испанцевъ и нѣмцевъ—издавшихъ болѣе или менѣе объемистые труды по этому предмету еще до появленія въ 1487 году знаменитаго *Malleus Maleficarum*, успѣвшаго затмить всѣ сходныя работы настолько, что съ него долгое время принято было начинать всю исторію преслѣдованія вѣдьмъ. Однако, несмотря на быстропріобрѣтенный великій вѣсъ, Молотъ Вѣдьмъ не разбилъ окончательно предъявлявшихся скептиками возраженій, и доминиканскіе богословы употребили еще около пятидесяти лѣтъ, чтобы распутать всѣ софизмы, на которые пускались противники инквизиціонныхъ взглядовъ. Такимъ образомъ въ общемъ на выработку строго научнаго представленія о вѣдьмахъ понадобилось почти что цѣлое столѣтіе экспериментовъ въ застѣнкѣ и размышленія надъ ними по монашескимъ кельямъ.

Въ главныхъ своихъ чертахъ однако картина новой опасности, которою неистощимый въ своихъ козняхъ адъ угрожалъ «успѣвшему состариться міру», была уже твердой рукой начертана въ самыхъ раннихъ изъ упомянутыхъ нами трактатовъ. Почти на нашихъ глазахъ,—такъ повѣствовало всему католическому міру ихъ авторы—съ Божьяго поущенія возникло неслыханное по своей гнусности и разрастающееся съ страшною быстротою новое еретическое сообщество (*insolita quaedam haeretica pravitas*). Основано оно не такъ, какъ всѣ другія секты, преступными людьми, но непосредственно сатаню, которому Богъ далъ на это власть въ виду того, что свѣтъ никогда еще не утопалъ до такой степени въ грѣхахъ и беззаконіи. Секта эта губить людей не только ядомъ превратнаго ученія. Нѣтъ, она изводитъ добрыхъ христіанъ всѣми тѣми бѣдствіями, какія способна накликать на людей и на людское добро черная магія. Члены ея злѣйшіе изъ когда-либо виданныхъ колдуновъ, въ распоряженіе которыхъ адъ предоставляетъ все свое искусство и силу. Что касается подходящаго имени для этой новой секты, то инквизиція, какъ мы упомянули, долго его искала, пока наконецъ не рѣшила, что этихъ опаснѣйшихъ изъ всѣхъ «лиходѣевъ» удобнѣе всего просто обозначать именемъ *malefici* и *maleficae*, ибо сравнительно съ ними всѣ прочіе «лиходѣи и лиходѣйки» теряли всякое значеніе. Во Франціи они долго звались *Vaudois*, пока и

тамъ это не вытѣснено было старымъ, общимъ названіемъ колдуновъ—*sorciers*. Въ Италіи народъ сталъ обозначать новыхъ еретиковъ словомъ *stregones* и *stregulae*. Германія ихъ окрестила именемъ *Hexen* и *Hexenmeister*. Мы съ своей стороны будемъ ихъ обозначать словами «вѣдуны» и «вѣдьмы».

Эти еретики, какъ и всѣ прочіе, періодически собираются на шабаши. Кому близко, тотъ приходитъ туда гѣшкомъ; а дальніе силою демоновъ приносятся по воздуху. Зачѣмъ это? Отвѣтъ здѣсь простъ. Сатана остался сатаной. Сердце его попрежнему гложетъ ненасытная гордыня, и онъ не можетъ утѣшиться, что кончились языческія времена, когда ему по всей землѣ открыто приносилось поклоненіе на алтаряхъ и въ храмахъ. Открытое служеніе сатанѣ при бдительности и строгости властей въ христіанскомъ мірѣ стало невозможно. И вотъ онъ пустился на такую новую хитрость, устраивая съ помощью ея многолюднѣйшія собранія своихъ поклонниковъ. Самое путешествіе на шабашъ описывается у инквизиторовъ съ необычайной живостью и наглядностью. Заманиваютъ людей въ секту, рассказываютъ они, иногда сами демоны; но чаще человѣкъ же развращаетъ человѣка. Воспользовавшись подходящимъ настроеніемъ, соблазнитель рассказываетъ своей жертвѣ, что у него можно выучиться, какъ жить, не зная отказа ни въ какомъ желаніи. Для этого надобно только посѣтить одно потайное собраніе, гдѣ встрѣтишь отличное общество и гдѣ къ тому же насмотришься всякихъ диковинокъ. Получивши согласіе, соблазнитель даетъ своему новому ученику небольшую палочку, которую удобно взять между ногъ, и мазь, завернутую въ тряпочку или въ кусокъ бумаги. Въ такой-то день и часъ, говоритъ онъ, я за тобой зайду и тебя кликну; если же меня самого что-нибудь задержать, я пошлю за тобой одного своего пріятеля. Пріятелемъ этимъ, поясняютъ наши трактаты, всегда оказывается демонъ. У каждаго такого еретика имѣется *daemon familiaris*, заступающій мѣсто ангела-хранителя. Въ урочный часъ наставникъ съ демономъ являютъ къ неофиту. Берутся палочки, намазываются мазью, и воздушные путешественники, согнувшись, выскальзываютъ черезъ окошко или черезъ печную трубу въ поднебесную высь. Въ трубу, конечно, взрослому человѣку не пролѣзть. Но путешественники не даромъ при этомъ приговариваютъ что-нибудь въ родѣ *Va de par le dyable, va* или *Sathan, p'oublie pas ta manie*. Дьяволь съ непостижимой, неуловимой для глаза быстротой раздвигаетъ и снова сдвигаетъ кирпичи въ трубѣ—*quoniam daemon est mirabilis artifex* ¹⁾). Летящіе взвиваются высоко.

¹⁾ Ибо демонъ дивный искусникъ.

Путь их пролегаетъ «черезъ нижніе слои средней атмосферы». Тамъ уже очень холодно, и отъ ужасной скорости движенія больно бываетъ и сердцу, и груди и глазамъ, хотя дьяволъ и устраиваетъ разныя приспособленія, чтобы прикрыть и заслонить несущихся на шабашъ. Сами они лишь смутно различаютъ тѣ мѣстности, надъ которыми имъ приходится пролетать. Новичку строго-настрого наказывается, чтобы онъ не поминалъ Бога и святыхъ и не осѣнялъ себя знаменіемъ креста: иначе паденіе неизбежно. «Достигши мѣста, они тамъ занимаютъ тѣмъ, что изложено въ слѣдующей главѣ; по окончаніи же всего они снова берутъ намазанные палочки и ворочаются куда хотятъ или куда хочетъ демонъ. И на всемъ пути туда и назадъ они держатъ палочки между ногъ. И замѣтъ, читатель, что при первомъ полетѣ нерѣдко демонъ всю дорогу несетъ ихъ, оставаясь видимъ; въ другихъ же случаяхъ обыкновенно онъ носитъ ихъ, не принимая видимаго образа; бываетъ также, что одной палочки оказывается довольно для двоихъ, и чаще всего наставникъ и ученикъ вмѣстѣ летаютъ на собраніе и съ собранія».

Самая картина шабаша въ основѣ ничѣмъ не отличается отъ той, которую удалось установить Пьеру Гюи еще въ началѣ XIV вѣка. Мы тутъ находимъ тѣ же составныя части: обожаніе сатаны и надругательство надъ христіанской вѣрой, оргію съ обязательнымъ пожираніемъ младенцевъ и «школу» съ проповѣдью сатаны о томъ, какъ члены секты должны себя вести въ жизни, и съ наставленіемъ въ колдовскомъ искусствѣ. Но полтора вѣка прошли для инквизиціи не даромъ. То, что прежде только неясно намѣчалось, теперь ей стало извѣстно съ мельчайшими подробностями и, главное, теперь все это было тонко продумано съ богословской точки зрѣнія. Вотъ старая вѣдьма представляетъ только что соблазнительную ея юницу предъ очи предсѣдателя собранія. Если та изъ бѣдныхъ, изъ низшаго сословія, то этотъ «отецъ гордыни» почти не хочетъ съ ней и говорить. Глухимъ, отрывистымъ голосомъ, похожимъ на собачій лай, онъ заявляетъ, что отъ такой дряни нельзя ждать никакого толку для секты: никогда не сумѣетъ она совершить великаго злодѣяства, не будетъ отъ нея достаточно бѣдствій для христіанскаго міра. Наставница ходатайствуетъ за неофитку, и сатана приказываетъ, наконецъ, вновь приведенной отречься отъ Христовой церкви. Та отрекается отъ Бога и Христа, отъ Пресвятой Дѣвы и всѣхъ святыхъ, отъ Таинствъ и отъ вѣры. Она даетъ клятвенное обѣщаніе ходить въ церковь только для виду, только для виду позволять себя кропить святой водой, прибавляя

каждый разъ: *sire, ne te desplaise*, только для виду принимать причастіе. За глазами же христіанъ она обязывается всячески осквернять и гостію и святую воду. Затѣмъ на землѣ дѣлается крестъ и принимаемая въ секту топчетъ его ногами. Затѣмъ приносится освященная гостія, и принимаемая ее оскверняетъ. *Et in contemptum praecipue magni magistri mundi, ut loquitur praesidens, denudat recepta sua posteriora et denudata coelo ostendit.* Послѣ того такая неофитка молитвенно опускается на колѣни передъ сатаной и приноситъ ему вѣрноподданическую присягу (*homagium*): въ знакъ крѣпостной зависимости она лобызаетъ ему руку или ногу, вручая при этомъ какой-либо даръ—зажженную свѣчу изъ чернаго воска или монету. Тогда «президентъ» поднимается, поворачиваясь къ ней задомъ; и съ непристойнымъ поцѣлуемъ она навѣки отдаетъ ему душу, клянясь при этомъ никогда не признаваться въ своемъ дѣяніи на судѣ. «Вотъ почему члены этой секты такъ рѣдко и то по страшному принужденію въ этомъ сознаются. Демонъ же, какъ было и раньше помянуто, никогда не заключаетъ договора, особенно *ratum expressum*, иначе, какъ съ отдачей ему души, въ залогъ чего онъ получаетъ какую-нибудь частицу тѣла: палець, волосы, ногти или же чаще всего немного крови, ибо (какъ говоритъ Августинъ) демонъ любить пролитую человѣческую кровь». Съ своей стороны демонъ даетъ вновь принятой или обѣщаніе исполнить какое-нибудь ея завѣтное желаніе или даръ совершать что-либо особенное. Ничего дѣйствительно особеннаго, т.-е. чудеснаго, спѣшать прибавить излагаемые трактаты, демонъ, конечно, ни для кого сдѣлать не можетъ. Но, пользуясь людскимъ невѣжествомъ, онъ выдаетъ за чудеса тѣ совершенно понятныя вещи, которыя онъ способенъ съ Божьяго поущенія совершать по своему естественному уму и силѣ. Такъ демонъ иногда даетъ своимъ поклонникамъ богатства. Но что же тутъ удивительнаго? Во-первыхъ, онъ знаетъ массу кладовъ; затѣмъ же онъ ужасный воръ. Чего онъ только не продѣлываетъ съ Божьяго поущенія надъ бѣднымъ людомъ своими разбоями, ростовщичествомъ и всякимъ утонченнымъ вымогательствомъ! Жалуемая имъ милости демонъ тоже скрѣпляетъ какимъ-нибудь вещественнымъ знакомъ—колечкомъ или грамоткой, писанной на невѣдомомъ языкѣ. Съ этимъ колечкомъ или грамоткой связана та особая сила, которой обладаетъ та или другая вѣдьма. Далѣе демонъ говоритъ неофиткѣ «почти что проповѣдь» о томъ, что нѣтъ безсмертія души, нѣтъ и загробныхъ мукъ, и, спустившись съ своего высокаго сѣдалища, уводитъ ее съ собой въ кусты, чтобы она отдалась тамъ ему и тѣломъ. Онъ съ ней продѣлываетъ самое омер-

зительное непотребство—и новая вѣдьма наконецъ вполне готова. Въ нѣкоторыхъ разказахъ сюда еще прибавляются, какъ дьяволъ кладезь новой сектанткѣ особую мѣтину на кожѣ: stigma diaboli или sigillum diabolicum.

Съ такой же педантической обстоятельностью излагаютъ наши трактаты весь ходъ шабаша, осмысливая каждую его подробность. На шабашѣ проливается кровь младенцевъ и нѣкоторые родители отдають на растерзаніе собственныхъ своихъ дѣтей. Совсѣмъ, какъ писано въ псалмѣ 105-омъ: «Приносили сыновей своихъ и дочерей своихъ въ жертву бѣсамъ; проливали кровь невинную, кровь сыновей своихъ и дочерей своихъ, которыхъ приносили въ жертву идоламъ ханаанскимъ». Какая же жертва, дѣйствительно, можетъ быть пріятнѣе демонамъ, нежели человѣческая кровь? Вѣдьмы особенно усердно губили младенцевъ, не успѣвшихъ получить крещенія. Прежде всего, поясняютъ наши авторы, вѣдьмамъ такихъ младенцевъ губить и всего легче, ибо только крещеніе ставитъ человѣка подъ особую охрану божественной силы. А затѣмъ нетрудно видѣть, въ чемъ заключается при этомъ для вѣдьмъ особый интересъ. Всякая неомытая крещеніемъ отъ первороднаго грѣха душа становится достояніемъ ада. Между тѣмъ свѣтопреставленіе можетъ наступить только тогда, когда число спасенныхъ достигнетъ извѣстнаго, предустановленнаго предѣла. И такимъ образомъ гибель некрещеныхъ младенцевъ отодвигаетъ для всѣхъ злодѣевъ срокъ, когда имъ придется предстать за свои преступленія на страшный судъ. Самыя сильныя волшебныя средства готовились вѣдьмами по наущенію сатаны такимъ путемъ. Вѣдьма, явившись на Пасхѣ къ причастію, не проглатывала гостію, а, потихоньку выплюнувъ ее въ руку, приносила домой и этой гостіей кормила посаженную въ горшочекъ жабу. Изъ жабы этой потомъ выпускалась кровь, сама же жаба обращалась въ пепель. И эта жабья кровь и жабій пепель являлись могучимъ волшебнымъ средствомъ. Но какъ же? Развѣ рациональная теологія не доказала, что въ волшебствѣ сами предметы не имѣютъ никакого значенія, что волшебство совершается исключительно силою демоновъ? Конечно такъ, отвѣчали инквизиторы: только невѣжды способны думать иначе. Но дьяволъ постоянно морочитъ колдуновъ, внушая имъ убѣжденіе, будто они колдуютъ сами, силою волшебныхъ предметовъ, и въ данномъ случаѣ смыслъ такого обмана совершенно ясенъ. Дьяволъ толкаетъ этимъ людей на величайшее, на преступнѣйшее кощунство: гнуснѣйшему животному отдается высочайшая христіанская святыня... Но я не буду повторять всѣхъ мерзостей, любовно передававшихся инквизиторами

про вѣдьмъ и шабашъ: *quae hic parvus ad longum capere non potest, sed neque omnia opus est aperire* ¹⁾.

На ряду съ описательнымъ элементомъ, съ рассказомъ о вещахъ, *quae ex experientia pendent et practica*, главнѣйшіе изъ упомянутыхъ трактатовъ всѣ заключаютъ въ себѣ и теоретическую сторону—разборъ вещей, *quae cernunt rationem et scientiam*. Иначе это не могло и быть. Для людей, получившихъ ученую степень на теологическомъ факультетѣ, какими являлись инквизиторы, ничто не считалось доказаннымъ, пока не было установлено, что тутъ нѣтъ никакого противорѣчія съ схоластической «разумной вѣрой». Такимъ образомъ въ Молотѣ Вѣдьмъ, напримѣръ, разборъ вопросовъ *An sit catholicum credere* въ каждый изъ ужасовъ, рассказывавшихся про вѣдьмъ, занимаетъ, пожалуй, больше мѣста, нежели «практическая» сторона дѣла. Въ общемъ, конечно, задача эта не представляла для инквизиторовъ никакихъ трудностей. Они являлись тутъ только популяризаторами давнишнихъ пріобрѣтеній схоластической науки. Реальная возможность всѣхъ видовъ колдовства, приписывавшихся вѣдьмамъ, явленія демоновъ во плоти, договоръ съ дьяволомъ, распутство съ дьяволомъ—все это, какъ мы видѣли, уже въ XIII столѣтіи стало *communis opinio theologorum*. Съ тѣхъ поръ въ теченіе двухъ столѣтій все это догматически излагалось въ университетахъ. Все это, съ другой стороны, давно успѣло проникнуть и въ дѣйствующее право римской церкви: объ этомъ, какъ о вещахъ, не подлежащихъ спору, упоминали папы въ цѣломъ рядѣ буллъ, и облеченное исключительнымъ довѣріемъ папскаго престола *Sanctum Officium* къ концу XV вѣка успѣло уже препроводить на костеръ многія тысячи людей за колдовство и за распутство съ дьяволомъ. Спорить противъ такихъ возможностей значило, несомнѣнно, *egregie in intellectu*, т.-е. при легкости, съ которой производило въ еретики XV столѣтіе, это значило впадать въ ересь. Такъ это и понимали инквизиторы. Основной тезисъ Молота Вѣдьмъ гласилъ: *Haeresis maxima est opera maleficarum non credere* ²⁾. Но въ новомъ инквизиціонномъ ученіи о вѣдьмахъ былъ съ точки зрѣнія ортодоксальности одинъ чрезвычайно щекотливый пунктъ—настолько щекотливый, что нѣкоторые ученые-монахи изъ соперничавшихъ съ доминиканцами орденовъ на этомъ основаніи пробовали самихъ же инквизиторовъ зачислить въ разрядъ еретиковъ. Пунктъ этотъ представляли

¹⁾ Самое полное, самое цѣлостное изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ описаній шабаша даютъ акты процесса, который испанская инквизиція вела въ началѣ XVII вѣка въ Логроньо. Пространное извлеченіе изъ этихъ актовъ интересующіеся могутъ найти въ книгѣ *Vaissac, Les Grands Jours de la sorcellerie, chap. VI.*

²⁾ Не вѣрить въ дѣянія вѣдьмъ—величайшая ересь.

собой полеты вѣдьмъ на шабашъ. Разказы подсудимыхъ о полетахъ инквизиторы признавали за реальность. Противники же ихъ доказывали, что, рассуждая такимъ образомъ, инквизиторы впадаютъ въ противорѣчіе съ освященнымъ вѣками авторитетомъ Canon Episcopi и, слѣдовательно, являются пособниками дьявола въ злѣйшемъ его обманѣ. При этомъ они ссылались и на то, что самъ Тома Аквинскій не допускалъ, будто бы по своей естественной силѣ бѣсы способны вообще носить по воздуху «не предназначенныя для летанья тяжелыя человѣческія тѣла». Такого рода вещь переходила для него скорѣе въ разрядъ чудесъ: а небо никогда не поручаетъ творить чудеса бѣсамъ.

Къ указаннымъ возраженіямъ инквизиторы относились необычайно раздражительно, чувствуя, что они затрогиваютъ жизненный нервъ предпринятаго ими дѣла. Сколько вреда, говорили они, натворило неправильное толкованіе поминаемаго канона! Какую смѣлость придало оно еретикамъ, какую нерѣзительность внесло въ суды, какъ подготовило оно пути для распространенія нечестивой идолопоклоннической секты! Люди простые, не проходившіе ни философіи, ни богословія и не познавшіе изъ словесъ святыхъ отцовъ и докторовъ силу духовныхъ субстанцій надъ тѣлами, пусть никогда не позволяютъ себѣ ссылаться на этотъ канонъ, если они не хотятъ погубить свою душу. Пусть они только помнятъ, что всякому, кто ставитъ инквизиціи какія-нибудь помѣхи, церковь грозитъ за это отлученіемъ. А свѣдущіе въ богословіи люди пусть, сверхъ того, потрудятся понять, что Canon Episcopi представляетъ собой по отношенію къ полетамъ вѣдьмъ *casum diversum et non adversum*.

Въ самомъ дѣлѣ, эта статья церковнаго законодательства запрещаетъ вѣрить, будто есть женщины, которыя по ночамъ на различныхъ животныхъ носятся въ воздухѣ съ богинею Діаной или, какъ говорятъ другіе, съ Иродіадой—и вѣра эта, конечно, представляетъ сплошную ткань нелѣпостей. Діаны, какъ богини, вовсе нѣтъ. Что же касается Иродіады, то съ какой стати эта проклятая злодѣйка могла бы получить пощуніе на вылеты изъ ада, гдѣ она предана вѣчнымъ мукамъ? Далѣе, что это за звѣри, которые могутъ носиться по воздуху съ необыкновенной быстротой? И какъ себѣ надобно представлять—въ какомъ мѣстѣ вселенной находятся тѣ стойла, гдѣ эти летучія животныя проводятъ день? Однимъ словомъ, все это, несомнѣнно, бредни, все это дьявольское наважденіе, какъ то и говоритъ Canon Episcopi. Но столь же несомнѣнно, что къ вѣдьмамъ все это не имѣетъ никакого отношенія. Помянутый канонъ не можетъ разсматриваться, какъ запрещеніе вѣрить въ

вѣдьмъ, по той простой причинѣ, что въ ту пору, когда онъ увидѣлъ свѣтъ, свѣтъ самъ еще не видѣлъ ничего похожаго на вѣдьмъ. Канонъ былъ изданъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ, а вѣдовское сообщество какъ это можно предполагать съ достаточными основаніями, возникло не ранѣе 1400 года. И вѣдьмы нисколько не похожи на тѣхъ женщинъ, о которыхъ говоритъ канонъ. Вѣдьмы не знаютъ никакой Діаны или Иродіады; съ другой же стороны, о мнимыхъ спутницахъ Діаны никто никогда не говорилъ, чтобы онѣ отрекались отъ Христа, поклонялись дьяволу и творили съ нимъ непотребство. Про нихъ никто не говорилъ также, чтобы онѣ занимались колдовствомъ. И наконецъ, канонъ говоритъ лишь о женщинахъ, а въ вѣдовскомъ сообществѣ на ряду съ женщинами оказываются и мужчины: на шабашъ слетаются не однѣ вѣдьмы, туда демоны приносятъ и вѣдуновъ. Ясно отсюда, что можно признавать реальными полеты вѣдьмъ, нисколько не нарушая авторитетъ Декрета. Что же касается сомнительнаго отношенія нѣкоторыхъ великихъ докторовъ къ способности демоновъ носить по воздуху человѣческія тѣла, то высказано оно было ими съ оговорками. Они нисколько не отвергали, что восхищеніе Христа сатаной можно толковать и буквально. И долгій опытъ церковнаго суда не позволяетъ сомнѣваться, что за демонами необходимо признавать такую силу. «Объ этомъ, — говорятъ авторы Молота Вѣдьмъ, — имѣются безчисленныя свидѣтельства людей, которымъ или самимъ приходилось летать такимъ путемъ, или случалось своими глазами видѣть, какъ демоны подхватывали человѣка. Мы сами между Страсбургомъ и Кельномъ собрали довольно подобныхъ случаевъ. И наконецъ разъ даже у простого народа подобные рассказы можно слышать каждый день, то что же тутъ тратить время на прибавочные аргументы? (Et quia publica fama de huiusmodi transvectionibus etiam apud vulgares continue volat, non expedit plura ad hoc probandum de his insistere)». — Мы видимъ здѣсь, что доминиканскіе богословы твердо усвоили себѣ оба принципа, знакомые намъ изъ приводившейся выше рѣчи Герсона. Гордо глядя съ высоты схоластической науки на презрѣнный здравый смыслъ, не смѣющій ни въ чемъ отрѣшиться отъ непосредственнаго свидѣтельства чувствъ, они не забывали въ то же время и положенія, что всякій, кто отказывается вѣрить тому, чему всѣ вѣрятъ, является врагомъ человѣческаго общежитія, *quam mutua fides et credulitas unius ad alterum consonat, coniungit agglutinatque* ¹⁾. Инквизиторы не спорили,

¹⁾ Легковѣріе средневѣковыхъ теологовъ — прямой результатъ той обработки, которую умъ ихъ получалъ въ высшей школѣ — не знало себѣ рѣшительно никакихъ предѣловъ. Авторы Молота Вѣдьмъ, Шпрегеръ и Инститоръ, оба были профессо-

впрочемъ, что иногда путешествія на шабашъ происходятъ только въ воображеніи. Но даже въ такихъ случаяхъ, когда окружающіе показывали, что они не спускали глазъ съ женщины, увѣрявшей, будто она летала на шабашъ, и могутъ засвидѣтельствовать, что она въ дѣйствительности все время оставалась на постели, инквизиціонные трибуналы вовсе не склонны были оправдывать подсудимую. Развѣ же не сказалъ бл. Августинъ: *delectari falso crimine crimen est?*¹⁾. Авторамъ Молота было притомъ же извѣстно, что вовсе не слѣдуетъ противопоставлять другъ другу женщинъ, участвующихъ въ шабашѣ только воображеніемъ, и женщинъ, переносающихся туда тѣлесно. «Вѣдьмы бывають на своихъ собраніяхъ то такъ, то сякъ — иногда только въ воображеніи во время сна, иногда же реально. Если по какому-нибудь случаю онѣ не желаютъ перенестись туда тѣлесно и тѣмъ не менѣе хотятъ знать, что дѣлали ихъ соучастницы, то онѣ дѣйствуютъ слѣдующимъ образомъ: призвавъ имя всѣхъ дьяволовъ, онѣ ложатся на лѣвый бокъ и тогда у нихъ изо рта поднимается зеленоватый паръ, въ которомъ онѣ и видятъ во всѣхъ подробностяхъ все, что тамъ происходитъ. Если же онѣ хотятъ перенестись тѣлесно...» но этотъ рецептъ намъ уже достаточно извѣстенъ.

Съ Canon Episcopi нашимъ трактатамъ приходилось считаться и по другому поводу. Кромѣ полетовъ женщинъ, этотъ канонъ строжайше осуждалъ и вѣру въ оборотней; а между тѣмъ какъ собственныя признанія подсудимыхъ, такъ и свидѣтельскія показанія, повидимому, устанавливали неопровержимо, что множество своихъ злодѣйствъ вѣдьмы совершали, скинувшись кошкой или другими звѣрями. По ранамъ, нанесеннымъ такому звѣрю, потомъ нерѣдко удавалось открыть и настоящую виновницу смерти ребенка или другого преступленія: тема извѣстнаго Петроніева разсказа постоянно повторяется въ инквизиціонныхъ актахъ. Изъ этого затрудненія

рами университета, что не мѣшало имъ нисколько заносить въ свой трактатъ такого рода разсказы. Одинъ изъ инквизиторовъ пріѣхалъ въ нѣкій городъ, почти опустошенный жестокой моровой язвой. Въ народѣ говорили, что одна недавно похороненная женщина заглатываетъ свой саванъ и что моръ не кончится, пока она его совсемъ не проглотитъ. По совѣту инквизитора бургомистръ велѣлъ разрыть могилу, и оказалось, что дѣйствительно покойница заглотала почти половину савана. При видѣ этого бургомистръ выхватилъ мечъ, снесъ трупъ голову и вышвырнулъ ее далеко изъ могильной ямы. Моръ послѣ этого сразу прекратился. Инквизиторъ же, произведя дознаніе, убѣдился, что покойница послѣдніе годы жизни занималась страшнымъ колдовствомъ.—Надо замѣтить, впрочемъ, что въ занимающей насъ инквизиціонной литературѣ трудно указать границу между легковѣріемъ авторовъ и сознательной „благочестивой ложью“.

¹⁾ Наслаждаться воображаемымъ преступленіемъ—преступленіе.

инквизиторы выходили при помощи такихъ догадокъ. Они прибѣгали къ знакомой намъ августиновской теоріи о путешествіяхъ челоѳческаго phantasticum и предлагали смотрѣть на дѣло такимъ образомъ. Въ видѣ адской кошки бродить собственно только phantasticum вѣдьмы; сама же она въ это время остается погруженной въ особенно глубокой сонъ, грезя, что бродитъ кошкой. Всѣ злодѣянія, которыя она потомъ на себя взводитъ, въ сущности совершаетъ сопровождающій невидимо такую кошку дьяволъ: онъ душитъ младенцевъ въ колыбели и т. п. Если же рана, нанесенная подобной призральной кошкѣ, потомъ оказывается на тѣлѣ колдуньи то здѣсь надобно видѣть опять продѣлку того же дьявола. Въ ту самую минуту, какъ вѣдьмѣ грезится, будто она получаетъ рану, дьяволъ дѣйствительно наноситъ ея тѣлу ударъ въ соответственное мѣсто. Во всякомъ случаѣ рана на тѣлѣ такой колдуньи служить судебнымъ доказательствомъ, и преступленія, которыя совершилъ оборотень, должны караться, какъ будто бы они были совершены самой колдуньей. Отвѣтственной за дѣйствія является, конечно, не тѣло, а душа. Впослѣдствіи, однако, въ эпоху полного расцвѣта вѣдовскихъ процессовъ теологи изъ лагеря инквизиціи рѣшились взглянуть на дѣло проще. Ссылаясь на то, что неудобный для нихъ канонъ въ концѣ-концовъ не обладаетъ догматическимъ значеніемъ, они позволили себѣ прямо заявить, что тѣ, кто хочетъ вѣрить въ способность самихъ вѣдьмъ скидываться различными звѣрями, тотъ можетъ держаться такого мнѣнія, не рискуя погубить свою душу. Такимъ образомъ мало-по-малу почти что всѣ народныя суевѣрія взяты были подъ свою защиту богословами изъ доминиканцевъ, доказавшихъ ихъ полное согласіе съ католическою вѣрой. Кое-что, впрочемъ, и они все-таки отвергали за несообразность. Такъ, разбираемые нами трактаты учатъ, что «ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ вѣрить современнымъ идолопоклонникамъ, хотя бы они добровольно это заявляли, будто бы дьявольская сила позволяетъ имъ черезъ запертыя двери проникать въ дома, чтобы умерщвлять дѣтей, или въ погреба для угощенья себя виномъ. Ибо не во власти демона сдѣлать, чтобы два тѣла оказывались въ одно и то же время на одномъ и томъ же мѣстѣ». А дѣло тутъ просто въ томъ, что дьяволъ морочитъ самихъ вѣдьмъ: онъ имъ отводитъ глаза и незамѣтно отпираетъ предъ ними двери. И отрицательный и положительный тезисъ доказываются очень пространно съ обычными ссылками на Св. Писаніе, а также на Оому Аквинскаго и Альберта Великаго—эту красу доминиканскихъ богослововъ.

Доказывая неприложимость стараго церковнаго запрещенія вѣрить въ летучихъ женщинъ къ вопросу о существованіи вѣдовской

секты, авторы наши, какъ мы видѣли, ссылались между прочимъ на то, что въ сектѣ этой участвуютъ не однѣ женщины, но и мужчины. Съ другой стороны, они однако сами признавали, что въ противоположность прочимъ еретическимъ сообществамъ въ «колдовской ереси» мужчины оказывались въ ничтожномъ меньшинствѣ. Такимъ образомъ Шпренгеръ и Инститоръ прямо даютъ своему классическому труду название *Malleus Maleficarum: Consequenter haeresis dicenda est non maleficorum, sed maleficarum, ut a potiori fiat denominatio.*

Откуда вообще идетъ такое преобладаніе женщинъ среди людей, которымъ народное суевѣріе приписывало связь съ нездѣшними силами? Почему у всѣхъ европейскихъ народовъ, пока они вѣрили въ колдовство, рѣчь чаще шла о знахаркахъ и колдуньяхъ, нежели о знахаряхъ и колдунахъ? «Причины этого, — говоритъ Яковъ Гриммъ въ своей Германской Мифологіи, — мнѣ кажется, надобно искать въ цѣломъ рядѣ внѣшнихъ и внутреннихъ условій. Женщины, а не мужчины занимались собираніемъ медицинскихъ травъ и варкой ихъ, какъ вообще онѣ варили пищу. Ихъ тонкія, мягкія руки лучше годились на то, чтобы готовить мази, ткать бинты, перевязывать раны. Имъ средніе вѣка приписывали особый даръ чертить и читать буквы. Безпокойная жизнь мужчины была занята войной, охотой, земледѣліемъ и ремесломъ: у женщинъ больше было досуга и нужнаго опыта, чтобы вникать въ приемы волшебства. У женщинъ сильнѣе и впечатлительнѣе воображеніе: издревле въ нихъ чтился внутренній священный даръ проводить будущее. Женщины являлись жрицами и прорицательницами, и сѣверныя преданія сохранили до нашихъ дней иныя славныя имена. Точно такъ же сомнамбулизмъ и въ наше время встрѣчается по большей части среди женщинъ. Можно понять и то, почему волшебное искусство являлось преимущественно удѣломъ старыхъ женщинъ: умерши для любви и для труда, онѣ могли всецѣло погружаться въ тайны чародѣйства». Въ эпоху господства грубой силы, прибавимъ мы, у женщинъ было больше и поводовъ пробовать дѣйствительность наговорныхъ средствъ. На этотъ путь толкала ихъ сама физическая ихъ слабость. Замѣтимъ, что по даннымъ уголовной статистики ядъ и сейчасъ является преимущественно женскимъ орудіемъ сведенія житейскихъ счетовъ. Что же касается въ частности бреда пожираемыми на шабашахъ младенцами, то онъ естественно долженъ былъ производить особыя опустошенія среди тѣхъ «бабокъ», которыя служили повитухами.

Но инквизиція по-своему смотрѣла на то, почему сѣти ея улавливали больше вѣдьмъ, нежели вѣдуновъ, и обстоятельное изложеніе ея взглядовъ въ Молотѣ Вѣдьмъ явилось добавочной причи-

ной того, что въ полный расцвѣтъ процессовъ о вѣдовствѣ жертвами ихъ оказывались почти исключительно женщины. Судь,—такъ говорила устами Шпренгера и Инститора средневѣковая монашеская премудрость,— конечно, по такимъ дѣламъ скорѣе долженъ давать ходъ доносу на женщину, чѣмъ на мужчину, ибо склонность къ подобнымъ преступленіямъ глубоко коренится въ женской природѣ. Въ подтвержденіе этого Шпренгеръ съ Инститоромъ пишутъ настоящій обвинительный актъ противъ дочерей Евы, которыя всегда смущали душу людей, занятыхъ умерщвленіемъ плоти. «Изъ сокровищницы своей начитанности составители Молота трудолюбиво сносятъ на множествѣ страницъ все, что только можно сказать противъ женщинъ. Помимо особенно богатаго такимъ матеріаломъ Ветхаго завѣта, они заимствуютъ свое оружіе у главныхъ представителей аскетизма въ древне-христіанской литературѣ— у Иеронима, у Лактанція, у Златоуста—привлекая, впрочемъ, сюда же и Катона, и Цицерона, и Сенеку, и, наконецъ, Сократа и Теофраста. Даже гомеровская Елена и сирены являются у нихъ обвинительницами своего пола. «Если мы станемъ изучать исторію, то увидимъ, что почти всѣ царства на свѣтѣ погибали изъ-за женщинъ». Въ доказательство этому приводятся Елена, Іезавель и Клеопатра. «Если бы не женская извращенность, міръ былъ бы свободенъ отъ множества опасностей». «Женщина горьче смерти», цитуютъ наши авторы изъ книги Іисуса Сираха... Женщины, по ученію Молота, далеко превосходятъ мужчинъ въ суевѣріи, въ мстительности, въ тщеславіи, въ лживости, въ страстности и въ ненасытной чувственности. Не обладая физическою силою, онѣ въ дьяволѣ ищутъ себѣ помощника и вступаютъ въ секту вѣдьмъ, чтобы удовлетворять своей жадѣ мщенія; будучи тѣломъ и душой слабѣе мужчинъ, онѣ стремятся изъ зависти брать надъ мужчинами верхъ при помощи чародѣйства. Такъ какъ женщина по внутреннему своему ничтожеству всегда слабѣе въ вѣрѣ, чѣмъ мужчина, то она гораздо легче отъ нея и отрывается, на чемъ и строится вся секта вѣдьмъ. Главнѣйшая причина умноженія вѣдьмъ это вѣчныя ссоры между замужними и незамужними женщинами изъ-за мужчинъ. Но ненасытное ихъ сладострастіе приводитъ и къ тому, что ради удовлетворенія своей похотливости онѣ отдаются самимъ демонамъ». Правда,—говоритъ Молоть,— встрѣчаются и мужчины, которые творятъ грѣхъ съ «дьяволихами». Но между ними это сравнительная рѣдкость—по особой Божіей милости, ради того, чтобы не осквернять слишкомъ глубоко полъ, къ которому принадлежало вочеловѣчившееся Божество.

Жалобы пострадавшихъ, признанія самихъ виновныхъ, собранныя опытнѣйшими дѣятелями столь опытнаго трибунала, какъ инкви-

зиція, поразительное совпаденіе въ отвѣтахъ различныхъ вѣдмъ на общіе повсюду допросные пункты, доказанная несостоятельность всѣхъ апіорныхъ, псевдо-научныхъ возраженій — кто-жъ будетъ послѣ этого такъ дерзокъ, чтобы упорно сомнѣваться въ реальномъ существованіи вѣдмъ? «Сомнѣнія, — писали инквизиторы, — тутъ носятъ характеръ ереси. Они идутъ вразрѣзъ съ смысломъ Св. Писанія и причиняютъ церкви несносный вредъ. Это тлетворное недовѣріе, лишая свѣтскую руку способности разить, позволило вѣдмамъ безнаказанно просуществовать столь долгіе годы, отчего онѣ и расплодился настолько, что теперь нѣтъ уже возможности ихъ до конца искоренить». Итакъ, вмѣсто того, чтобы чинить помѣхи инквизиціи, пусть общество само поднимется съ ней заодно на беспощадную борьбу съ самыми заклятыми врагами Христова имени, какихъ когда-либо видѣлъ міръ. Властямъ, которыя про-явятъ тутъ преступное бездѣйствіе, тяжело придется на Страшномъ Судѣ, когда имъ надо будетъ держать отвѣтъ передъ Всевышнимъ: кровь всѣхъ несчастныхъ жертвъ, погубленныхъ адомъ по ихъ нерадѣнію, будетъ громко вопіять противъ нихъ къ небу. Вѣнцы небесные, напротивъ, уготованы для тѣхъ, кто въ мѣру своихъ силъ поможетъ, церкви очистить міръ отъ новой страшной язвы.

Но свѣтскій судъ, привыкшій судить только обыкновенныхъ колдуновъ, конечно, окажется неискусень въ дѣлахъ такого рода. Поэтому инквизиторы считаютъ необходимымъ подѣлиться съ ожидаемыми свѣтскими сотрудниками сокровищами своей опытности и преподать имъ подробныя наставленія насчетъ того, какъ надобно вести вѣдовскіе процессы, чтобы дьявольски лукавые преступники не ускользали отъ рукъ правосудія. Въ основу при этомъ полагается такое разсужденіе. Конечно, вѣдуны и вѣдмы суть еретики, т.-е. подлежатъ ближайшимъ образомъ компетенціи духовнаго суда. Однако, такъ какъ они являются съ тѣмъ вмѣстѣ опаснѣйшими колдунами, то свѣтскій судъ съ своей стороны тоже долженъ налагать на нихъ руку. Но только процессы о нихъ онъ долженъ вести не въ обычной свѣтской формѣ, а въ формѣ еретическаго процесса, усвоивъ себѣ принципъ *haereticus haereticum accusat* ¹⁾. *Casus particularis* новой секты, говорятъ они, *occultus est multum et latens atque secretissimus, neque potest attingi de communi cursu, nisi per propriam confessionem aut per complices, qui soli et accusatores et testes in eo casu esse possunt et debent* ²⁾. Инквизиція свидѣтельство-

1) Отъ еретиковъ можно принимать обвиненія противъ сообщниковъ.

2) При полной необыкновенности и глубокой таинственности этихъ совершенно исключительныхъ дѣлъ обычная судебная процедура здѣсь ни къ чему не можетъ привести. Уликамы являются здѣсь или собственное признаніе или показанія соучастниковъ, которые здѣсь могутъ и должны являться и обвинителями и свидѣтелями.

вала далѣе всѣмъ своимъ долговременнымъ опытомъ, что признанія и имена сообщниковъ тутъ можетъ вырывать лишь сила жесточайшей пытки: *singularitas istius casus exposcit tormenta singularia* ¹⁾. Отказаться здѣсь отъ такой пытки, — говорила она, — значило бы *extinguere et sepelire materiam istam* ²⁾, значило бы сдѣлать невозможнымъ раскрытіе злодѣяній секты. Люди, которые возстаютъ противъ подобной пытки, открыто помогаютъ дьяволу, презирая завѣты Бога Живаго, и сами навлекаютъ на себя великое подозрѣніе въ принадлежности къ той же сектѣ. Заступничества ихъ нельзя объяснить себѣ иначе, какъ тѣмъ, что, боясь сами попасть на судъ, они заранѣе противъ него протестуютъ. Добромъ тутъ никакой судъ никогда не дойдетъ до истины, ибо — по признанію самихъ вѣдьмъ — онѣ на шабашѣ связываютъ себя самою страшною клятвой не признаваться въ принадлежности къ сектѣ, въ особенности же не вылавывать сообщниковъ. Не мало можно привести примѣровъ, когда «вальденцы» самихъ себя еще соглашались обличить безъ пытки, но на вопросы о сообщникахъ отвѣчали такимъ упорнымъ отнѣкиваньемъ, котораго не могла одолѣть никакая пытка. Такъ вѣрны остаются они на собственную свою гибель той клятвѣ, которую приносятъ демону и единомышленникамъ. «Особенность этого рода судебныхъ дѣлъ требуетъ и особенныхъ пытокъ также по той причинѣ, что здѣсь ведется особенное состязаніе не столько противъ человѣка, сколько противъ демона, который имѣетъ величайшую власть надъ этими еретиками, справедливо покинутыми Богомъ за то, что они несправедливо покинули Бога, своего Творца. Демонъ влагаетъ въ ихъ уста и подсказываетъ отвѣты; демонъ говоритъ чрезъ нихъ — какъ Духъ Святой послѣ своего сошествія въ видѣ огненныхъ языковъ глаголалъ черезъ апостоловъ, когда тѣ говорили передъ царями и владыками земными». Но мы здѣсь можемъ остановиться. Какъ эти принципы, такъ и техника допроса вѣдьмъ, которую въ назиданіе свѣтскимъ судьямъ подробно излагаетъ Молотъ, намъ ужъ достаточно извѣстны по описанію процессовъ вѣдьмъ въ эпоху ихъ полного разгара, въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Старанія, положенныя папскою инквизиціей на выработку особыхъ формъ для совершенно «особенныхъ» вѣдовскихъ процессовъ, не пропали даромъ, и даже тѣ страны, которыя съ XVI вѣка стали жестоко клясть и папъ и инквизицію, въ преслѣдованіи вѣдьмъ строго остались вѣрны принципамъ доминиканскаго Молота, ибо всѣмъ было ясно, что отступить отъ нихъ значило бы дѣйствительно *extinguere et sepelire*

¹⁾ Исключительность этихъ дѣлъ требуетъ и исключительныхъ пытокъ.

²⁾ Потушить и похоронить все дѣло.

materiam istam... А вѣра въ вѣдьмъ, разь появившись на свѣтъ не такъ легко давала себя похоронить.

Въ своей извѣстной «Исторіи нѣмецкой общественной жизни на исходѣ среднихъ вѣковъ» Бухвальдъ находилъ возможнымъ дать Молоту Вѣдьмъ такое толкованіе. Замѣтивъ, что многострадальный XV вѣкъ вообще отличался склонностью къ психическимъ заболѣваніямъ, онъ предлагаетъ и въ авторахъ Молота видѣть прежде всего психопатовъ. «Если мы хотимъ,—пишетъ онъ,—правильно понять доминиканцевъ, составившихъ эту ужасную книгу, то мы не должны упускать изъ виду, что бредъ вѣдьмами является одной изъ формъ маніи преслѣдованія. Между тѣмъ безчисленное количество случаевъ, собранныхъ врачебной практикой, свидѣтельствуеетъ, что именно подобныя заболѣванія могутъ очень долгое время протекать почти незамѣтно: только тогда, когда болѣзнь окончательно обострится, становится ясно и то, что она вліяла на поступки пациента еще въ то время, когда онъ находился въ обладаніи всѣми своими правами и должностями. Но средніе вѣка проявляли исключительную беспомощность относительно случаевъ психическаго заболѣванія, передъ которыми они становились совершенно втупикъ. Ужасно видѣть, какъ они обращались съ умалишенными. Гамбургъ, который уже въ 1375 году завелъ у себя такъ называемую Thogenkiste, т.-е. особую тюрьму для сумасшедшихъ, далеко обогналъ въ этомъ случаѣ культуру остальной Германіи. Въ другихъ городахъ на умалишенныхъ смотрѣли, какъ на обыкновенныхъ преступниковъ, и только въ XV столѣтіи при госпиталяхъ стали тоже заводить карцеры для «непослушныхъ больныхъ». Спокойнымъ сумасшедшимъ предоставлялось бродить на волѣ. Когда въ какую-нибудь общину заходилъ такого рода душевно-больной изъ чужой округи, то его выводили за околицу и тамъ заставляли поклясться, что онъ больше не вернется, угрожая въ случаѣ нарушенія присяги вторично выгнать уже побоями и розгой. Въ 1451 году городъ Франкфуртъ одного сумасшедшаго, который въ своей болѣзни ругался на причастіе, приказалъ высѣчь, а въ 1490 году онъ даже пыталъ въ тюрьмѣ сумасшедшаго Конца Фогеля, страдавшаго вдобавокъ проказой. Между вмѣняемостью и невмѣняемостью эта эпоха не умѣла провести сколько-нибудь точной границы. Поэтому нельзя считать особенно удивительнымъ, что помянутые доминиканцы, которые страдали только одной навязчивой идеей, въ другихъ же отношеніяхъ вполне обладали разсудкомъ, не были признаны невмѣняемыми и что ихъ трудъ, результатъ тяжелой душевной болѣзни, могъ повліять на законодательство».

Строки эти очень характерны для впечатлѣнія, которое испытываетъ всякій, кто начинаетъ знакомиться съ специальной «вѣдской» литературой. Вся она неизбежно представляется современному читателю продуктомъ болѣзненного бреда. Въ соображеніяхъ Бухвальда есть также и положительная цѣнность: они намъ помогаютъ понять, откуда инквизиторы получали свои добровольныя и «добросовѣстныя» свидѣтельства о фактахъ совершенно чудовищной невѣроятности ¹⁾. Но по существу дѣла догадку Бухвальда, конечно, приходится признать совершенно несостоятельной. Довольно принять въ расчетъ тотъ фактъ, который не былъ извѣстенъ Бухвальду, что Молотъ Вѣдьмъ для своего времени не былъ нисколько оригиналенъ. Онъ лишь подвелъ итоги тому, что ранѣе него уже внушалось обществу въ теченіе почти сорока лѣтъ. «Отъ своего разумѣнія мы въ трудъ нашъ внесли очень мало—почти что ничего», такъ скромно заявляютъ сами творцы этого знаменитаго произведенія. Въ подобныхъ же условіяхъ было бы совершеннымъ произволомъ допускать, будто всѣ эти нѣмцы и французы, итальянцы и испанцы, которые независимо другъ отъ друга съ такимъ упорствомъ рисовали въ своихъ трудахъ однѣ и тѣ же ужасныя картины, всѣ были одинаково повреждены въ своемъ умѣ тяжелою душевною болѣзнью. Конечно, этихъ упорныхъ тружениковъ оккультизма, которые сумѣли внести систему въ безсвязный простонародный бредъ давними пугалами человѣческой фантазіи, никто не согласится признать за здравомыслящихъ людей. Но если они являются для насъ «скорбными главами», то этотъ видъ разстройства все же входитъ не въ вѣдѣніе медицины, а въ область исторіи образованія. Если міръ Божій могъ такъ уродливо отражаться въ ихъ сознаніи, то виноваты тутъ были ихъ же собственные труды, приложенные къ тому, чтобы усвоить книжную премудрость, необходимую для совершенныхъ инквизиторовъ. *Dialogus Miraculorum*, *Bonum universale de aribus* и *Legenda Aurea* за время монастырскаго новиціата; схоластика съ ея извѣстными намъ методами и выводами за время университетскаго ученья; *Directoria* Эймерика и другихъ искоренителей всякаго вольномыслія и въ то же время всякаго колдовства—

¹⁾ Вотъ небольшой образчикъ тѣхъ добровольныхъ показаній, которые особенно цѣнились инквизиторами. Авторы Молота пишутъ: *Novimus vetulam, tres successive abbates, ut publica omnium fratrum fama in illo monasterio etiam in hodiernum diem refert, non solum in his (дѣло идетъ объ inordinatus amor) maleficiasse, sed et intermisit, quartum iam simili modo dementasse. Quod et ipsa publica voce fatetur nec veretur dicere: feci et facio, nec desistere a meo amore poterunt, quia tantum de meis stercoribus ederunt (quantitatem per extensum brachium demonstrando). Quia nobis non aderat ulciscendi et inquirendi super eam facultas, ideo adhuc superest.*

вотъ умственная пища, которою годы и годы насыщали себя эти «собаки Господа» (*Domini canes*), оттачивая зубы на враговъ церкви. *Rabies theologica*—вотъ и старинное названіе того недуга, къ которому предрасполагала такая пища. Этой-то специфической болѣзни и обязана была Западная Европа своимъ знакомствомъ съ проклятой сектой вѣдьмъ. Этой-то *rabies theologica* и продиктованъ былъ *Mal-leus Maleficarum*—книга, гдѣ отъ каждаго листа, отъ каждаго коряваго силлогизма пахнетъ кровью и жаренымъ человѣческимъ мясомъ.

VI.

Оккультистическая литература XV вѣка, сводомъ которой являлся Молотъ Вѣдьмъ, могла гордиться высокимъ покровительствомъ. На ряду съ мотивированной «апробаціей» Кельнскаго богословскаго факультета, который держалъ въ своихъ рукахъ только что зародившуюся тогда въ Германіи книжную цензуру, ко всякому изданію Молота обычно прилагался текстъ буллы *Summis desiderantes affectibus*, данной въ 1484-омъ году Шпренгеру и Инститору папою Иннокентіемъ VIII.

«Иннокентій, епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ, желая всѣми силами души, чтобы при немъ вѣра католическая процвѣтала и возрастала болѣе, нежели когда-либо, и чтобы всякое еретическое нечестіе было далеко изгнано изъ предѣловъ вѣрныхъ», обращался въ этой буллѣ къ Германіи съ такого рода пастырскимъ увѣщаніемъ.

„Къ великому прискорбію нашему, дошелъ до насъ неложный слухъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Верхней Германіи, какъ-то: въ провинціяхъ, городахъ, земляхъ, мѣстностяхъ и епархіяхъ Майнцкой, Кельнской, Трирской, Зальцбургской и Бременской округи, множество лицъ обоого пола, забывая о собственномъ спасеніи и уклоняясь отъ католической вѣры, распутничаютъ съ демонами *incubus*'ами и *succubus*'ами и своими нашептываніями, чарованіями, заклинаніями и другими безбожными, суевѣрными, порочными, преступными дѣяніями губятъ и изводятъ младенцевъ во чревѣ матери, зачатіе животныхъ, урожай на поляхъ, виноградъ на лозахъ и плоды на деревьяхъ, равно какъ самихъ мужчинъ и женщинъ, домашнюю скотину и вообще всякихъ животныхъ, а также виноградники, сады, дуга, пастбища, нивы, хлѣба и всѣ земныя произрастанія; что они нещадно терзаютъ какъ внутренними, такъ и наружными жестокими болѣзнями мужчинъ и женщинъ, домашнюю скотину и другихъ животныхъ; что они тѣмъ же мужчинамъ не позволяютъ производить, а женщинамъ зачинать дѣтей и лишаютъ мужей и жепъ способности исполнять свой супружескій долгъ; что, сверхъ того, они кощунственными устами отрекаются отъ самой вѣры, полученной при св. крещеніи, и что они по подстрекательству врага рода человѣческаго дерзаютъ совершать и еще безчисленное множество всякаго рода неслезанныхъ злодѣйствъ и преступленій, вводя въ опасность погибнуть свои души, оскорбляя божеское величіе и сужа пагубнымъ примѣромъ и соблазномъ для многого множества людей. И хотя возлюбленные сыны наши, Генрихъ Инститоръ и Яковъ Шпренгеръ изъ ордена Братевъ Проповѣдниковъ, профессора богословія, были назначены и состоятъ въ силу нашей апостольской грамоты слѣдователями по дѣламъ

о еретическомъ нечестіи, первый—въ вышесказанныхъ частяхъ Верхней Германіи, обнимающихъ, какъ надо понимать, и провинціи, и города, и земли, и епархіи и другія такого рода мѣстности, а второй—въ нѣкоторыхъ областяхъ вдоль Рейна, однако иные клирики и міряне въ этихъ странахъ, не въ мѣру высоко ставя свое разумѣніе, нагло и упорно утверждаютъ, что такъ какъ въ наказной грамотѣ не поименованы точно и въ отдѣльности ни такого рода вышесказанныя провинціи, города, земли, епархіи и другія мѣстности, ни лица въ нихъ, ни преступленія такого рода, то все это сюда и не подходит и что поэтому вышепоименованнымъ инквизиторамъ въ вышесказанныхъ провинціяхъ, городахъ, епархіяхъ, земляхъ и мѣстностяхъ нельзя заниматься сыскомъ и что ихъ не должно допускать къ наказанію, заключенію въ тюрьму и исправленію помянутыхъ лицъ за вышесказанныя злодѣйства и преступленія. Благодаря этому въ вышесказанныхъ провинціяхъ, городахъ, епархіяхъ, земляхъ и мѣстностяхъ подобныя провинности и преступленія и остаются безнаказанными, за что душамъ тѣхъ людей грозитъ очевидная опасность потерять вѣчное спасеніе“.

Въ виду такого положенія дѣлъ папа именемъ апостольскаго своего авторитета строжайше повелѣвалъ, чтобы посланнымъ имъ инквизиторамъ никто не смѣлъ впредь чинить никакихъ помѣхъ. Онъ подтверждалъ, что инквизиторы по всѣмъ дѣламъ такого рода имѣютъ право привлекать къ себѣ на судъ и подвергать заслуженной карѣ лицъ всякаго общественнаго положенія, какъ бы оно ни было высоко; что они могутъ проповѣдовать народу во всѣхъ и каждой изъ приходскихъ церквей Верхней Германіи такъ часто, какъ имъ заблагоразсудится, и что они вообще вольны принимать при исполненіи своихъ обязанностей всѣ мѣры, какія сочтутъ полезными. Папа затѣмъ обращался къ епископу Страсбургскому и поручалъ ему неумолимо карать ослушниковъ, которые вновь начали бы тормозить дѣло инквизиціи: въ случаѣ же сопротивленія онъ долженъ былъ привлекать къ содѣйствію руку свѣтской власти.

Булла эта издавна служить въ спеціальной литературѣ предметомъ ожесточенныхъ пререканій между писателями «свободомыслящаго» и клерикальнаго лагеря. Тогда какъ первые долгое время представляли ее чѣмъ-то въ родѣ Великой Хартіи процессовъ вѣдмъ, сигналомъ къ массовой ихъ организаци, вторые упорно утверждаютъ, что взглядъ этотъ является характернымъ образчикомъ того, насколько партійное пристрастіе способно исказать исторію. По существу дѣла, говорятъ они, булла эта почти не имѣетъ отношенія къ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли вѣрить въ реальность «вѣдовства». Она отнюдь не носитъ какого-нибудь догматическаго характера. Она является чисто юридическимъ актомъ, рѣшившимъ спорный вопросъ о предѣлахъ компетенціи двухъ данныхъ инквизиторовъ. Что касается приведеннаго въ ней длиннаго перечня колдовскихъ преступленій, то онъ составленъ не отъ лица папы; по общему правилу, въ основу всѣхъ подобныхъ буллъ полагался вызвавшій ея появленіе докладъ мѣстныхъ агентовъ папскаго престола. И если даже допустить, что Иннокентій VIII самъ вполне вѣрилъ въ дѣйствитель-

ность того, о чемъ ему писали Шпренгеръ и Инститоръ, то все же толковать о томъ, будто бы папа склонилъ общественное мнѣніе на сторону инквизиторовъ, «бросивъ на чашу вѣсовъ всю тяжесть своего непогрѣшимаго авторитета», значить лишь обнаруживать полное незнакомство съ основами церковнаго католическаго ученія о папской власти. Папа непогрѣшимъ, когда онъ говоритъ *ex cathedra*. Въ данномъ же случаѣ Иннокентій VIII говорилъ несомнѣнно *extra cathedram*. А несогласіе съ папой, когда онъ говоритъ *extra cathedram*, т.-е. какъ простой смертный, на главу коего не изливается тогда «харизма непогрѣшимости», никогда не служило препятствіемъ католику оставаться добрымъ сыномъ церкви. И надобно еще замѣтить, что самая опасная сторона ученій Молота Вѣдьмъ, его теорія, что колдуны могутъ слетаться на колдовскіе шабаши, въ буллѣ не помянута ни словомъ.

Приведенный нами традиціонный взглядъ, по которому папа Иннокентій VIII съ своею буллою *Summis desiderantes* долженъ считаться главнымъ виновникомъ варварскаго истребленія такого множества ни въ чемъ неповинныхъ человѣческихъ существъ, конечно, страдаетъ въ высокой степени неточностью и преувеличеніемъ. Булла эта отнюдь не явилась «сигналомъ» къ массовому гоненію на вѣдьмъ. Какъ мы уже видѣли, задолго до ея выхода въ свѣтъ инквизиція успѣла поставить на костеръ цѣлыя вѣдовскія гекатомбы. И въ отношеніи папскаго престола къ борьбѣ, предпринятой инквизиторами противъ колдуновъ, булла *Summis desiderantes* также не представляла собою ничего новаго. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи вопроса она оказывается только однимъ изъ цѣлага ряда совершенно съ ней сходныхъ папскихъ указовъ, которые мы и отмѣтили въ своемъ мѣстѣ. Особая ея слава зависитъ лишь отъ того, что она увидѣла свѣтъ послѣ изобрѣтенія Гутенбергомъ печатнаго станка. Рукописныхъ предшественницъ ея пришлось разыскивать въ пыли архивовъ, тогда какъ эта булла, при помощи печати обойдя весь католическій міръ, осталась у всѣхъ въ живой памяти. Наконецъ, булла, не высказываясь прямо насчетъ того, слѣдуетъ ли вѣрить въ полеты вѣдьмъ, (къ чему, надо замѣтить, у ней не было и повода, такъ какъ полеты сами по себѣ не составляли особаго вида преступленій), не отрѣзала добрымъ католикамъ возможности спорить противъ этого опаснѣйшаго пункта въ новомъ открытіи папскихъ инквизиторовъ. И этой возможностью дѣйствительно воспользовались нѣкоторые изъ богослововъ и юристовъ, которые и послѣ выхода въ свѣтъ буллы поддерживали необходимость толковать всѣ показанія вѣдьмъ о ихъ воздушныхъ пу-

тешествіяхъ на шабашъ согласно Canon Episcopi, т.-е. какъ простыя иллюзіи, вызываемыя дьяволомъ. Но было бы ошибочно и умалять значеніе этой буллы до тѣхъ предѣловъ, къ которымъ желаютъ свести его католическіе историки. Въ какомъ своемъ качествѣ папа Иннокентій требовалъ, чтобы никто не препятствовалъ его инквизиторамъ судить и карать вѣдьмъ, какъ имъ заблагоразсудится, — говорилъ ли онъ это, какъ непогрѣшимый Summus Magister или какъ погрѣшимый Summus Rector, — этотъ вопросъ имѣетъ, конечно, большое значеніе для совѣсти современныхъ вѣрующихъ католиковъ; но съ исторической точки зрѣнія онъ лишень всякаго интереса. Средневѣковому обществу, когда папа обращался къ нему съ своими приказаніями, не полагалось вѣдаться въ такую критику, и сколько вѣса имѣлъ папскій авторитетъ въ XV столѣтіи, столько его и оказывалось на сторонѣ инквизиціонной теоріи и практики вѣдовскихъ процессовъ. «Допускать, что инквизиторы, карая столь жестоко вѣдьмъ, сами могутъ являться жертвами заблужденія, это что же значить? Это значить клеветнически обвинять саму римскую церковь въ величайшей небрежности, хуже того, — въ величайшей жестокости и беззаконіи, ибо инквизиторы дѣйствуютъ лишь какъ делегаты римскаго первосвященника, къ которому главнымъ образомъ и относится все, что они дѣлаютъ, справедливо или несправедливо, особенно если это творится съ его вѣдома. Поэтому если бы судъ ихъ былъ неправеденъ, то это являлось бы виной самого первосвященника, разъ онъ молчитъ и позволяетъ имъ дѣйствовать». Такъ рассуждалъ относительно сомнѣній въ существованіи секты вѣдьмъ столь компетентный человѣкъ, какъ Де-Спина, Magister Sacri Palatii въ Римѣ; такъ неизбежно должна была рассуждать и масса общества. Авторы Malleus Maleficarum въ видѣ предисловія при каждомъ его изданіи прилагали буллу Summis desiderantes. Курія, съ своей стороны, по поводу этого не заявляла ни малѣйшаго неудовольствія. Могло ли же при этомъ общество глядѣть на Молотъ Вѣдьмъ иначе, какъ на книгу, вполне отвѣчающую взглядамъ самого главы церкви?

Но какъ бы то ни было, какую бы долю мы ни приписывали тутъ буллѣ папы Иннокентія VIII, созданный инквизиторами новый отдѣлъ теологическо-юридической литературы успѣлъ къ началу XVI вѣка проложить себѣ широкую дорогу въ среду образованнаго общества. Молотъ Вѣдьмъ отнюдь не предназначался для «простыхъ людей». Въ приложенной къ нему «аппробаціи» Кельнскихъ богослововъ прямо говорилось: «Трактатъ сей надлежитъ давать въ руки лишь ученымъ ревнителямъ по вѣрѣ, кои могутъ оттуда почерпнуть

рядъ здравыхъ и зрѣлыхъ совѣтовъ насчетъ конечнаго истребленія вѣдѣмъ, а также богобоязненнымъ и совѣстливымъ пастырямъ душъ, наставленія коихъ будутъ воспламенять потомъ и въ сердцахъ паствы ненависть къ столь пагубной ереси». Да никому, кромѣ глубоко посвященныхъ въ книжную премудрость людей, и не по силамъ было одолѣть это обширное, тяжеловѣсное, насыщенное схоластическими тонкостями сочиненіе, написанное на варварской латыни. И, несмотря на это, къ 20-мъ годамъ XVI вѣка Молотъ выдержалъ въ Германіи, во Франціи и въ Италіи по меньшей мѣрѣ 13 изданій, что при ничтожной емкости тогдашняго книжнаго рынка свидѣтельствуешь о поразительномъ успѣхѣ книги. Kauf und lies es, das Geld wird dich nicht gereuen ¹⁾—стоитъ на обложкѣ одного изъ нѣмецкихъ изданій Молота, и ученые ревнители по вѣрѣ, очевидно, не оставались глухи къ такому приглашенію.

Мы безъ труда обнаруживаемъ и въ жизни слѣды вліянія, произведеннаго на умы Молотомъ и примыкающей къ нему литературой. Вѣдѣмы въ томъ видѣ, какъ ихъ описывали инквизиторы, согласно выраженному въ Молотѣ благочестивому желанію, становятся предметомъ бесѣды съ церковной каедрой. Самъ Гейлеръ изъ Кайзерсберга, краса нѣмецкихъ духовныхъ ораторовъ конца среднихъ вѣковъ, счелъ нужнымъ посвятить вѣдѣмамъ рядъ проповѣдей, гдѣ онъ толкуеть о нихъ въ духѣ, о которомъ мы можемъ составить себѣ понятіе по слѣдующимъ небольшимъ отрывкамъ. Не надо думать, просвѣщаетъ Гейлеръ людей, которые по скудости своего образованія не имѣли никогда случая заглядывать въ схоластическіе трактаты, чтобы вѣдѣмы сами могли производить то, что онѣ производятъ. Дѣло тутъ обстоитъ иначе.

„Бѣсъ заключилъ съ иными изъ людей договоръ и далъ имъ слова и знаки. Стоить имъ сдѣлать знакъ и произнести слово — и бѣсъ готовъ исполнить, чего они желаютъ. Такъ что бѣсъ производитъ колдовскія дѣянія въ угоду вѣдѣмамъ. Возьми примѣръ, и ты это поймешь. Когда вѣдѣма хочетъ навести бурю или градъ, она беретъ метлу, становится въ ручей и метлой перекидываетъ воду себѣ черезъ голову: такъ и выходитъ градъ. Однако отъ перебрасыванія воды черезъ голову и отъ слова градъ пойти не можетъ. Но бѣсъ, лишь только онъ завидитъ такой знакъ и слышитъ слово, тамъ въ воздухѣ и въ вѣтрѣ принимается вѣдѣмъ помогать и поднимаетъ бурю. Да, скажетъ иной, а я этому вовсе не вѣрю. Я вѣрю, что, стоить мнѣ перекреститься, и нѣтъ мнѣ до вѣдѣмъ дѣла. Не могутъ онѣ этого. Вотъ неразумныя рѣчи. Мы же своими глазами видимъ, что это въ самомъ дѣлѣ бываетъ. Конечно, не онѣ это дѣлають—это правда—дѣлають это не онѣ, но бѣсъ въ угоду имъ можетъ это производить, разъ онъ видитъ знакъ и слышитъ слово, которому онѣ ихъ научилъ...“

„Ну вотъ, ты спрашиваешь меня: какъ долженъ я объ этомъ думать? могутъ ли вѣдѣмы иссушать коровъ и вынимать у нихъ молоко, такъ что тѣ не даютъ больше молока? и могутъ ли онѣ донѣть молоко изъ топорича или изъ шила? Я говорю: да, съ помощью бѣса онѣ все это могутъ. Какъ же это выходитъ? Въ природѣ существуетъ извѣстный законъ, что бѣсъ можетъ вещественные пред-

¹⁾ Купи и прочти: о деньгахъ не пожалѣешь.

меты переносить съ одного мѣста на другое съ помощью свойственной ему силы, полученной имъ отъ Всемогущаго Бога. Такъ, бѣсъ способенъ большую скалу перенести, какъ перышко... Отсюда и выходитъ, что когда вѣдьма сядетъ на вилы, смажетъ ихъ и скажетъ нужное слово, то она ѣдетъ, куда хочетъ. Не въ вилахъ тутъ, конечно, сила и не въ мази: дѣлаетъ это бѣсъ, который везетъ вѣдьму на вилахъ, какъ только запримѣтитъ свое таинство и свой знакъ. Такъ же обстоитъ дѣло и съ коровами. Молоко есть вещественный предметъ, а, какъ мы сказали, бѣсъ съ поущенія Божія можетъ любой вещественный предметъ переправить съ одного мѣста на другое. И такъ, бѣсъ можетъ вынуть молоко изъ коровы, извлечь его изъ ея тѣла и перенести въ другое мѣсто, разъ онъ завидитъ сдѣланный вѣдьмой знакъ. И когда вѣдьма воображаетъ, будто она доитъ топориче, бѣсъ можетъ въ одно мгновеніе перенести туда молоко и лить ей въ подояникъ. А такъ какъ онъ остается при этомъ невидимъ, то вѣдьма и думаетъ, будто молоко бѣжитъ изъ дерева или изъ топорича“.

Должнымъ вниманіемъ почтили Молотъ Вѣдьмъ и свѣтскіе юристы. Трудное это дѣло — вѣдьмы, писалъ въ началѣ XVI вѣка флорентинскій юристъ Павелъ Грилландъ, особенно изъ-за вопроса о полетахъ. Доктора права по большей части думаютъ, что онѣ не переносятся тѣломъ, а являютъ собой лишь жертву дьявольскаго наважденія, какъ о томъ говорилъ Сапон Епископъ. Теологи же доказываютъ противное, блестяще подтверждая свое мнѣніе доводами отъ разума, ссылками на авторитеты и примѣрами. Самъ я, продолжаешь Грилландъ, сначала долго держался перваго мнѣнія, но потомъ мой судейскій опытъ заставилъ меня уступить очевидности и признать, что вѣдьмы переносятся на шабашъ тѣлесно. И подобныя обращенія ранѣе сомнѣвавшихся юристовъ въ вѣру Молота оказываются въ началѣ XVI вѣка довольно частыми по всеѣмъ европейскимъ странамъ. Гохштедтскій ландфогтъ Ульрихъ Тенглеръ, авторъ чрезвычайно цѣнивагося въ XVI вѣкѣ судебнаго руководства *Laien-spiegel*, въ первомъ его изданіи не считалъ еще нужнымъ преподавать свѣтскимъ судьямъ никакихъ указаній, какъ надо вести процессы вѣдьмъ. Но настоянія сына, который былъ профессоромъ богословія въ Ингольштадтѣ, заставили его потомъ измѣнить взглядъ на дѣло, и во второмъ изданіи имъ была включена обширная глава «О ереси, гаданіи, чернокнижии, колдовствѣ, вѣдьмахъ и т. п.». Что вѣдьмы, писалъ при этомъ во введеніи Тенглеръ, производятъ градъ, напускаютъ на людей и на животныхъ болѣзни, летаютъ по воздуху огромные концы, творять распутство съ нечистыми духами и дѣлаютъ другія противохристіанскія вещи, «это по человѣческому разуму трудно понять, трудно это постичь и трудно этому повѣрить. Потому у юристовъ въ этомъ были сомнѣнія и шли толки, не пустяки ли это». Но, продолжаетъ онъ, недавно папскіе инквизиторы изъ опыта своего такъ обстоятельно раскрыли и обсудили всѣ эти исторіи въ разныхъ латинскихъ и нѣмецкихъ книгахъ, въ особенности же въ *Malleus Maleficarum*, что съ ними приходится согласиться. И, подчиняясь такому авторитету, Тенглеръ прямо пере-

несъ въ свой *Laienspiegel* всѣ главныя процессуальныя указанія Молота Вѣдьмъ. Такимъ же проводникомъ въ свѣтское право инквизиторскихъ взглядовъ на вѣдовство являлся далѣе знаменитый нидерландскій юристъ XVI вѣка Іодохъ Дамгудеръ. Наконецъ, и германскій имперскій уголовный кодексъ, изданный при Карлѣ V, несмотря на всю свою относительную осторожность въ постановленіяхъ о репрессіи колдовства, все же заплатилъ дань если не Молоту, то буллѣ *Summis desiderantes*, признавъ реальность и договора съ дьяволомъ, и распутства съ дьяволомъ.

Но Молотъ Вѣдьмъ подѣйствовалъ на голову не только церковнымъ проповѣдникамъ и юристамъ. Среди литературныхъ сторонниковъ реальности всего, что въ немъ рассказывалось о вѣдмахъ, мы находимъ и медиковъ и даже нѣкоторыхъ изъ гуманистовъ, этихъ злѣйшихъ враговъ схоластики. Такъ, славный поета laureatus Генрихъ Бебель почтилъ своимъ стихотворнымъ предисловіемъ сборникъ проповѣдей нѣкоего Тюбингенскаго священника Плантша, гдѣ излагалась вся инквизиторская теорія вѣдовства. Такъ, видный итальянскій гуманистъ Пико де ла Мирандола (племянникъ знаменитаго Пико) съ большою похвалою отзывался о трудѣ Шпренгера и Инститора. Въ это же время вѣдмы получаютъ и воплощеніе свое въ образахъ художественной фантазіи. Вѣдму рисуетъ Альбрехтъ Дюреръ, шабашъ съ различными вариациями неоднократно рисуетъ Гансъ Бальдунгъ Гринъ, и тема эта послѣ нихъ усердно разрабатывается, особенно въ дешевой гравюрѣ, назначенной для сбыта среди простонародья. Такимъ-то образомъ за первую четверть XVI столѣтія уродливая, зловѣщая фигура вѣдмы становится вполне привычною всѣмъ слоямъ западноевропейскаго общества безъ всякаго изъятія.

Намъ остается еще, однако, осмыслить для себя одинъ съ виду загадочный фактъ, нашедшій отраженіе въ литературной судьбѣ Молота Вѣдьмъ. Немедленно по выходѣ своемъ въ свѣтъ этотъ трудъ Шпренгера и Инститора почтенъ былъ достодожнымъ вниманіемъ: какъ мы сказали, къ 1520 году онъ былъ по разнымъ странамъ напечатанъ 13 разъ. Но съ третьяго десятилѣтія XVI в. интересъ къ нему видимо ослабѣваетъ. Только въ 1574 году онъ перепечатывается снова—и снова съ большимъ успѣхомъ: къ прежнимъ 13 изданіямъ теперь до 1669 г. прибавляется еще 16. Только къ концу XVI столѣтія у Шпренгера съ Инститоромъ являются и достойные соперники. Изъ «классиковъ» вѣдовской литературы Боденъ выпустилъ свой трудъ (*De magorum daemonomania seu detestando lamiarum ac magorum cum satana commercio*) въ 1580 году, Бинсфельдъ (*De confessionibus maleficarum et sagarum*) въ 1589 году,

Ремигий (Daemonolatria) въ 1595 г. и, наконецъ, Дельрио (Disquisitiones magicae) въ 1599 году. Срединѣ XVI вѣка была, напротивъ, ознаменована необычайнымъ успѣхомъ труда доктора Вейера (De praestigiis daemonum et incantationibus ac veneficiis), гдѣ авторъ клеймилъ процессы вѣдьмъ, какъ гнусныя судебныя убійства. Такую же кривую описываетъ за XVI столѣтіе и дѣйствительное гоненіе на вѣдьмъ. Поскольку нашъ, правда очень недостаточный, статистическій матеріалъ позволяетъ намъ дѣлать тутъ выводы, къ срединѣ XVI вѣка преслѣдованія вѣдьмъ значительно проигрываютъ въ силѣ сравнительно съ концомъ XV столѣтія. Зато къ концу XVI вѣка они мало-по-малу снова разгорается съ тѣмъ, чтобы достигъ высшей напряженности въ началѣ XVII столѣтія. Только тогда они становятся знакомы и такимъ странамъ, которыя никогда не видывали у себя папскихъ инквизиторовъ, какъ Англія, Шотландія и скандинавскія государства; только тогда они становятся во всей Западной Европѣ явленіемъ не исключительнымъ, а совершенно обыденнымъ; только тогда счетъ жертвъ приходится вести на тысячи. Шпренгеръ и Инститоръ въ XV столѣтіи хвалились еще тѣмъ, что за пять лѣтъ сожгли въ Германіи цѣлыхъ 48 вѣдьмъ. Въ XVII столѣтіи во многихъ небольшихъ нѣмецкихъ территоріяхъ пять десятковъ вѣдьмъ нерѣдко отправлялись на костеръ уже за одинъ разъ.

Итакъ, разгаръ процессовъ вѣдьмъ отдѣленъ отъ выхода въ свѣтъ буллы Инокентія VIII и Malleus Maleficarum болѣе чѣмъ столѣтіемъ, при чемъ мы вовсе не видимъ передъ собой правильного, постепеннаго усиленія бреда. Напротивъ, онъ одно время какъ бы готовился потухнуть, вмѣсто чего однако на дѣлѣ ему суждено было разгорѣться съ неслыханною силой. Основываясь на этомъ, католическіе историки, какъ Янсень и Дифенбахъ, и предлагаютъ съ своей стороны такое объясненіе для тѣхъ безумно жестокихъ гоненій, которыми ознаменованы были конецъ XVI и начало XVII вѣковъ. Для нихъ папскій престолъ и инквизиція оказываются здѣсь совершенно не при чемъ. Надо припомнить, говорятъ они, въ какое время вышла булла Инокентія VIII и Молоть Вѣдьмъ. То была пора, когда не безъ вины самой же католической іерархіи, которая тоже успѣла обмирщиться, авторитетъ папы и римскихъ инквизиторовъ былъ въ конецъ расшатанъ. То была пора, когда все образованное европейское общество бредило такъ называемымъ гуманизмомъ и въ знакъ своей умственной зрѣлости нещадно издѣвалось надъ церковью и въ частности надъ тѣми самыми монахами, которые держали въ своихъ рукахъ инквизицію. То была пора, когда въ Европѣ подготовлялась катастрофа.

обрушившаяся на нее въ видѣ реформаціи. И кто же изъ людей, не ослѣпленныхъ партійнымъ пристраціемъ, повѣритъ, будто бы протестантскіе трибуналы, которые въ разгаръ процессовъ вѣдьмъ своей жестокостью далеко превосходили современную имъ инквизицію, дѣйствовали такъ подѣ влияніемъ буллы, изданной однимъ изъ папъ конца XV вѣка? Кальвинъ на всѣхъ перекресткахъ провозглашалъ папу антихристомъ. Но тотъ же Кальвинъ въ Женевѣ такъ расправлялся съ мнимыми колдунами, какъ никогда не расправлялась инквизиція. И между тѣмъ намъ предлагаютъ вѣрить, будто Кальвинъ замуговывалъ живыхъ женщинъ потому, что находился подѣ влияніемъ буллы *Summis desiderantes!* Шотландія до перехода въ кальвинизмъ не знала ничего похожаго на массовое преслѣдованіе вѣдьмъ. Ноксъ и его ученики, вскормленные въ Женевѣ млекоу кальвиновой теологіи, впервые заразили Шотландію этой язвой. И намъ тѣмъ не менѣе предлагаютъ вѣрить, будто вина за это падаетъ не на кальвинистовъ, а на доминиканцевъ, написавшихъ сотнею лѣтъ раньше Молотъ Вѣдьмъ! Нѣтъ, если первые вѣка новой исторіи были запятнаны безумно жестокимъ гоненіемъ на вѣдьмъ, то виновато здѣсь было не то, что въ эту эпоху осталось сватарого, а то, что въ ней дѣйствительно было ново. Прославленное обновленіе религіозной жизни Западной Европы гуманизмомъ и протестантизмомъ, прославленная реформація, — вотъ новый факторъ, обострившій до послѣдней степени исконный общечеловѣчскій страхъ передъ колдовствомъ. Въ началѣ XVI вѣка Европа попробовала обойтись безъ тяготившей ее опеки римской церкви. И тутъ сказалоу сь полной ясностью, какъ благодѣтельна и какъ необходима была для европейскаго общества эта культурная опека. Вырвавшись на свободу, общество это быстро дичаетъ, и можетъ быть самымъ рѣзкимъ, самымъ характернымъ проявленіемъ этого одичанія служить именно невиданное въ прежнія времена развитіе процессовъ вѣдьмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, — продолжаютъ клерикальные историки, — средневѣковую католическую церковь принято упрекать, что она сь своимъ обрядами, богомольями, чудотворными иконами, мощами и т. п. держала общество въ рабствѣ суевѣрію, и въ высшую заслугу гуманизму и реформаціи вмѣняютъ, что они помогли разбить эти вѣсковыя цѣпи. Не будемъ переходить на догматическую почву, не будемъ разбирать, почему и понынѣ римская церковь особое почитаніе таинствъ, святыхъ, мощей, иконъ относитъ въ область вѣры, а не суевѣрія. Посмотримъ только на другую сторону. Взглянемъ на то, что реформація поставила на мѣсто этихъ народныхъ «суевѣрій», взглянемъ на то, въ какой мѣрѣ враждеб-

ныя католицизму силы въ XVI столѣтїи дѣйствительно содѣйствовали народному «просвѣщенію».

Протестантскіе писатели очень охотно повторяютъ слова Лютера, сказанныя по поводу одного легендарнаго житія Іоанна Златоуста: «Вы смѣтаетесь на такое вранье и никто изъ васъ не хочетъ ему вѣрить. Но счастье ваше, молодые люди, что вамъ возсіялъ свѣтъ. А лѣтъ двадцать тому назадъ посмѣй кто-нибудь хоть слово въ этой легендѣ объявить выдумкой, его бы обратили въ пепель». Протестантамъ, во-первыхъ, не слѣдовало бы выдавать за фактъ простую полемическую выходку. Церковь католическая никогда не приравнивала легендъ догматамъ вѣры и никого не заставляла всякое слово въ нихъ считать за истину. Она только не позволяла дерзко надъ ними насмѣхаться. И если говорить о терпимости къ критикѣ, то развѣ можно сравнивать широкую толерантность церкви XV вѣка съ той узкой сектантской нетерпимостью къ чужому мнѣнію, которая воцарилась въ Европѣ подъ вліяніемъ реформаціоннаго духа. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно взглянуть на судьбу гуманизма: какъ онъ свободно развивался въ эпоху церковнаго единства и какъ быстро расколъ церковный обратилъ его въ мертвое буквоѣдство. Но главное: если въ протестантскихъ странахъ теперь позволены были самыя грубыя издѣвки надъ тѣмъ, что цѣлые вѣка служило предметомъ народнаго почитанія, то слѣдуетъ ли отсюда, чтобы протестантская паства стала менѣе суевѣрна, чѣмъ католическая? И на этотъ вопросъ приходится отвѣтить рѣшительнымъ: нѣтъ. Протестантизмъ нисколько не ослабилъ народнаго суевѣрія. Онъ только направилъ его въ другое, гораздо болѣе опасное русло. Въ свѣтлыя чудеса святыхъ новая религія запрещала вѣрить. Зато тѣмъ болѣе пышнымъ цвѣтомъ распустилась въ ея лонѣ вѣра въ чудеса мрачнаго характера, особенно же мысль о непрерывномъ вмѣшательствѣ въ людскую жизнь адской силы. Возьмемъ въ самомъ дѣлѣ народную литературу на родинѣ протестантизма въ Германіи, какъ она сложилась къ тому времени, когда реформація успѣла принести свои плоды, т.-е. во второй половинѣ XVI вѣка. Что жъ это за унылая картина! «Книги о святыхъ», пишетъ одинъ изъ современниковъ, «которыя говорятъ намъ о любви и милосердіи Божіемъ и настаиваютъ насъ въ подвигахъ христіанскаго милосердія, теперь совсѣмъ не въ такомъ ходу и почетѣ, какъ у старыхъ добрыхъ христіанъ. Всякій покупаетъ себѣ теперь книжки, картины и стихи о дьяволѣ и о темныхъ колдовскихъ, дьявольскихъ искусствахъ. Я самъ зналъ одного портного, у котораго было 40 или 50 такого рода книжекъ и листовъ, напечатанныхъ за годъ или за два. И

онъ еще хвалился своимъ собраніемъ, какъ будто бы это было пристойное христіанское дѣло держать у себя въ домѣ такія срамныя сказки о чортѣ». «Ужъ много лѣтъ у насъ печатается и продается безъ перерыва безчисленное множество листовъ и книжекъ о вѣдьмахъ, чародѣяхъ и всякой бѣсовской нечисти, а также о чудесахъ и знаменіяхъ, которыя якобы у насъ случаются. Все это дикій вздоръ, которому раньше не повѣрилъ бы ни одинъ разумный человѣкъ и которымъ теперь упиваются почти что всѣ, старые и молодые, простые люди и высокопоставленныя особы, считая все это за истинную правду. Миръ ослабѣлъ въ вѣрѣ, зато какъ онъ окрѣпъ въ суевѣріи, во всякихъ бредняхъ о чортѣ, о привидѣніяхъ и чудесныхъ знаменіяхъ. Боже милостивый, чѣмъ же это можетъ кончиться!» И наше собственное знакомство съ дошедшими до насъ остатками этой литературы,—говоритъ Янсенъ,—заставляетъ насъ безъ оговорокъ подписаться подъ такую характеристику. Когда читаешь эту литературу, то въ голову невольно приходитъ извѣстный діалогъ Лукіана «Любитель вранья» и вмѣстѣ съ Лукіаномъ хочется воскликнуть: «Ужъ если вы не имѣете никакого уваженія къ себѣ самимъ, то пожалѣли бы вы по крайней мѣрѣ молодыхъ людей и посовѣстились бы забивать ихъ голову такими нелѣпыми, страшными сказками. Вѣдь, разъ онѣ овладѣютъ дѣтскимъ воображеніемъ, онѣ потомъ всю жизнь не будутъ давать людямъ покоя, заставляя ихъ трепетать передъ порохомъ каждаго листа и дѣлая ихъ жертвой всякаго суевѣрія и страха передъ духами».

Вотъ нѣсколько образчиковъ этой умопомрачающей литературы изъ богатаго собранія, помѣщенного Янсенемъ въ его извѣстной «Исторіи нѣмецкаго народа» ¹⁾. Особый обширный ея отдѣлъ образуютъ трактаты о «знаменіяхъ». Знаменій этихъ, съ гордостью заявляютъ протестантскіе проповѣдники, небо никогда не являло столько, сколько оно являетъ съ тѣхъ поръ, какъ на землѣ снова возсіялъ свѣтъ истиннаго Евангелія. «Я думаю,—писалъ извѣстный проповѣдникъ Мускулусъ въ своемъ трактатѣ «О Мезехѣ и Кедарѣ, о Гогѣ и Магогѣ» и т. д. (1577 г.),—что если бы собрать всѣ чудесныя знаменія, записанныя у всѣхъ историковъ отъ сотворенія міра, то ихъ не наберется столько — и столь разнообразныхъ и странныхъ—сколько ихъ огласилось у насъ въ печати за послѣднія 40 лѣтъ». На первомъ мѣстѣ по частотѣ стояли среди этихъ знаменій рожденія различныхъ чудищъ. Въ морѣ и въ рѣкахъ вылавливались такія твари, которыя не виданы были отъ вѣка: рыбы

¹⁾ Съ этимъ отдѣломъ Янсеновой работы стоитъ познакомиться всякому, кого интересуетъ вопросъ о происхожденіи современной „дубочной“ литературы.

съ папскими головами, съ монашескими капуцами и іезуитскими шапочками и т. п. Еще въ началѣ реформаціи Тибръ выбросилъ уродливое существо, въ которомъ — по толкованію Меланхтона — самъ Богъ изобразилъ ужасы папства, дабы остеречь добрыхъ христіанъ отъ римскаго антихриста и его челяди. Около того же времени у одной коровы во Фрейбергѣ родился теленокъ съ виду, какъ монахъ. Весь міръ, писалъ по этому поводу Лютеръ, долженъ затрепетать передъ такимъ страшнымъ знаменіемъ. «Трепещутъ же люди, когда имъ случится увидать дьявола или привидѣніе или услышать таинственные стуки. А это вѣдь пустяки сравнительно съ такою страстью, гдѣ самъ Богъ показываетъ свое откровеніе. Онъ ясно говоритъ этимъ теленкомъ, сколь онъ враждебенъ монашеству. Паписты здѣсь, какъ въ зеркалѣ, должны увидать, чѣмъ они являются для Бога и за что ихъ почитаетъ небо». «Всякая беременная женщина, — писалъ одинъ изъ вѣрныхъ лютеровыхъ учениковъ, — должна помышлять о своихъ грѣхахъ и каяться, ибо не можетъ она знать, какой отъ нея будетъ плодъ и не появится ли отъ нея ради особой кары всѣхъ окружающихъ пороковъ и въ нѣмецкой землѣ какое-нибудь изъ тѣхъ твореній, которыя описаны и нарисованы въ книжкѣ Элуцидарій, находящейся у всѣхъ въ рукахъ». А въ этомъ Элуцидаріи, являвшемся тогда дѣйствительно одной изъ самыхъ распространенныхъ народныхъ книгъ, повѣствовалося: «Въ странѣ Индіи есть люди съ песьими головами и разговариваютъ лаемъ; иные бываютъ тамъ обоюгаго пола — сразу мужчина и женщина; всѣ они могутъ рожать дѣтей, какъ женщины, и производить, какъ мужчины; правая грудь у нихъ мужская, а лѣвая женская... Въ странѣ Сициліи у иныхъ такія уши, что покрываютъ все тѣло. — Въ Эіопіи у иныхъ бываютъ рога, длинные носы и козьи ноги», и т. д. Но видно, многія беременныя женщины каялись плохо, такъ какъ «самыя достовѣрные листки» въ эпоху реформаціи сообщали случаи рожденія въ Германіи чудищъ хуже описанныхъ въ Элуцидаріи. Въ Бахарахѣ, на примѣръ, жена одного пьяницы родила въ 1595 г. младенца съ змѣинымъ хвостомъ длиной въ три локтя. Когда отецъ явился изъ шинка, чудище бросилось на него, какъ ястребъ, и, обвинивши кругомъ него, умертвило ядовитыми укусами. Извѣстій же о томъ, какъ женщины рождали поросятъ, ослятъ или волчатъ и какъ, обратно, неразумные скоты рождали человѣческія существа, нельзя было и перечестъ. Небо слѣдило тогда даже за нарядами и выражало свое неодобреніе новымъ модамъ тѣмъ, что иные младенцы изъ чрева матери выходили уже, къ ужасу людскому, въ брызжжахъ и франтовскихъ шароварахъ.

Auch wird kein Missgeburts uns heut
Für Augen gestellt, die uns nicht bedeut
Ein Straf, und dass zu dieser Frist
Kein greulicher Monstrum zu finden ist
Denn der Mensch, so durch Adam Fall
Verderbt ist durchaus überall ¹⁾.

Съ такимъ же рвеніемъ раздувало протестантское духовенство народный страхъ передъ кометами и другими необычайными небесными явленіями. Еще въ XV столѣтіи извѣстный математикъ Иоганнъ Мюллеръ изъ Кенигсберга (Регіомонтанусъ) сдѣлалъ кометы предметомъ точныхъ астрономическихъ изысканій. Но протестантскіе пасторы XVI вѣка не желали объ этомъ слышать. Они считали своею священной обязанностью «разъяснять словомъ и писаніемъ страшное значеніе кометъ, вливая этимъ спасительный ужасъ передъ судомъ Божиимъ». «Иные говорятъ, — восклицалъ одинъ изъ рьяныхъ проповѣдниковъ, — будто истолкованіемъ кометъ должны заниматься не проповѣдники, а математики. Но мнѣ до этихъ людей нѣтъ дѣла. Пусть они строятъ кислые рожки и всячески ругаются, какъ они выучились отъ отца своего дьявола: я не зарюю даннаго мнѣ отъ Бога таланта въ землю». И всякое явленіе кометы сопровождалось запугиваніемъ народа по всѣмъ церквамъ. «Труба гремитъ, левъ рыкаетъ, кто смѣетъ не слушать». Особенными знаменіями почтило протестантскую церковь небо, когда папа Григорій сталъ вводить свой исправленный календарь. Нѣкоторые изъ протестантскихъ проповѣдниковъ сейчасъ же поняли, въ чемъ дѣло. Затѣяно это, поясняли они народу, «чтобы Христосъ спутался и не зналъ, когда собственно наступить срокъ второго пришествія, и чтобы папѣ не приходилось трепетать и можно было дольше на свободѣ безнаказанно продолжать свое живодерство, богохульство и всякое непотребство. Богъ да покараетъ этого прохвоста». И чтобы удержать протестантовъ отъ принятія этого злостнаго календаря, который антихристъ Григорій выпустилъ въ свѣтъ, ища крови и гибели бѣдныхъ евангелическихъ христіанъ, мѣсяцъ самъ сталъ ихъ предостерегать. Это видѣли въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, въ одной деревнѣ онъ снизошелъ на землю къ людямъ и, грозно глядя, съ кровавымъ ликомъ, нѣсколько разъ ясно выговорилъ: «Горе, горе, кровь, кровь, папа и іезуиты».

«Чтобы предохранить по крайней мѣрѣ простыхъ людей отъ свирѣпствующаго безбожнаго эпикурейскаго невѣрія и влить въ сердца ихъ спасительный страхъ и трепетъ», иные изъ проповѣд-

1) Какое бы уродливое рожденіе ни оказывалось теперь предъ нашими глазами, всякое знаменуетъ кару и свидѣтельствуетъ, что нѣтъ хуже уroda, чѣмъ человѣкъ, въ конецъ испорченный грѣхопадениемъ Адама.

никовъ считали особенно пригодными рассказы о чудесахъ изъ царства мертвыхъ, и въ извѣстіяхъ о возстаніяхъ мертвецовъ, призывавшихъ людей къ покаянію и обличавшихъ ихъ пороки, въ протестантской литературѣ также не было недостатка.

«Въ Гоншоттенѣ во Фландріи возстали однажды изъ могилъ три отвратительные мертвеца и стали призывать къ покаянію. У одного изъ нихъ тѣло какъ будто все было охвачено огнемъ. Другой скрежеталъ зубами и вопіялъ ужаснымъ голосомъ: Горе, горе безбожникамъ. Затѣмъ они исчезли, и могилы закрылись. А бургомистръ и дума поторопились письменно запечатлѣть память о столь великомъ, неслыханномъ и чудесномъ знаменіи и разослали вѣсть по всѣмъ окрестнымъ селеніямъ и городамъ».

Но невозможно перечислить всѣхъ знаменій, которыми запугивали протестантскіе проповѣдники народъ, стремясь извлечь его изъ той бездны безнравственности, куда его столкнуло отрицаніе католическаго ученія о спасительности добрыхъ дѣлъ. (Напомню, что я передаю здѣсь лишь взгляды католическихъ ученыхъ.) Въ 1557 году вышелъ нѣмецкій переводъ написаннаго первоначально по-латыни трактата пастора Конрада Вольфарта: *Gottes unergründliche Wunderwerke in seltsamen Geschöpfen, Missgeburten, in Erscheinungen an dem Himmel, auf der Erde, in den Wassern*. Фолиантъ этотъ долженъ былъ послужить «избраннымъ для духовнаго упражненія и христіанскаго размышленія, а злымъ во обличеніе ихъ невѣрія». «Хотя читатели,—такъ говорилось въ предисловіи,—встрѣтятъ тутъ много такихъ вещей, о которыя можетъ преткнуться разумъ и которымъ неопытные люди съ трудомъ согласятся повѣрить, какъ-то: что вола, змѣи и собаки говорили, что деревья и горы переходили изъ одного вида въ другой, что на бузинѣ выросталъ виноградъ, а на дубѣ хлѣбъ, что женщина превращалась въ мужчину, что море горѣло и въ немъ появлялись новые острова и т. п., но они должны передъ этимъ смиренно склониться. Ибо всѣ эти чудеса заимствованы изъ достовѣрныхъ книгъ; нѣкоторыя же изъ нихъ авторъ видѣлъ своими глазами или слышалъ отъ правдивыхъ людей». «Человѣческій разсудокъ, дорогой читатель, не долженъ стремиться слишкомъ глубоко испытывать дѣла Творца: это я тебѣ настоятельно напоминаю. Ибо дѣла Божіи чудны, велики и непостижимы, какъ то свидѣтельствуешь рабъ Божій Іовъ и какъ то неустанно восклицаетъ пророкъ Давидъ въ назиданіе и въ примѣръ всѣмъ вѣрнымъ».

А какимъ пышнымъ цвѣтомъ распустились въ Западной Европѣ разные виды магіи, когда европейское общество привыкло не стѣсняться церковными проклятіями противъ занятій ею. Какое не-

счетное количество «магических трактатовъ, а также маленьких книжекъ для простонародья» выбрасывалъ печатный станокъ на книжный рынокъ въ срединѣ XVI вѣка. Мы тутъ находимъ руководство къ таинственнымъ искусствамъ, авторами которыхъ являются Адамъ и Авель, Енохъ, Авраамъ и Соломонъ, ангелъ Рафаиль или же Альбертъ Великій и т. д., и т. д. И кто жъ далъ новый толчокъ эксплуатаціи народнаго невѣжества? Развѣ не тѣ же гуманисты? Развѣ они, топча ногами Аристотеля, не упились писаніями Ямблиха и Михаила Пселла? И развѣ они свое знаніе еврейскаго языка примѣняли лишь къ филологической интерпретаціи Ветхаго завѣта, а не были съ тѣмъ вмѣстѣ прилежными чтецами Каббалы и всей еврейской каббалистической литературы? Весь древне-языческій и восточный демонизмъ снова теперь ожилъ среди этихъ «умственно-эмансипированныхъ» людей. А слѣдомъ за ними тѣмъ же ядомъ заражались и другіе. «У насъ, — писалъ во второй половинѣ XVI вѣка извѣстный ученый Преторій, — волшебныя книги и общество волшебниковъ почитаются самымъ интереснымъ развлеченіемъ». Гуманисты и протестанты не вѣрили въ чудотворныя иконы. Но это не мѣшало имъ глубоко вѣрить въ «чудотворную медицину» школы Парацельса, строившуюся на астрологіи и каббалистикѣ. Добрые протестанты не приобрѣтали себѣ больше чудотворныхъ реликвій. Но это не мѣшало имъ приобрѣтать себѣ для защиты отъ волшебства другіе талисманы въ родѣ знаменитыхъ альрауновъ — земляныхъ человѣчковъ, которые якобы родились въ землѣ изъ слезъ, проливаемыхъ преступниками у подножія висѣлицы и торговля которыми являлась доходною статьей для палачей. Какую яркую картинку умственного убожества даетъ хотя бы одно слѣдующее письмо, посланное въ 1575 году изъ «озареннаго свѣтомъ Евангелія» Лейпцига въ столь же просвѣщенную Ригу.

„Милый братъ, — пишетъ одинъ зажиточный лейпцигскій горожанинъ, — прежде всего посылаю тебѣ мою братскую любовь, преданность и пожеланіе всего лучшаго. Я получилъ твое письмо и могъ изъ него убѣдиться, что у тебя, милый братъ, съ домою и дворомъ дѣла идутъ плохо, что всякая скотина, волю, свиньи, коровы, лошади и овцы, у тебядохнетъ, что пиво и вино киснетъ въ погребахъ, что жить тебѣ становится не на что и что ко всему этому у тебя пошли нелады съ твоей хозяйкой. Все это донельзя прискорбно было отъ тебя слышать. Поэтому я крайне озабочился твоей судьбой и пошелъ посоветоваться о тебѣ къ людямъ, которые свѣдуши въ подобныхъ дѣлахъ, чтобы узнать, откуда могли съ тобой приключиться такіа бѣды. Они мнѣ отвѣчали, что такое несчастье идетъ тебѣ, конечно, не отъ Бога, а отъ злыхъ людей, и что нельзя тебѣ иначе пособить, какъ доставши альруника или земляного человѣчка: если онъ будетъ у тебя въ домѣ или во дворѣ, то все скоро пойдетъ у тебя по-другому. Тогда я дальше принялся о тебѣ хлопотать и пошелъ къ людямъ, у которыхъ такіа вещи есть, а именно къ нашему палачу, и далъ ему за это не много, не мало 64 талера, да еще на чай его помощнику. Теперь этотъ альруникъ долженъ быть подаренъ тебѣ изъ любви и преданности, и ты долженъ на-

учиться, как поступать съ нимъ согласно тому, что я пишу тебѣ въ этомъ письмѣ. Когда ты получишь въ своемъ домѣ этого земляного человѣчка, то три дня оставь его въ покоѣ и не притрогивайся къ нему, а черезъ три дня возьми его и выкупай въ теплой водѣ. Этой водой ты долженъ потомъ окропить твою скотину и пороги твоего дома, черезъ которые ты съ твоими шагаешь, и тогда скоро у тебя все пойдетъ иначе, и ты снова вернешь себѣ все добро, если ты будешь прибѣгать за помощью къ этому земляному человѣчку. Купай его четыре раза въ годъ и какъ выкупаешь, то завертывай его снова въ его шелковую одежду и клади къ своему самому нарядному платью, а больше ничего съ нимъ не дѣлай. Вода, въ которой ты будешь его купать, особенно еще хороша для родильницы, которая не можетъ родить: ей надо дать полную ложку такой воды, и она родитъ съ радостью и благодарностью. И если у тебя будетъ дѣло въ судѣ или въ городскомъ совѣтѣ, то спрячь земляного человѣчка себѣ подъ правую мышку, и ты всегда выиграешь дѣло, будь оно правое или неправое. И затѣмъ Господь съ тобою. Лейпцигъ, воскресенье на масленицѣ 1575 г. Гансъ N.

Можно представить себѣ по этому образчику, какое суевѣріе, какой страхъ передъ волшебствомъ царили въ болѣе низкихъ слояхъ народной массы.

И новоявленная протестантская религія нисколько не стремилась къ тому, чтобы ослабить въ обществѣ эти чувства: напротивъ, она-то всего болѣе и помогла имъ достигнуть тѣхъ чудовищныхъ размѣровъ, до какихъ дѣло дошло къ концу XVI вѣка. Извѣстно, какую роль играетъ сатана въ лютеранской теологіи. Съ ея ученіемъ о несвободѣ воли она вся строится на борьбѣ неба и ада за человѣческую душу. Для выведеннаго Лютеромъ догматическаго зданія существованіе сатаны является такою же необходимостью, какъ и бытіе Божіе. Не даромъ же въ своемъ «Большомъ Катехизисѣ» онъ говоритъ о Христѣ лишь 63 раза, тогда какъ сатана появляется подъ его перомъ 67 разъ. Но своего догматическаго сатану Лютеръ себѣ представлялъ притомъ же со всѣми атрибутами простонароднаго языческаго бѣса. Онъ рѣдко употреблялъ слово сатана, предпочитая простонародное имя Teufel. И этотъ чортъ, котораго Лютеръ безчисленное количество разъ видалъ своими глазами во всякихъ видахъ, являлся для него «княземъ міра сего» въ самомъ буквальномъ, въ самомъ осязательномъ смыслѣ. Все физическое и моральное зло, какое только существуетъ въ мірѣ, или, вѣрнѣе, все, что Лютеръ признавалъ за зло,—все для него было дѣломъ чорта. При каждомъ сомнѣніи, родящемся въ его душѣ, Лютеръ явственно слышитъ голосъ чорта. Чортъ говоритъ для него устами папы и епископовъ, чортъ же подсказываетъ *новыя ученія* и не согласнымъ съ Лютеромъ протестантамъ. Чортъ поднимаетъ войны и мятежи. Чортъ напускаетъ всякія болѣзни. «Если есть столько глухихъ, хромыхъ, слѣпыхъ, то все это по злобѣ чорта. И точно такъ же не слѣдуетъ сомнѣваться, что чума, лихорадка и всякія другія повѣтрія и язвы всѣ идутъ отъ него, какъ онъ же поднимаетъ бури, напускаетъ пожары и вызываетъ

дороговизну, уничтожаетъ хлѣбъ и плоды въ полѣ.» «По-моему всѣ слабоумные и сумасшедшіе повреждены въ своемъ разсудкѣ чортомъ. Если же врачи приписываютъ иногда такого рода болѣзни естественнымъ причинамъ, то происходитъ это оттого, что они не понимаютъ, до чего чортъ силенъ и могучъ». «Всѣ мы всѣмъ нашимъ тѣломъ и имуществомъ подлежимъ власти чорта. Мы только гости въ мірѣ, гдѣ онъ является царемъ и божествомъ. Поэтому и хлѣбъ, который мы ѣдимъ, и питье, которое мы пьемъ, и платье, которое мы носимъ, и даже воздухъ, и все, чѣмъ живетъ наша плоть, ему подвластны». Согласно этому для Лютера почти не существуетъ понятія «несчастный случай». Утонулъ человѣкъ — конечно, его утопилъ чортъ. Человѣкъ чуть не задохся, подавившись кускомъ хлѣба: конечно, его пробоваль уморить чортъ. «Все это дѣлаетъ чортъ, который подстерегаетъ каждаго изъ насъ. А міръ не вѣритъ, что это чортъ. Онъ воображаетъ, что это случай». Разскажемъ о томъ, какъ чортъ утаскиваетъ грѣшниковъ и свертываетъ имъ шею, Лютеръ вѣритъ безусловно. Онъ часто поминаетъ такіа исторіи въ своихъ проповѣдяхъ и прибавляетъ: «Все это ничуть не пустые и вздорные разсказы, чтобы пугать людей: это истиннѣ ужасныя происшествія, а не дѣтскія сказки, какъ полагають умники.» Лютеръ вѣритъ и въ то, что чортъ можетъ приживать съ женщинами дѣтей. Лютеръ, конечно, вѣритъ безусловно и въ силу колдуновъ. «Вѣдьмы это злыя чортовы б...., которыя воруютъ молоко, поднимають бури, ѣздятъ на козлахъ и метлахъ, летаютъ на плащахъ, портятъ и калѣчатъ всячески людей, мучатъ дѣтей въ колыбели, разстраиваютъ супружество и производятъ всякое такое чародѣйство. Онѣ могутъ придавать вещамъ другой видъ, такъ что кажется волъ или корова тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ человѣкъ; онѣ могутъ воспламенять людей къ любви и разврату и могутъ дѣлать много всякихъ такихъ бѣсовскихъ штукъ». «Чортовы распутники колдуны часто дѣлають такъ, что гроза ударяетъ въ скотину, въ хлѣбъ, въ дома и въ дворы не потому, чтобы чортъ и самъ безъ колдуновъ этого не могъ. Но такъ какъ онъ князь міра, то онъ желаетъ себѣ божескихъ почестей и изъ-за этого беретъ себѣ людей на службу». Когда въ 1538 г. Спалатинъ ему разсказалъ, какъ въ Альтенбургѣ одна дѣвочка, испорченная колдуньей, плакала кровью, Лютеръ заявилъ: «Такихъ надо безъ всякаго промедленія казнить смертью. Юристы хотять имѣть слишкомъ много свидѣтельствъ и пренебрегаютъ тѣми, что у всѣхъ на глазахъ. Недавно у меня было брачное дѣло: жена хотѣла ядомъ извести мужа такъ, что того стало рвать ящерицами. На пыткѣ она ничего не отвѣчала: такіе колдуны нѣмы и презирають наказанье:

чортъ не даетъ имъ говорить. Но ихъ поступки достаточно ихъ обличаютъ, и на нихъ надо показывать примѣры на страхъ другимъ. Къ вѣдъмамъ и колдуньямъ, которыя воруютъ куриный яйца изъ гнѣздъ, масло и молоко, не надо имѣть никакого снисхожденія. Я самъ бы сталъ охотно ихъ жечь,—какъ писано въ Законѣ, что жрецы начинали побивать камнями преступниковъ». Какъ проповѣдовалъ Лютеръ, «этотъ новый Илія и Павелъ», такъ проповѣдовали и другіе, пошедшіе по его стопамъ протестантскіе пророки и апостолы. «Кто пораздумаетъ какъ слѣдуетъ о грозной власти чорта», восклицалъ одинъ изъ нихъ, «тотъ не станетъ говорить вмѣстѣ съ міромъ: не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Нѣтъ, онъ тогда воскликнетъ со мною вмѣстѣ, что чортъ, князь тьмы, чернѣе и страшнѣе всего, что только можно изобразить». И протестантское церковное перо неутомимо рисовало передъ глазами вѣрныхъ весь міръ, какъ царство дьявола или, вѣрнѣе, іерархіи дьяволовъ. Всѣ нравственныя поученія въ новой церкви принимаютъ демоническую окраску. Всякій порокъ воплощается въ фигурѣ особаго дьявола. Такъ возникаютъ проповѣди и трактаты подъ заглавіемъ: *Saufteufel*, *Tanzteufel*, *Hurenteufel*, *Fluchteufel*, *Nosenteufel* и т. д., и т. д. Богатое собраніе такихъ трактатовъ было издано въ 1569 году подъ характернымъ заглавіемъ: *Theatrum Diabolorum*. Въ немъ содержалось 20 такихъ «чертей», число которыхъ къ третьему изданію «Театра» успѣло возрасти до 34. Вводный трактатъ носилъ заглавіе *Der Teufel Selbst* и разбиралъ всѣ общіе вопросы демонологіи, которымъ давались грубо суевѣрныя рѣшенія. Книга эта, гласила введеніе, «полезна не только простымъ христіанамъ, но и ученымъ людямъ, какъ пасторы, капелланы и другіе настоятели церквей, а также, можно прибавить, и для ученыхъ юристовъ и медиковъ. Ибо она на множествѣ примѣровъ показываетъ, какъ чортъ посягаетъ не только на человѣческую душу, но и на тѣло, и на имущество». Различныя черти расположены тутъ «насколько возможно въ порядкѣ десяти Божіихъ заповѣдей», и такимъ образомъ книга эта съ ея ученіями и наставленіями образуетъ «немаловажную часть нашего христіанскаго катехизиса». «И все это украшено множествомъ разныхъ любопытныхъ исторій, изреченій, поговорокъ, стиховъ и притчъ, такъ что даже свѣтскіе люди, которымъ св. Писаніе и творенія учителей церкви скоро надоѣдаютъ, прочтутъ это легко и съ удовольствіемъ».

На очень видномъ мѣстѣ въ этомъ «Театрѣ» фигурируетъ *Zauber-teufel* пастора Милихія. «Нѣкоторые не въ мѣру умничающіе проповѣдники», писалъ тамъ авторъ,—«утверждаютъ, что не слѣдуетъ много

проповѣдовать о волшебствѣ, такъ какъ это ни къ чему: не всякій знаетъ, есть ли волшебство и въ чемъ оно заключается; а говоря о немъ много, пожалуй, натолкнешь на болѣе съ нимъ близкое знакомство и на занятія имъ. На это въ отвѣтъ я говорю, что по многимъ и многимъ мѣстностямъ это необходимо. Тамъ проповѣдникъ долженъ прилежно толковать народу о колдовствѣ во всѣхъ его видахъ и формахъ, чтобы люди, которые этого не знаютъ, поняли, что за вещь колдовство, какъ оно разнообразно и какой это грѣхъ передъ Господомъ». Милихій давалъ при этомъ распisanie, по какимъ воскресеньямъ о чемъ надо проповѣдовать: когда о черноокнижцахъ, когда о заклинателяхъ, когда о вѣдмахъ, которыхъ онъ изображалъ со всѣми классическими ихъ атрибутами. И возванія ревнителей, подобныхъ Милихию, не оставались тщетны. Отъ конца XVI и отъ XVII вѣка до насъ дошелъ цѣлый рядъ *Hexenpredigten*, которыя ихъ авторы сочли достойными увѣковѣченія въ печати. Всѣ онѣ дышатъ несказаннымъ суевѣрiемъ и жестокостью. Всѣ онѣ взываютъ къ судамъ, требуя безопаснаго гоненія на вѣдмъ и угрожая за нерадивость небеснымъ проклятиемъ. И оба главныхъ протестантскихъ толка — лютеранскій и кальвинистскій — соперничаютъ при этомъ въ подобной ревности о вѣрѣ. Одинъ изъ самыхъ безжалостныхъ подстрекателей къ травлѣ на вѣдмъ былъ славный кальвинистскій теологъ XVI вѣка Ламбертъ Даней. Если власти не будутъ всѣми мѣрами искоренять вѣдмъ, говорилъ онъ, то вѣдмы сами истребятъ всѣхъ христіанъ. «Въ нѣкоторыхъ странахъ онѣ уже стали такъ дерзки и заносчивы, что отъ нихъ можно открыто слышать: намъ бы найти только какого-нибудь знатнаго и знаменитаго человѣка въ полководцы, такъ мы при нашей многочисленности могли бы пойти въ походъ на очень могущественнаго короля и побѣдить его своимъ искусствомъ». Что-жъ удивительнаго — такъ заключаютъ католическіе историки свой обвинительный актъ — что къ исходу XVI вѣка народъ былъ окончательно запуганъ и сбитъ съ толку. Что-жъ удивительнаго, что ему всюду теперъ мерещились привидѣнія, черти и колдуны? «Кто же у насъ не видывалъ и не слыхивалъ всякаго рода привидѣній, ихъ стоновъ и воя, шороха, стука бросаемыхъ ими предметовъ, хлопанья крышками гробовъ, разверзанія могилъ и тому подобныхъ вещей? И развѣ не видимъ мы ежедневно многихъ видѣній въ воздухѣ, на землѣ и на водѣ, когда предстоитъ кому-нибудь утонуть или вообще потерпѣть несчастіе?». Такъ восклицалъ въ 1591 г. Иоаннъ Мюнстерскій. Таково было и поведеніе народа. «До чего мы дошли?» — писалъ въ 1602 году Преторій. «Стоитъ у насъ приключиться какой-нибудь бѣдѣ съ человѣкомъ или со скотиной, сейчасъ

кто-нибудь восклицаетъ: Нѣтъ, это не спроста. Тогда одинъ начинаетъ думать на того, другой на другого. Сначала объ этомъ шепчутся потихоньку, потомъ кричатъ и громко: Такой-то или такой-то это сдѣлалъ. Такъ бѣда солится бѣдой и горе громоздится на горе!» Такъ и пришло дѣло къ тому, что возможность обвиненія въ колдовствѣ стала висѣть надъ головою каждаго, какъ Дамокловъ мечъ. Такъ и образовалось положеніе, при которомъ «честный человѣкъ съ добрымъ именемъ дѣйствительно могъ гораздо безопаснѣе, безмятежнѣе и спокойнѣе жить среди турокъ и татаръ, нежели среди нѣмецкихъ христіанъ» (Мейфартъ).

Протестантскіе историки, говоритъ Дифенбахъ, подводя итоги спору, желаютъ возложить отвѣтственность за все это на Иннокентія VIII и *Malleus Maleficarum*. Нѣтъ, если уже искать тутъ личность, которая всего болѣе виновна, то личность эта Лютеръ. И если искать книгу, которая больше всего содѣйствовала распространенію такого бреда, то книга эта—Малый Лютеровъ катехизисъ. Какъ ни прискорбно было появленіе *Malleus*, но оно не было особенно опасно, такъ какъ это была книга для немногихъ. Напротивъ, катехизисъ съ дѣтства вдалбливался въ голову всякому протестанту, приучая его вѣчно бояться козней сатанинской силы и превращая для него ученіе о колдовствѣ въ догматъ вѣры. А проповѣдь церковная и популярная протестантская литература довершали дѣло. И какой рѣзкій контрастъ съ протестантскимъ раздуваніемъ страха передъ чортомъ представляетъ народно-воспитательная политика римской церкви. Какъ мало и какъ осторожно говорить о дьяволѣ и о волшебствѣ Канзиевъ катихизисъ. Какъ рѣдки католическія проповѣди, гдѣ поминалось бы о вѣдмахъ. Что же касается такъ называемой протестантской *Teufelliteratur*, то она по достоинству была оцѣнена современнымъ ей католическимъ духовенствомъ. Его совѣты побудили, на примѣръ, Альбрехта V Баварскаго безусловно запретить въ своей странѣ книжки, гдѣ въ заглавіи фигурируетъ чортъ, причемъ герцогъ далъ этому и слѣдующую справедливую мотивировку: «Хотя повидимому такія книжки и преслѣдуютъ цѣль обузданія пороковъ, но въ сущности онѣ способствуютъ лишь укрѣпленію царства того, чьимъ именемъ онѣ надписаны». Если же, несмотря на подобную разумную политику римской церкви, инныя изъ католическихъ территорій Германіи устраивали въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вв. не менѣе злыя гоненія, чѣмъ протестантскія страны, то объясненіе этому налицо. У насъ есть цѣлый рядъ свидѣтельствъ, что въ это время и католическія страны до мозга костей поражены были тайною протестантской пропагандой и совершенно ускользали изъ-подъ духовнаго руководства оставшихся

вѣрными Риму пастырей. Такое же объясненіе подходит и къ католической Франціи, гдѣ стихнувшіе было процессы вѣдьм вспыхнули съ новой силой въ эпоху религіозныхъ войнъ, когда Францію разѣдалъ ядъ гугенотскихъ ученій. Извѣстно, какъ de Bèze, этотъ кальвинистскій Меланхтонъ, громилъ французскіе парламенты за слабость, которую они проявляютъ въ преслѣдованіи вѣдьмъ.

Во всемъ этомъ не мало правды, но еще больше партійнаго искаженія истины. Факты заслуживаютъ здѣсь полнаго вниманія, но въ приведенной исторической конструкціи они, если можно такъ выразиться, поставлены по большей части вверхъ ногами.

Коснемся сначала вопроса о гуманизмѣ и о его вліяніи на ростъ суевѣрія въ XVI столѣтіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что среди первыхъ представителей свѣтскаго образованія, такъ называемыхъ гуманистовъ, много выдающихся людей платили жестокою дань самымъ различнымъ видамъ суевѣрія. Буркхардтъ въ своей извѣстной книгѣ «Культура Возрожденія» приводитъ множество характерныхъ примѣровъ относительно итальянскихъ гуманистовъ. Ихъ можно привести пѣлыя сотни и относительно гуманистовъ въ другихъ странахъ. Мы видѣли уже, что взгляды Шпренгера и Инститора на реальность вѣдовства нашли себѣ убѣжденныхъ сторонниковъ въ лицѣ такихъ дѣятелей гуманизма, какъ Пико де ла Мирандола и какъ Генрихъ Бебель. Діалогъ Пико, посвященный этому вопросу, былъ встрѣченъ въ кругу его пріятелей съ большимъ интересомъ и удостоился похвалъ. «Пико доказалъ намъ истину того, что большинство привыкло почитать за глупость и за бабьи сказки», и здѣсь намъ нечему удивляться. Гуманизмъ на мѣсто изученія Св. Писанія, отцовъ церкви и схоластическаго комментарія на нихъ поставилъ изученіе древней литературы. Но если античная литература нисколько не помѣшала самому обществу, которое ее создало, покончить жизнь въ оковахъ суевѣрія, то почему бы «возрожденіе древности» должно было немедленно освободить отъ этихъ оковъ человѣческую душу? И католическій ученый демонизмъ своими корнями уходилъ въ античную философію эпохи паденія имперіи. Гуманисты съ умственнымъ складомъ Пико только черпали изъ первоисточника то же, что Шпренгеръ съ Инститоромъ брали изъ вторыхъ рукъ. Ихъ суевѣріе и было особенно опасно потому, что оно подновляло и оживляло богатый его запасъ, сохраненный церковью. Но въ гуманизмѣ шли и другія теченія. Какъ выдающиеся умы древности въ разные ея періоды по-разному смотрѣли на область сверхъестественнаго, такъ различались въ отношеніи къ нему и поклонники древности, гуманисты. За Пико мы не должны забывать Эразма, который по поводу договора съ дьяволомъ, какъ

основы колдовства, не обвиняясь заявлялъ — по крайней мѣрѣ въ частной перепискѣ, — что это чистѣйшая выдумка монаховъ. И точно такъ же авторы *Epistolae obscurorum virorum*, какъ можно судить по ихъ тону, вопреки трудамъ Пико спокойно продолжали относить вѣдьмъ къ бабьимъ сказкамъ. Общимъ принципомъ гуманистовъ было *sapere audete*, и тотъ же Буркхардтъ показываетъ намъ, съ какимъ успѣхомъ, слѣдуя этому принципу, умъ человѣческой, несмотря на частныя грубыя ошибки, сталъ было высвобождаться изъ сѣти античной и средневѣковой демономаніи, когда религиозное движеніе XVI вѣка безвременно пресѣкло свободную гуманистическую работу, потребовавши снова несомвѣстимой съ нею тяжелой жертвы — *sacrificium intellecti*.

Иное дѣло реформація. Ея вліянія на ревность, съ которою Европа въ концѣ XVI вѣка стала заниматься преслѣдованіемъ вѣдьмъ, ни одинъ безпристрастный историкъ не станетъ отрицать. Но объясненіе этого факта лежитъ не тамъ, куда указываютъ Янсень и Дифенбахъ. Реформація дѣйствовала здѣсь не тѣмъ, въ чемъ она разошлась съ католицизмомъ, а тѣмъ, въ чемъ она оставалась ему вѣрна. И если вѣдьмъ въ концѣ XVI столѣтія погибало несравненно больше, чѣмъ вѣкомъ раньше, то виновато въ этомъ было не ослабленіе, а усиленіе церковно-школьной опеки надъ общественною жизнью.

Дѣйствительно, первый періодъ реформаціи, когда она шла еще рука объ руку съ гуманизмомъ, когда она вмѣстѣ съ нимъ провозглашала *sapere audete*, когда она громила богословскіе факультеты съ ихъ раціональной теологіей, какъ «ослиные заводы и чортовы училища», и требовала освобожденія религіи отъ всякихъ «людскихъ вымысловъ», этотъ періодъ сопровождался отнюдь не обостреніемъ страха передъ вѣдьмами и колдовствомъ. Напротивъ, какъ мы замѣтили, бредъ вѣдьмами въ эту пору видимо стихаетъ. Не случайно въ томъ же 1520 году, когда Лютеръ устроилъ знаменитое аутодафе папской буллы, изданія Молота Вѣдьмъ прерываются на цѣлыя полстолѣтія. Тамъ, гдѣ осталось неприкосновенной папская инквизиція, она, положимъ, свирѣпствовала и въ это время. Но въ странахъ, какъ Германія и Франція, которыя въ эту эпоху навсегда отказываются отъ услугъ *Sancti Officii*, нормальные суды не проявляли большой охоты принимать отъ инквизиціи такое наслѣдство, какъ процессы вѣдьмъ. Бредъ вѣдьмами всегда легко вспыхивалъ въ робкихъ или одаренныхъ особо впечатлительной фантазіей натурахъ. Но къ чести новыхъ европейскихъ обществъ — и вообще къ чести человѣческой природы — надо признать, что во всѣ періоды процессовъ вѣдьмъ не мало находилось людей, которые упорно отка-

зывались вѣрить въ реальность вѣдовства. Мы видѣли, что открытіе инквизиторами вѣдовской секты было встрѣчено въ широкихъ кругахъ общества сомнѣніемъ и ропотомъ. «Ахъ, пусть все зло, которое ты накликаешь, падетъ на собственную твою сѣдую голову», этотъ невольный крикъ, который вырвался у одной женщины изъ простоародья во время проповѣди Инститора о вѣдмахъ, очень характеренъ. Не даромъ Шпренгеру съ Инститоромъ пришлось просить у папы особой буллы, чтобы освободиться отъ помѣхъ со стороны людей, «не въ мѣру высоко ставящихъ свое разумѣніе». И первый періодъ реформации былъ золотымъ временемъ для такого рода людей, противопоставлявшихъ личное свое разумѣніе авторитету церковной школы. Пусть Лютеръ самъ былъ до мозга костей зараженъ тѣмъ суевѣріемъ, главными носителями котораго являлись его бывшіе собратья, нищенствующіе монахи. Но въ молодомъ протестантизмѣ вопросъ о колдовствѣ и вѣдмахъ нисколько еще не являлся «дѣломъ вѣры». Папскія буллы мѣшали Эразму открыто заявлять, что онъ считаетъ договоръ съ сатаной простою выдумкой монаховъ-инквизиторовъ. Но никакой авторитетъ не мѣшалъ горячему поклоннику «виттенбергскаго соловья» Гансу Саксу въ 30-хъ годахъ XVI вѣка пѣть самому:

Des Teufels Ehe und Reutterey
Ist nur Gespenst und Fantasey ¹⁾.

Какъ поступаете вы въ подобныхъ случаяхъ? запрашивала въ 1531 г. Ульмская дума Нюренбергскую по поводу одной колдуньи. «Мы, — отвѣчала Нюренбергская дума, — никогда не считали колдованья за что-нибудь серьезное и всегда находили, что въ немъ ничего настоящаго нѣтъ... Поэтому подобныхъ лицъ мы только попросту отъ себя выгоняли». И въ то время, когда на богословскихъ факультетахъ въ Германіи оказывалось больше профессоровъ, нежели охотниковъ ихъ слушать, и когда — по словамъ легата Алеандра — девять десятыхъ Германіи кричали «Лютеръ», а послѣдняя десятая «смерть римской куріи», такіе взгляды могли высказываться городскими думами совершенно безопасно. Да и по другимъ странамъ Европы католическому духовенству приходилось тоже бороться съ ересями, сравнительно съ которыми столь страшная въ глазахъ Шпренгера «ересь невѣрія въ вѣдмъ» отступала далеко на задній планъ. Процессы вѣдмъ и въ эту пору совсѣмъ не прекратились. Вѣра въ вѣдмъ съ половины XIV вѣка трудами инквизиторовъ слишкомъ широко уже успѣла распространиться, и въ томъ же самомъ 1531 году, къ которому относится приведенная нами переписка двухъ нѣ-

¹⁾ Бракъ съ бѣсомъ и полеты съ нимъ не больше, какъ фантазія и призракъ.

мецких думъ, съѣздъ представителей швейцарскихъ кантоновъ въ Баденѣ ужасается, какъ это «по всей странѣ оказывается столько колдуній и вѣдьмъ, что и сказать нельзя». И все же безъ давленія со стороны людей науки, со стороны высшей школы и прикрывавшей ее своимъ авторитетомъ церкви люди житейскаго здраваго смысла способны были сдерживать такое суевѣріе въ узкихъ сравнительно границахъ.

Но, какъ извѣстно, результаты реформаціоннаго движенія — по крайней мѣрѣ ближайшіе его результаты — были совсѣмъ не тѣ, о которыхъ мечтали многіе въ его началѣ. вмѣсто единой обновленной церкви безъ папы и епископовъ, гдѣ каждый вѣрующій долженъ былъ являться самъ священникомъ, не признающимъ другого авторитета, кромѣ яснаго, какъ солнце, Слова Божія, Европа оказалась раздѣленной на нѣсколько церквей, при чемъ каждая изъ новыхъ гораздо больше походила на старую средневѣковую церковь, отъ которой она откололась, нежели на предносившійся раннему протестантизму идеаль религіознаго общежитія. Силой вещей свобода вѣры, являвшаяся лозунгомъ протестантизма въ его боевое время, превратилась въ пустое слово. Новыя церкви учатъ, что человѣкъ спасается не тѣмъ путемъ, который указываетъ католическая церковь. Но ихъ ученіе носить при этомъ такой же догматическій и нетерпимый характеръ, какъ и ученіе католической церкви. Каждая изъ нихъ провозглашаетъ себя новымъ ковчегомъ, внѣ коего нѣтъ душъ человѣческой спасенія. Тѣ же остались у нихъ и приемы созиданія подобнаго догматическаго ковчега. Протестантизмъ началъ съ войны противъ схоластики. Протестантизмъ кончилъ созданіемъ нео-схоластики, мало чѣмъ разнившейся отъ классической схоластики и заводившей умъ человѣческій въ такія же дебри. Новая протестантская теологія такъ же покоится на благочестивомъ союзѣ *auctoritas* и *ratio*, какъ и средневѣковое школьное богословіе. Правда, кругъ Откровенныхъ истинъ ею проводится уже, чѣмъ проводился онъ въ средневѣковой схоластикѣ. Протестантизмъ отвергъ авторитетъ церковнаго преданія, равно какъ притязанія папской церкви на боговдохновенность ея догматическихъ постановленій. Зато тѣмъ непреклоннѣе стоялъ онъ на обязательности для каждаго вѣрующаго человѣка преклонять свой разумъ предъ каждымъ словомъ, которое находится въ подлинникѣ Св. Писанія. Сдѣлавъ себѣ изъ Св. Писанія, «какъ оно было продиктовано Духомъ Святымъ», главный оплотъ противъ католицизма, протестантская университетская теологія гораздо ревностнѣе охраняла Библію отъ всякаго прикосновенія къ ней критики, чѣмъ современные ей католическіе экзегеты, стремившіеся доказать, что Библіей нельзя довольствоваться въ

виду ея недостаточности въ дѣлѣ церковнаго ученія и затруднительности для правильнаго пониманія. Когда въ началѣ XVII столѣтія въ одной Гамбургской школѣ ректоръ допустилъ диспутъ на тему *an Novum Testamentum barbarismis scateat* ¹⁾, то мѣстные духовныя власти послали по этому поводу запросъ въ Ниттенбергскій теологическій факультетъ, и факультетъ отвѣтилъ: «Говорить о томъ, что въ рѣчахъ и посланіяхъ Св. Апостоловъ могутъ находиться *solocismi*, *barbarismi* и нечистый греческій языкъ, значитъ задѣвать Духа Святаго, глаголавшаго и писавшаго черезъ нихъ, и кто упрекаетъ Св. Писаніе въ какихъ-нибудь *barbarismi*, какъ мы теперь опредѣляемъ слово *barbarismus*, тотъ оказывается повиненъ въ немаломъ богохульствѣ». Необходимость «диспутировать съ папистами», необходимость опровергать ихъ *rationes*, необходимость противопоставить ихъ законченному міросозерцанію такую же законченную систему скоро возстановила во всѣхъ правахъ среди протестантскихъ теологовъ и проклятую было Лютеромъ языческую философію. И въ протестантскихъ университетахъ XVI и XVII вв. будущіе ученые толкователи Слова Божія готовились къ своему призванію на томъ же Аристотелѣ. Правда, теперь изъ «философіи» строже, чѣмъ когда-либо, устраняется все, что въ ней оказывалось несогласнаго со Словомъ Божиимъ. Уставъ перваго изъ вновь основанныхъ протестантскихъ университетовъ—Марбургскаго—прямо гласилъ, что всѣ предметы, теологія, юриспруденція, медицина и «свободныя науки», должны преподаваться *adhibito in omnibus, praesertim in mathematicis censore tutissimo, nempe verbo Dei* ²⁾. «Проклять будь всякій, кто станетъ въ чемъ-нибудь учить несогласно съ Библіей». И этой цензурѣ самъ Меланхтонъ строго подвергъ всѣ свои университетскіе учебники, на которыхъ воспитывался въ Германіи цѣлый рядъ студенческихъ поколѣній. Говоря, напримѣръ, объ анатоміи, Меланхтонъ не забываетъ указать, что при сотвореніи у Адама должно было быть 13 реберъ, тогда какъ у мужчинъ и у женщинъ сейчасъ ихъ оказывается одинаково по 12. Онъ опредѣляетъ и мѣсто, гдѣ должно было находиться исчезнувшее ребро. Упомянувъ, что нѣкоторые изъ греческихъ философовъ признавали множественность міровъ, Меланхтонъ съ горячностью заявляетъ, что *ab his portentosis opinionibus abhorrege auribus atque animis sana ingenia decet* ³⁾. Помимо того, что разумъ не позволяетъ намъ представить нѣсколько міровыхъ си-

1) Не грѣшить-ли языкъ Новаго завѣта варваризмами.

2) Съ приложеніемъ ко всему, а напаче къ математическимъ наукамъ, надежнейшей цензуры, а именно цензуры Слова Божія.

3) Отъ столь чудовищныхъ взглядовъ всѣ здравомыслящіе люди должны отвращаться и слухомъ и душой.

стемъ (что же между ними? пустота?), такая гипотеза противорѣчитъ Библии. Въ Библии прямо сказано, что, сотворивъ нашъ міръ, Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, т.-е. никакихъ міровъ болѣе не творилъ. «Къ этому же аргументу о единствѣ міра слѣдуетъ присоединить еще слѣдующее очень крѣпкое подтвержденіе. Одинъ сынъ Божій, Господь нашъ Иисусъ Христосъ и Онъ, придя въ міръ, только однажды умеръ и воскресъ. И нигдѣ больше Онъ себя не являлъ, и нигдѣ больше Онъ не умиралъ и не воскресалъ. Итакъ, непозволительно воображать, будто Христосъ неоднократно умиралъ и воскресалъ, и нельзя думать, будто въ какомъ-нибудь иномъ мірѣ люди сподобиваются вѣчной жизни безъ познанія Сына Божія» (*Initia doctrinae physicae. Cogn. Ref., XIII*). Само собою разумѣется, что и Коперникова система оказывается для Меланхтона неприемлемой. Онъ излагалъ въ своей физикѣ освященную вѣками систему Птолемея, которая не противорѣчила, какъ Коперникова система, буквальному толкованію повелѣнія Иисуса Навина: Стой солнце и остановись луна. Всѣ знаютъ, какъ инквизиція заставляла отречься Галилея. Но совершенно напрасно думать, что протестантскіе университеты въ этомъ отношеніи были менѣе строги, чѣмъ инквизиція. Для Кеплеровыхъ теорій ихъ двери тоже были наглухо закрыты ¹⁾. Но, выправивъ тщательно Аристотеля по Библии, протестантская школа опять признала его въ такомъ очищенномъ видѣ непререкаемымъ авторитетомъ. Въ 1569 году курфирстъ Пфальцскій вздумалъ было пригласить знаменитаго Рамуса, вынужденнаго бѣжать изъ Франціи, профессоромъ философіи въ свой Гейдельбергскій университетъ. Университетъ запротестовалъ. Рамусъ—такъ гласило представленіе профессоровъ курфирсту—учить философіи совсѣмъ по особенному. «А между тѣмъ университетъ нашъ, какъ и другія академіи въ Германіи и во всей Европѣ, искони слѣдовалъ аристотелевой философіи, которая испытана опытомъ 2000 лѣтъ и всегда почиталась, да и нынѣ почитается за превосходнѣйшую. Согласно съ этимъ и при курфиршеской реформѣ университета (при переходѣ Пфальца въ протестантизмъ) было постановлено, чтобы мы твердо и неизмѣнно держались этой философіи; согласно съ этимъ и наши магистры и бакалавры при полученіи степени даютъ обязательство

¹⁾ Даже въ концѣ XVII вѣка правовѣрные протестанты отрещивались отъ Картезианской философіи между прочимъ и по слѣдующей причинѣ. Декартъ, говорили они, виновенъ въ томъ, „что онъ причисляетъ землю къ звѣздамъ, а солнце, искони почитавшееся планетой, объявляетъ неподвижною звѣздой, что онъ обращаетъ луну въ родъ земли, приисывая ей горы и долины, и что онъ, наконецъ, движеніе, которое столько тысячъ лѣтъ принадлежало солнцу, передаетъ землѣ“. (*Mastricht, Novitatum Cartesianarum gangraena. 1675.*)

слѣдовать ученіямъ Аристотеля и распространять ихъ по мѣрѣ силъ». Какъ мы отсюда видимъ, конецъ XVI столѣтія въ исторіи университетскаго образованія приходится относить еще къ среднимъ вѣкамъ. Оставшись на тѣхъ же основныхъ устояхъ, высшая протестантская школа вырабатывала естественно и тотъ же умственный типъ, какъ ея средневѣковая предшественница. Въ школьныхъ свѣтилахъ того времени насъ поражаетъ то же соединеніе полной готовности преклонять свой разумъ предъ каждымъ словомъ, гдѣ они видятъ Откровеніе, и безграничной увѣренности въ силѣ этого презрѣннаго разума, когда дѣло идетъ о дедуктивныхъ выводахъ изъ освященныхъ авторитетомъ данныхъ. *Philosophandum est, sed ne quid nimis, philosophandum est, sed non solum, philosophandum est, sed recte, philosophandum est, sed sobrie et submisse* ¹⁾—такъ говорятъ руководители школы, когда рѣчь заходитъ о взаимномъ отношеніи философіи и богословія. Для нихъ философія является попрежнему только «служанкой теологіи». Но тонъ ихъ становится совсѣмъ другимъ, когда имъ приходится пользоваться «діалектикой» въ интересахъ того, что каждый изъ нихъ считаетъ истинной религіей, истинной теологіей. Чисто діалектическое препирательство по вопросу, входятъ ли первородный грѣхъ въ «субстанцію» человѣческой природы или является ея «акциденціей», способно было такъ разгорячать тогда людей, что они осыпали другъ друга не только проклятіями, но и побоями. Въ графствѣ Мансфельдскомъ, рассказываетъ по этому поводу одинъ изъ современниковъ, многочисленные диспуты, устроенные правительствомъ, чтобы согласить поссорившихся изъ-за этого вопроса теологовъ, привели лишь къ тому, что распря захватила все населеніе. Повсюду люди другъ друга спрашивали: *Bistu een Occidenter oder Substansioner?* и затѣмъ: *fiengen sie nicht nur an mit einander zu disputieren, sondern schlugen oftmahls sich auf das Grausameste*. И если мы внимательно посмотримъ, въ чемъ заключалось то нечестіе, за которое католики, лютеране и кальвинисты такъ усердно объявляли тогда другъ друга исчадіями ада, то мы увидимъ, что главную роль играла при этомъ не критика дѣйствительнаго пониманія религіи противной стороной, а критика тѣхъ дедуктивныхъ выводовъ, которые каждая изъ религіозныхъ партій сама дѣлала изъ положеній противной стороны. Лютеранская церковь признавала тяжкимъ грѣхомъ мысль, будто душа хотя бы самаго добродѣтельнаго кальвиниста способна обрѣсти вѣчное спасеніе. Для

¹⁾ Надобно философствовать, но не слишкомъ, надобно философствовать, но не только, надобно философствовать, но правильно, надобно философствовать, но скромно и покорно.

нея всякій кальвинистъ былъ хуже язычника, такъ какъ онъ былъ повиненъ въ богохульствѣ, въ грѣхѣ противъ Духа Святаго. Богохульство же кальвинистовъ заключалось для лютеранскаго теолога главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что Божество у кальвинистовъ оказывалось злымъ. Правда, кальвинисты сами утверждали, что они ничему подобному не учатъ. Но развѣ это не является яснымъ выводомъ изъ кальвинистскаго ученія о предопредѣленіи грѣшниковъ къ вѣчнымъ мукамъ? И когда свѣтскіе государи, имѣвшіе несчастье управлять подданными разныхъ религіозныхъ толковъ, начали требовать, чтобы пасторы на церковныхъ каедрѣхъ «воздерживались взаимно отъ всякихъ оскорбительныхъ кличекъ и не приписывали другой сторонѣ никакихъ несообразныхъ и безбожныхъ утверждений, которыхъ та сама не признаетъ и которыя только получаютъ путемъ вывода изъ ея ученій», то многими теологами это объявлено было цесноснымъ посягательствомъ на свободу совѣсти и вещью несомвѣстимой съ честнымъ исполненіемъ пастырскаго долга. «Большую цѣну надо придавать своимъ гипотезамъ, чтобы изъ-за нихъ рѣшиться сжечь человѣка живымъ» — такъ формулировалъ Монтэнъ свое отношеніе къ церковному ученію о вѣдовствѣ. Но это замѣчаніе Монтэна приложимо не только къ данному частному случаю. Никогда школьная наука не была такъ нетерпима и заносчива, какъ въ его время. Никогда она не требовала съ такой надменностью, чтобы предъ ея дедукціями преклонялось все — не только простой здравый смыслъ или житейская эмпирія, но даже математическое доказательство. Никогда въ университетахъ не бушевала такъ *rabies theologica*, никогда не было въ нихъ столько людей, которые во имя своихъ гипотезъ готовы были бросать живыхъ людей въ огонь, при чемъ ихъ извиненіемъ служить лишь то, что нерѣдко они и сами готовы были за свои гипотезы становиться на костеръ. Все это, правда, было прямымъ наслѣдствомъ среднихъ вѣковъ. Но все это подъ влияніемъ религіознаго раскола неслыханно обострилось.

Но главное отличіе эпохи реформаціи отъ среднихъ вѣковъ состоитъ въ томъ, что теперь эта школьная «софистика» получила иное значеніе для общественной жизни, нежели прежде. Извѣстно, въ чемъ заключалось одно изъ главныхъ обвиненій протестантизма противъ римской церкви. Римъ, говорили протестанты, съ своимъ ученіемъ объ *opus operatum* превратилъ христіанскаго пастыря душъ въ жреца, посредствующаго между небомъ и землей, и совершенно позабылъ, что главная обязанность духовенства въ христіанской церкви должна заключаться въ преподаваніи народу истинъ вѣры. Если римская церковь на каедрѣхъ или въ исповѣдальнѣхъ о чемъ-нибудь бесѣдовала съ народомъ, то исключительно

о богоугодныхъ дѣлахъ и богоугодномъ поведеніи, оставляя его въ полномъ невѣдѣніи касательно догматовъ вѣры. Народы, управлявшіеся Римомъ, по имени считались христіанскими, но въ сущности оставались крещеными язычниками, такъ какъ нельзя быть христіаниномъ, не зная, во что надлежитъ вѣровать христіанину. И въ обвиненіяхъ этихъ было не мало справедливаго. Римская церковь въ принципѣ никогда, правда, не отрицала, что знаніе истинъ, сообщенныхъ въ Откровеніи, является необходимымъ условіемъ вѣчнаго спасенія, и всегда смотрѣла на себя, какъ на наставницу народовъ. Но, просуществовавъ долгіе вѣка въ знакомыхъ намъ условіяхъ, когда дѣйствительное усвоеніе вѣрующими христіанскаго міросозерцанія являлось полной невозможностью, она и позже, въ болѣе счастливыя времена, была весьма наклонна руководиться въ своихъ поступкахъ теоріей, которую можно бы назвать теоріей спасенія черезъ представительство. Съ эпохи расцвѣта схоластической науки у римской церкви было двѣ очень различныхъ вѣры—ученая и простенькая, обиходная, взаимное отношеніе которыхъ рельефно представляетъ тотъ же Персонъ въ извѣстномъ намъ трактатѣ «De erroribus circa artem magicam». Иные говорятъ, пишетъ онъ тамъ, что церковь сама допускаетъ своего рода магію. Чѣмъ отличаются, въ самомъ дѣлѣ, отъ этого такія вещи, какъ хожденія на богомолья, почитаніе иконъ, святая вода и свѣчи или экзорцизмы? «Признаюсь, невозможно отрицать, что среди простыхъ христіанъ много ввелось обычаевъ подъ видомъ религіи, отказъ отъ которыхъ былъ бы болѣе согласенъ съ истинной святостью. Но церковь это допускаетъ, во-первыхъ, потому, что этого окончательно все равно не искоренишь, а затѣмъ потому, что неразумная по временамъ вѣра простыхъ людей признаетъ своей нормой вѣру старшихъ членовъ церкви, которою она и исправляется, и очищается, и оздоравливается. Этою вѣрою простые люди все же руководятся въ указанныхъ дѣяніяхъ по крайней мѣрѣ по общему намѣренію—конечно, если они мыслятъ благочестиво и покорно, т.-е. по-христіански, и если они проявляютъ полную готовность подчиняться указываемымъ имъ истинамъ... Но тотъ упрекъ, который дѣлается необразованной толпѣ, нисколько не относится къ сонму теологовъ и ученыхъ мужей». И средневѣковая церковь отнюдь не торопилась уничтоженіемъ этого различія между вѣрой простыхъ людей и вѣрой сонма теологовъ. Ея взглядъ на значеніе рациональной теологіи въ церковной жизни рельефнѣе всего проявляется въ планѣ, который одно время серьезно обсуждался въ Римѣ—уничтожить во имя обезпеченія единства вѣры всѣ богословскіе факультеты, кромѣ парижскаго. Согласно этому и отъ своихъ па-

стырей душъ римская церковь не находила нужнымъ требовать специальной богословской подготовки. Даже въ концѣ среднихъ вѣковъ люди, прошедшіе курсъ богословскаго факультета, являлись среди членовъ католическаго духовенства рѣдкимъ исключеніемъ. Университетское образованіе массы священниковъ не плодале кратковременнаго пребыванія на «артистическомъ» факультетѣ. Множество же ихъ никогда и не переступало за порогъ университетской аудиторіи. «Церковныя визитаціи», которыя производились въ эпоху реформаціи новыми протестантскими и старыми католическими властями, съ полною ясностью показываютъ намъ, что и въ XVI столѣтіи епископы давали часто свое рукоположеніе такимъ же «пастырямъ душъ», съ какими мы познакомились въ раннее средневѣковье. Знаніе литургическаго языка, знакомство съ ритуаломъ, требникъ, исповѣдальная книга, — и католическій священникъ былъ готовъ. Замѣтимъ здѣсь, что Лютеръ сѣлъ писать свой Большой и Малый катехизисъ послѣ произведенной имъ въ Саксоніи церковной визитаціи подъ впечатлѣніемъ того, что представляли собою саксонскіе деревенскіе священники. То, что впоследствии стало необходимой принадлежностью всякой элементарной школы, явилось въ свѣтъ, какъ курсъ христіанскаго богословія для сельскаго духовенства.

Все это было измѣнено торжествомъ протестантизма. Дѣленіе церкви на «старшихъ» и на духовныхъ малолѣтокъ, спасающихся по вѣрѣ «старшихъ», теорія объективной силы таинствъ, придававшая іерархіи жреческій характеръ, ученіе о роли добрыхъ дѣлъ въ спасеніи душевномъ — все это было объявлено у протестантовъ горькимъ плодомъ многовѣковаго «вавилонскаго плѣненія церкви» Римомъ. Всѣ члены церкви равны передъ лицомъ неба; всякій истинный христіанинъ — священникъ передъ Богомъ; никто не можетъ найти душевнаго спасенія никакимъ инымъ путемъ, какъ черезъ благодать, ниспосылаемую по личной вѣрѣ, и наставленіе народа въ вѣрѣ одно дѣлаетъ «пастыря душъ» истиннымъ пастыремъ — таковы были новые протестантскіе принципы. На мѣсто католическаго sacerdos протестантизмъ во главѣ церковныхъ общинъ ставитъ «проповѣдника» (Praedicans, Prediger), вмѣняя ему въ обязанность говорить съ вѣрующими не по-католически только объ орегъ и погесъ, но раскрывать предъ ними христіанское ученіе во всей его догматической полнотѣ. Согласно съ этимъ возвышаются и требованія къ образовательной подготовкѣ членовъ духовнаго сословія. Первое время, правда, протестантизму въ этомъ отношеніи приходилось очень трудно. Въ странахъ, принявшихъ реформацію, часть католическихъ священниковъ не захотѣла мѣнять вѣру

и покинула свои приходы: другихъ новыя церковныя власти сами должны были устранить за круглое невѣжество и безпутство; между тѣмъ университеты по большей части находились въ запус-тѣннѣи, и такимъ образомъ среди перваго поколѣнія протестантскихъ пасторовъ значительное число взято было прямо изъ начетчи-ковъ - мѣрянъ, наскоро подготовленныхъ по догматическимъ вопро-самъ. Иныя же приходы долгое время и совсѣмъ оставались безъ всякаго призора. Но во второй половинѣ вѣка протестантскія страны успѣли справиться съ своей задачей. Никто не предста-вляется къ посвященію, не пройдя хоть элементарнаго курса на богословскомъ факультетѣ, и къ началу XVII вѣка предложеніе ученыхъ богослововъ во многихъ мѣстностяхъ уже превышаетъ церковный спросъ на нихъ. «Ученыхъ теперь столько, словно они сыплются съ неба, особенно studiosi theologiae. Всѣ университеты переполнены и все кишитъ магистрами и кандидатами». И новыя пасторы ревностно занимаются наставленіемъ народа въ вѣрѣ. Даже въ глухихъ сельскихъ приходахъ каждый пасторъ, кромѣ воскресной проповѣди долженъ былъ говорить еще хоть одну проповѣдь въ недѣлю. Въ большихъ же городахъ прихожанамъ предлагалось 9 про-повѣдей въ недѣлю — три въ воскресенье и по одной на каждый будній день.

Но вѣра «сонма теологовъ» становилась теперь всеобщимъ достояніемъ не только путемъ проповѣди. Мы раньше уже гово-рили про то, какой странный характеръ представляетъ на первый взглядъ школа ранняго средневѣковья. Она была церковной, она готовила почти что однихъ клириковъ, и въ то же время она почти что не учила богословію. Мы указали и на то, въ какой тѣсной связи стояло это съ характеромъ самой церкви въ ту эпоху, когда отъ истиннаго христіанства въ ней сохранялись почти что только одна обрядность и буква стараго церковнаго законодатель-ства. Но и въ дальнѣйшемъ развитіи средневѣковой школы такое противорѣчіе между церковной теоріей, гласившей, что всѣ науки имѣютъ цѣну лишь постольку, поскольку онѣ служатъ нуждамъ богословія, и между жизненной дѣйствительностью отнюдь не изгла-дилось. Та же начальная школа, какъ и при Карлѣ Великомъ, съ псалтыремъ, святцами, церковнымъ пѣніемъ, но безъ всякаго кате-хизиса; затѣмъ латинскіе авторы для упражненія въ латинскомъ языкѣ, послѣ того артистическій факультетъ, занятый изученіемъ греческой аристотелевой философіи, и, наконецъ, для малаго числа избранныхъ одинъ изъ «высшихъ факультетовъ», теологическій, юри-дическій или медицинскій — такова была лѣстница средневѣковаго образованія въ университетскую эпоху. «Рациональная теологія» при

этомъ признавалась безусловно царицей всѣхъ наукъ. Ея нуждами оправдывалось и то положеніе, которое успѣлъ занять въ системѣ средневѣковаго образованія Аристотель. Но до ея высоты поднимались лишь единицы; сама же она не снисходила на низшія ступени школы, и такимъ образомъ на практикѣ питомцы средневѣковыхъ университетовъ въ массѣ своей оказывались вскормленными на остаткахъ греческой философіи, а не на богословской наукѣ. Средневѣковый юристъ или медикъ твердо зналъ школьнаго Аристотеля; но о религіи онъ зналъ почти лишь то, что ему приходилось слышать въ церкви,—если онъ не пополнялъ потомъ самъ такого пробѣла въ образованіи путемъ самостоятельнаго чтенія. Да и множество священниковъ стояли къ «раціональной теологіи» въ такомъ же отношеніи. Не даромъ Шпренгеру съ Инстититоромъ приходилось такъ плакаться на невѣждъ-проповѣдниковъ, которые позволяли себѣ утверждать, будто никакихъ колдуній или вѣдьмъ на дѣлѣ нѣтъ, и не даромъ въ назначенный для священниковъ и для юристовъ Молотъ Вѣдьмъ они должны были переписывать длинные отрывки изъ схоластической «пневматологіи»: съ выводами Ѳомы Аквинскаго въ этой отрасли науки тогда среди общества мало кто былъ обстоятельно знакомъ. Къ концу же среднихъ вѣковъ, когда Аристотель былъ потѣсненъ въ университетахъ гуманизмомъ, это несоотвѣтствіе между теоріей образованія и тѣмъ, что университеты дѣйствительно давали большинству своихъ воспитанниковъ, сдѣлалось еще рѣзче. «Поди въ Римъ, обойди весь христіанскій міръ,— съ негодованіемъ восклицалъ Савонарола,— въ домахъ прелатовъ и владыкъ нѣтъ другого занятія, какъ поэзія и риторика. Поди же, посмотри: ты увидишь ихъ съ гуманистическими книжками въ рукахъ, какъ будто они могутъ при помощи Виргилія, Горация и Цицерона пасти души... Зачѣмъ вмѣсто всѣхъ этихъ книгъ не учать они одной книгѣ—книгѣ закона, книгѣ живота».

И реформація съ первыхъ же своихъ шаговъ обрушилась на такое несоотвѣтствіе со всею силой. Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ боевыхъ своихъ произведеній—въ «Письмѣ къ нѣмецкому дворянству» — Лютеръ потребовалъ, чтобы этому былъ положенъ конецъ. «Университеты наши тоже нуждаются въ основательной, глубокой реформѣ. Я долженъ это сказать—пускай на меня гнѣвается кто угодно. Все, все, что папство завело и учредило, все ведетъ лишь къ тому, чтобы умножать грѣхъ и заблужденіе. Что являютъ собой университеты, если ихъ не перестроить, какъ не «арены юношей и греческой славы» по выраженію книги Маккавейской, гдѣ ведутъ распущенную жизнь, гдѣ ничего почти не учатся Священному Писанію и христіанской вѣрѣ и гдѣ царить

одинъ слѣпой язычникъ Аристотель гораздо больше, чѣмъ Христосъ». «Нѣтъ,—продолжаетъ онъ,—отнынѣ во всѣхъ высшихъ и низшихъ школахъ первымъ и главнымъ предметомъ должно являться Св. Писаніе... Туда же, гдѣ Св. Писаніе не царитъ надъ всѣмъ, я никому не посоветую отдать своего ребенка». И реформація провела свое требованіе на дѣлѣ. Правда, Св. Писаніе представлено было при этомъ главнѣйшимъ образомъ въ видѣ болѣе или менѣе пространныхъ учебниковъ по лютеранской или кальвинистской теологіи. Но зато такой учебникъ сталъ теперь необходимою принадлежностью всякаго учебнаго заведенія, начиная съ школы грамотности и кончая «академическими гимназіями». Pietas, основанная на знаніи «чистой вѣры», была теперь объявлена главной цѣлью воспитанія на всѣхъ его ступеняхъ и внѣдрялась въ умы и сердца учениковъ съ примѣрнымъ рвеніемъ. И если въ средніе вѣка даже изъ тѣхъ, кто шелъ въ школу для подготовки къ духовному званію, немногіе выносили изъ нея знаніе «раціональной теологіи», то въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтія школьное знакомство съ ея элементами составляло необходимую принадлежность всякаго образованнаго человѣка. Не даромъ эпоха эта окрещена названіемъ «теологическаго вѣка». Теологія дѣйствительно теперь пропитываетъ собою насквозь всю умственную атмосферу. Короли и князья, юристы и медики, всѣ теперь вмѣстѣ съ тѣмъ являются до извѣстной степени теологами, и даже безграмотный народъ все же заучивалъ съ голоса дьячка «свою вѣру».

Къ какимъ же результатамъ приводило въ нашей области это усиленное стараніе новыхъ народныхъ воспитателей сдѣлать все общество причастнымъ тому міросозерпанію, носительницею котораго являлась высшая школа? Къ тѣмъ самымъ, несомнѣнно, на которые указываетъ Янсенъ. Перо изъ крыла Гавріила Архангела, уголья, на которыхъ жарился св. Лаврентій, и прочія «реликвіи», которыми морочили простой народъ католическіе монахи, были, правда, безошадно выметены изъ тѣхъ странъ, гдѣ удалось восторжествовать протестантизму. Но этотъ отказъ отъ католическаго культа святыхъ, это уничтоженіе множества суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ нисколько не доказываетъ, чтобы руководители протестантской церкви смотрѣли на мірозданіе болѣе «просвѣщенными» глазами, нежели ихъ католическіе предшественники. И Герсонъ, какъ мы говорили, считалъ, что съ этой стороны въ католицизмъ вкралось многое такое, «опущеніе чего было бы согласнѣе съ истинной святостью». Это однако не мѣшало ему быть убѣжденнымъ защитникомъ реальности колдовства и приравнивать сомнѣнія въ ней безбожію. Такъ точно и протестантская школа,

отвергая по религиознымъ соображеніямъ культъ святыхъ, тѣмъ не менѣе слышать не хотѣла о мірѣ безъ сверхъестественнаго элемента, о мірѣ безъ чудесъ, повинующемся лишь разъ навсегда установленнымъ для него законамъ. «Адемонизмъ» людей, которыхъ проповѣдники именовали то «умниками», то «невѣждами», и протестантской теологіей приравнивался «эпикуреизму» и атеизму. Смѣлость, съ которой проповѣдники кричали на астрономовъ, что тѣ не заставятъ ихъ «зарыть свой талантъ въ землю», что тѣ не заставятъ ихъ отказаться отъ разъясненія народу назидательнаго смысла каждой кометы, была смѣлостью людей, чувствовавшихъ себя на твердой научной почвѣ. Они здѣсь повторяли лишь то, что они вынесли изъ университета. Развѣ же «магистръ Филиппъ» (Меланхтонъ) въ физикѣ своей не доказалъ несостоятельность ученія стоиковъ, — «склонность къ которому есть у многихъ, склонность къ которому найдетъ въ себѣ всякій, кто заглянетъ въ свою душу», — будто бы въ мірѣ не бываетъ отмѣны для дѣйствія «вторыхъ», чисто физическихъ причинъ? И развѣ въ разсужденіи о четырехъ видахъ Prodigia онъ не написалъ прямо по поводу кометъ: «Хотя малые пожары въ воздухѣ, которые случаются нерѣдко, какъ падающія звѣзды, часто ничего собой для людей не предвѣщаютъ, но болѣе крупныя и рѣдкія, какъ кометы, по большей части являются предзнаменованіемъ грядущихъ на землѣ событій, какъ говоритъ Клавдіанъ:

Et coelo nunquam spectatum impune Cometen:

и Иоакимъ:

οδεις κομητης οστις οδ καλον φερεται.

Что же передъ этимъ были для протестантскаго проповѣдника какія-то астрономическія выкладки, тѣмъ болѣе что его собственный умъ ими нисколько не смущался: по математикѣ теологи XVI и XVII вѣка знали лишь то, что выносили изъ гимназій, т.е. въ хорошемъ случаѣ четыре ариометическія дѣйствія съ цѣлыми и дробными числами и тройное правило.

Но Янсенъ совершенно напрасно оставляетъ при этомъ въ тѣни, что въ морѣ литературы, которая въ эпоху реформаціи наполнена была разсказами и разсужденіями о сверхъестественномъ въ природѣ, нельзя найти ни одной оригинальной, самобытной черты. Народная литература играетъ все тѣми же представленіями, какъ и въ эпоху, когда Цезарій составлялъ *Dialogus Miraculorum*, съ прибавкой вѣдьмъ, явившихся на свѣтъ въ XV столѣтіи. Ученость же протестантская осмысливаетъ эту игру народной фантазій точь-въ-точь такъ же, какъ ее осмысливала средневѣковая схо-

ластика. Въ демонологіи протестантизмъ не былъ «протестантизмомъ»: онъ не опротестовалъ ни одного изъ положеній церковной католической науки. Провѣривши ея послышки и выводы, онъ ихъ нашель совершенно правильными и цѣликомъ себѣ усвоилъ, какъ онъ усвоилъ отъ стараго католицизма и многое другое. Онъ, впрочемъ, никогда и не выставлялъ себя принципиальнымъ противникомъ всего католическаго ученія: онъ только желалъ его «реформировать», согласивъ его съ ученіемъ древней церкви. Но въ этомъ отношеніи ему не приходилось дѣлать схоластикѣ упрека за искаженіе старыхъ преданій. Извѣстно, какой почетъ оказывалъ протестантизмъ трудамъ бл. Августина. А развѣ схоластическая демонологія не представляла собой только неумолимо логическаго, послѣдовательнаго развитія взглядовъ, которые царили въ римскомъ обществѣ въ эпоху бл. Августина? Что же касается въ частности процессовъ вѣдмъ, то протестантскіе ученые не находили даже нужнымъ замалчивать свое согласіе съ своими католическими предшественниками, какъ они это дѣлали нерѣдко въ другихъ случаяхъ. Самый извѣстный изъ позднѣйшихъ противниковъ гоненія на вѣдмъ въ Германіи, Христіанъ Томазіи, прямо бросаетъ въ лицо протестантскимъ теологамъ упрекъ, что они всѣ свои аргументы въ пользу реальности вѣдовства списываютъ у «папистовъ» и что они не стѣсняясь ссылаются на Оому Аквинскаго, на Бонавентуру и на кардинала Туррекремагу, хотя въ другихъ случаяхъ они сами же ихъ проклинають, какъ искажившихъ чистое Евангеліе софистовъ. И новыя изданія Молота Вѣдмъ, начавшія выходить въ свѣтъ съ послѣдней трети XVI вѣка, шли не въ однѣ католическія руки. У протестантскихъ юристовъ книга эта тоже считалась въ вѣдовскихъ дѣлахъ первымъ авторитетомъ. Прямое ея вліяніе на выработку формъ вѣдовскаго процесса въ протестантскихъ судахъ XVI и XVII вѣковъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. И если свѣтскіе суды послѣ окончательнаго торжества протестантизма стали пытатъ и жечь вѣдмъ съ такою ревностью, какой они не проявляли при жизни Иннокентія VIII и Шпренгера съ Инститоромъ, то главнымъ новымъ условіемъ является здѣсь не Лютерово ученіе о несвободѣ воли и не личное суевѣріе вождей протестантизма. Видный юристъ XVI в. Ульрихъ Тенглеръ внесъ въ свой упомянутый нами *Laienspiegel* главу о вѣдовскихъ дѣлахъ не сразу. Онъ сдѣлалъ это лишь по настояніямъ своего клирика - сына. Сынъ указалъ ему для этого и матеріалы. Рукою сына, какъ можно думать, и редактирована была эта глава. Тенглеръ-отецъ, какъ и другіе его коллеги того времени, чувствовалъ еще себя чуждымъ такого рода «теологическимъ» вопросамъ.

Но надо видѣть, съ какою свободой и увѣренностью толкуютъ о всѣхъ относящихся къ вѣдовству вопросахъ свѣтскіе юристы «теологическаго» вѣка—того періода, когда даже самые мірскіе правительственные указы нерѣдко предварялись пространными религіозно-правственными разсужденіями. *Practica Nova rerum criminalium* Бенедикта Карпцова, этого типичнаго протестантскаго юриста своего времени, который по преданію въ своей жизни 53 раза перечиталъ всю Библию съ начала до конца и утвердилъ 20.000 смертныхъ приговоровъ, въ отдѣлѣ, посвященномъ вѣдмамъ, могла бы сдѣлать честь любому профессиональному теологу. Карпцовъ самостоятельно тутъ мыслить во всѣхъ вопросахъ—даже въ томъ, могутъ ли отъ чертей рождаться дѣти. Наболѣе правильнымъ онъ находилъ здѣсь взглядъ, что хотя отъ такого блуда рождаться кое-что и можетъ, но совершенно непутевое: хорошаго ребенка отъ бѣса не бываетъ. И при этомъ Карпцовъ почерпалъ свою премудрость главнымъ образомъ вовсе не у «божественнаго Лютера», съ которымъ онъ позволяетъ себѣ тутъ расходиться въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Главнымъ его матеріаломъ являлись католическіе писатели: въ этомъ вопросѣ всѣ враждующіе толки дружелюбно протягивали другъ другу руку. За Карпцовымъ же и другими подобными авторитетами шли ученики, которые въ университетѣ школьнымъ порядкомъ усваивали себѣ эти переработки стараго Молота Вѣдмъ и которые, кончивъ университетъ, садились на судейское сѣдалище съ готовностью дѣйствовать въ вѣдовскихъ дѣлахъ рѣшительно и строго.

Такъ создавалось въ этой области совершенно безвыходное съ виду положеніе. Цензура, которую тогда обычно держать въ своихъ рукахъ университеты, строго преслѣдуетъ всякую печатную строку, отзывающуюся «адемонизмомъ». «Сомнѣваться въ существованіи бѣсовъ—значитъ думать, какъ атеисты, язычники и турки». При такомъ гоненіи на всякій даже самый робкій скептицизмъ успѣхи культурной техники, какъ ростъ грамотности и развитіе печатнаго дѣла, только способствуютъ широкому развитію демономаніи. Книжный рынокъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка переполненъ повѣстями о чертяхъ, волшебникахъ и вѣдмахъ—частью духовно-нравственнаго, частью же и просто базарнаго, спекулятивнаго характера. Простолудины знаютъ теперь болѣе исторій про бѣсовъ, чѣмъ знали ихъ въ свое время ученый монахъ Цезарій. Въ школѣ ученіе о договорѣ съ сатаной задалбливается при толкованіи десяти заповѣдей. Церковная каеэдра съ своей стороны лишь углубляетъ и придаетъ болѣе «научный» характеръ познанію бѣсовъ, которое выносятся народомъ изъ книжекъ и изъ

школы. «Чернь» или *Heer Omnes*—какъ любятъ называть толпу тогдашніе писатели—отъ этого пріобрѣтаетъ прочную привычку при первомъ крупномъ бѣдствіи поднимать крикъ, что власти дремлютъ, что власти не исполняютъ своихъ обязанностей, что власти должны переловить и сжечь все кроющееся въ странѣ «чортова отродья». Суды, съ своей стороны, оказываются, вполнѣ готовы входить въ разбирательство доносовъ «черни». Такъ возникаетъ процессъ за процессомъ, такъ казнь слѣдуетъ за казнью—и всякій процессъ, всякая казнь дѣлаетъ и для «черни» и для ученаго суда все затруднительнѣе возвратъ съ такой дороги. Кто видѣлъ разъ, какъ сожигаютъ вѣдьмъ, кто слышалъ читавшіяся при этомъ вслухъ судебныя признанія, тотъ становился обыкновенно глухъ ко всякимъ разсужденіямъ, будто бы вѣдьмъ не можетъ быть. А казни вѣдьмъ обычно собирали съ широкой округи несмѣтныя толпы зрителей. Тѣ же, кому не приходилось посмотрѣть на подобное «*grausam erlustigend Schauspiel*» собственными глазами, могли по крайней мѣрѣ читать подробнѣйшія описанія «спектакля» въ *wahrhaftige, erschrockliche Zeitungen*, которыя издавались по поводу всякаго сенсационнаго процесса. Подобное чтеніе признавалось тогда и полезнымъ и приятнымъ. «*Von Unholden und Zaubergeistern, des Edlen Ehrenvesten und hochgelarten Herrn Nicolai Remigii—welche wunderbarliche Historien, so sich mit den Hexen, deren über 800 im Herzogthum Lotharingen verbrennet, zugetragen, sehr nützlich, lieblich und nothwendig zu lesen*»,—такъ рекомендовалъ издатель нѣмецкій переводъ Ремигіевой книги *Daemonolatria*. О томъ же, какъ подобное чтеніе вліяло на умственный и нравственный складъ общества, конечно, лишнее распространяться. И для судейскаго сословія каждая новая казнь служила стимуломъ искать новыхъ доказательствъ дѣйствительной виновности мнимыхъ вѣдьмъ: иначе оно само оказывалось сборищемъ преступниковъ. Знакомый намъ авторъ *Cautio criminalis*, іезуитъ Шпе, описывалъ душевное состояніе, въ которое онъ былъ повергнутъ убѣжденіемъ въ невинности всѣхъ приготовленныхъ имъ къ казни вѣдьмъ, словами Экклезіаста: «И обратился я и увидѣлъ всякія угнетенія, какія дѣлаются подъ солнцемъ: и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и въ рукѣ угнетающихъ ихъ—сила, а утѣшителя у нихъ нѣтъ. И ублажилъ я мертвыхъ, которые давно умерли, болѣе живыхъ, которые живутъ доселѣ; а блаженнѣе ихъ обоихъ тотъ, кто еще не существовалъ и не видалъ злыхъ дѣлъ, какія дѣлаются подъ солнцемъ». Но каково же было бы душевное состояніе тѣхъ, «въ рукѣ которыхъ была сила», если бы послѣ всѣхъ произнесенныхъ ими смертныхъ приговоровъ они позволили себѣ согласиться съ

доводами Шпе? Распространеніе процессовъ вѣдьмъ усиливало, впрочемъ, для судей не только субъективную необходимость вѣрить въ реальность вѣдовства. Оно давало имъ и новыя объективныя доказательства этой реальности. Чѣмъ глубже проникалъ въ народную фантазію образъ вѣдьмы, тѣмъ чаще подходящія формы психическаго разстройства принимали характеръ бреда вѣдовствомъ, а вмѣстѣ съ этимъ росло и число глубоко убѣжденныхъ обвиненій и добровольныхъ самообвиненій, которыя служили для юристовъ главной защитой противъ нападокъ, направленныхъ на самое ихъ больное мѣсто—на то, что весь судебный матеріалъ ихъ по вѣдовству полученъ былъ исключительно силой пытки. Какъ будто мало записано было у юристовъ случаевъ, когда даже малыя дѣти по собственному почину изобличали своихъ преступныхъ матерей, бравшихъ ихъ съ собою на шабашъ? Такъ для теологическаго вѣка сбывались слова псалма: „Изъ устъ младенцевъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу, врагъ твоихъ ради, еже разрушити врага и мстителя». И глядя на все это, начинаешь находить удивительнымъ не то, какъ Западная Европа въ эпоху реформаціи могла сжечь столько вѣдьмъ, а то, какъ здравый смыслъ въ ней не былъ даже тогда окончательно задушенъ, какъ послѣ всѣхъ усилій, потраченныхъ церковью и школой на пропаганду вѣры въ вѣдьмъ, Карпцову все же приходилось еще писать: *Ita nimirum diabolus ex omnibus ordinibus et conditione qualibet ministros habet fideles, qui regnum suum mascule tuentur, coetus ac consortia diabolica propagant, persuadendo iudicibus ac magistratibus, supplicium sumi iniustum de magis seu veneficis eosque nequaquam mortis poena afficiendos esse*¹⁾. Извѣстная доля скептицизма при этомъ отравляла даже сердца самихъ судей. Множество ихъ вполне заслуживало со стороны «ревнителей» упреки, что они не обнаруживаютъ къ преслѣдованію вѣдьмъ *keine Lust oder Affection, viel weniger einen Zelum oder Eifer*. Но что бы было, если бы всѣ судьи въ XVII столѣтіи оказывалась на полной высотѣ своего призванія и если бы люди не были человѣчнѣ теорій.

Тѣ же причины, которыя къ концу XVI вѣка вызвали ростъ вѣдовскихъ процессовъ въ протестантской части Европы, дѣйствовали и въ католической ея половинѣ. О зараженіи римской церкви ядомъ, развившимся въ протестантскомъ организмѣ—о чемъ толкуеть Дифенбахъ—конечно, серьезно не можетъ быть и рѣчи. Испанская

¹⁾ Въ каждомъ рѣшительно сословіи, среди людей всякаго званія у дьявола находятя вѣрныя слуги, которые грудью стоятъ за его царство и распространяють дьявольскія сообщества и собранія, доказывая судьямъ и властямъ, будто бы маговъ или колдуновъ казнятъ несправедливо и что не слѣдуетъ карать ихъ смертию.

инквизиція въ концѣ XVI вѣка хвалилась тѣмъ, что сожгла 30.000 вѣдьмъ: какъ видимъ, она предупредила конкуренцію протестантизма. И когда Лютеръ еще только вырабатывалъ свое ученіе о несвободѣ воли, альпійскія долины были свидѣтельницами такого преслѣдованія вѣдьмъ, хуже котораго не видывала никогда и протестантская Германія. Если же свѣтскіе суды такихъ странъ, какъ Франція и католическія территоріи Германіи, послѣ церковнаго раскола дѣйствительно стали съ небывалымъ рвеніемъ заниматься преслѣдованіемъ вѣдьмъ, то виновата здѣсь была, конечно, реформація, — но только тѣмъ, что она вынудила и католическую церковь вспомнить о забытыхъ ею было своихъ воспитательныхъ обязанностяхъ, что она вывела католицизмъ на путь контръ-реформаціи. И католическая церковь подъ руководствомъ іезуитовъ стала не той, какой она была во времена Савонаролы. Прелаты, проводившіе время за чтеніемъ Платона и Петрарки, исчезли. На ихъ мѣсто стали строгіе пастыри, начетчики въ полемическомъ богословіи. Тридентскій соборъ и католическимъ священникамъ вмѣнили въ одну изъ главныхъ обязанностей проповѣдь въ церкви. Трудami іезуитовъ и католическія школы превратились прежде всего въ «училища благочестія». И католическіе юристы теперь соединяютъ знаніе римскаго права съ знаніемъ схоластическаго богословія. Католическій юристъ Боденъ въ научной сторонѣ вопроса о вѣдовствѣ чувствуетъ себя также дома, какъ и лютеранинъ Карпцовъ. «Теологическій вѣкъ» пришлось одинаково пережить всей Европѣ. А почему же у Канизія въ катехизисѣ гораздо меньше говорится о чортѣ, чѣмъ у Лютера? А почему же изъ той же Германіи протестантскихъ проповѣдей, гдѣ говорится о дьяволѣ и вѣдьмахъ, до насъ дошло гораздо больше, нежели католическихъ? Первое, возвращаютъ на это противники католицизма, конечно, дѣлаетъ честь Канизіеву педагогическому такту. Второе же объясняется просто тѣмъ, что у католиковъ далеко не такъ распространенъ былъ обычай печатать свои проповѣди, какъ у протестантовъ: утверженіе, которое католики съ своей стороны объявляютъ недоказаннымъ. Но намъ нѣтъ никакой надобности глубже входить въ подобныя партійныя препирательства. Кто бы ни говорилъ о чортѣ и о вѣдьмахъ больше—католики, лютеране или кальвинисты, но говорили объ этомъ съ народомъ всѣ, всѣ говорили одно и то же, и всѣ говорили вполне достаточно, чтобы вѣдовство заполонило народное воображеніе. Самыя яркія, самыя цвѣтистыя картины шабаша все же дошли до насъ изъ чистой отъ протестантизма Испаніи XVII вѣка. Притомъ же не въ одной народной проповѣди здѣсь лежала главная сила. Эпоха жесточайшаго преслѣдованія вѣдьмъ была эпохой торже-

ства абсолютизма, когда Негг Omnes былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ и когда даже въ дѣлѣ вѣры все опредѣлялось волею государя. Cuius regio, eius religio: народъ долженъ былъ во всемъ думать, какъ думаютъ его правители. На дворы и на правящія сферы контръ-реформація и правила, какъ извѣстно, главныя свои миссіонерскія усилія. А въ какомъ духѣ она здѣсь дѣйствовала, объ этомъ намъ сохранилось достаточно свидѣтельствъ. «Горе мягкосердечнымъ судьямъ, которые не душатъ страшныхъ звѣрей, волшебниковъ, попадающихъ имъ въ руки» — такъ вопіялъ въ Женевѣ кальвинистъ Даней. «Нерадивостью своей свидѣлствуютъ они, сколь мало помышляютъ они о Богѣ, своемъ Владыкѣ. Явно они небрегутъ служеніемъ Его и Его честию, потакая отрепшимся отъ Него, заклятымъ Его врагамъ». «Всѣ добрые христіане», — вторилъ въ Тюрингіи лютеранинъ Медеръ, — «должны ратовать за то, чтобы на лицѣ земли отъ вѣдмъ не осталось и слѣда. Жалости никто тутъ не долженъ вѣдать. Мужъ не долженъ просить за жену, дитя не должно молить за отца съ матерью. Всѣ должны ратовать, чтобы отступницы отъ Бога были наказаны, какъ повелѣлъ самъ Богъ». Но среди іезуитскихъ проповѣдниковъ находились не менѣ ревностные блюстители Lex laesae Maiestatis Divinae. «Есть же такіе ледяные христіане, недостойные своего имени», — гремѣлъ въ Мюнхенѣ Іеремія Дрексель, придворный проповѣдникъ Максимилиана I, — «которые руками и ногами противятся конечному истребленію вѣдовскаго отродья, дабы при этомъ, какъ они говорятъ, не пострадали жестоко невинные. Проклятіе этимъ врагамъ Божеской чести! Развѣ въ законѣ Божіемъ не сказано совершенно ясно: Чародѣевъ не оставляй въ живыхъ! По Божію велѣнію зываю я столь громогласно, сколько во мнѣ есть силы, къ епископамъ, князьямъ и королямъ: Вѣдмъ не оставляйте въ живыхъ! Огнемъ и мечомъ надобно истреблять эту чуму человѣческаго рода!»

Luthrisch, päpstlich und kalvinisch
Diese Glauben sind entstanden.
Nur ein Zweifel bleibt noch übrig,
Wo das Christenthum vorhanden?
Christus hat durch erstes Kommen
Uns des Teufels Reich entnommen.
Kommt er nun nicht ehstens wieder,
Kriegt der Teufel Meistes wieder ¹⁾.

Такъ отвѣчало на подобныя воззванія поколѣніе, которое въ эпоху тридцатилѣтней войны постигло, къ чему приводитъ человѣ-

¹⁾ У насъ возникла лютеранская, папистская и кальвинистская вѣра. Одно только сомнительно, гдѣ жъ тутъ осталось христіанство? Первымъ своимъ пришествіемъ Христосъ избавилъ насъ отъ царства дьявола. Но если Онъ снова скоро не сойдетъ на землю, дьяволъ снова почти все себѣ вернуть.

ческое общество чрезмѣрное рвеніе въ защитѣ чести *Divinae Maiestatis*. Но праздное занятіе спорить о томъ, кто отъ кого при этомъ заражался подобнымъ духомъ—католики отъ протестантовъ или протестанты отъ католиковъ. *Es ist mit ihnen*,—какъ вѣрно опредѣлялъ взаимное отношеніе новой и старой церкви Парацельсъ,— *es ist mit ihnen wie mit einem Baum der zweifach gepropft ist. Trägt weisse und gelbe Beeren*. Западная Европа въ реформаціи и контрреформаціи лишь изживала до конца то міросозерцаніе, которое было старше даже старѣйшаго изъ трехъ враждебныхъ религиозныхъ толковъ и которое въ злосчастномъ сочетаніи философскаго спиритизма съ религиозной нетерпимостью такъ ярко отразило въ себѣ печальную духовную фізіономію создавшей его эпохи,—эпохи разложенія римской имперіи.

Исторія постепеннаго прекращенія процессовъ вѣдьмъ не получила еще въ наукѣ окончательной обработки. Да она и не представляетъ собой столь же законченнаго культурнаго эпизода, какъ ихъ возникновеніе. «Для Шотландіи», говоритъ Лекки, «исторію эту почти невозможно написать, ибо поворотъ общественнаго мнѣнія произошелъ такъ незамѣтно и постепенно, что въ немъ не установишь никакихъ этаповъ. Въ одинъ періодъ каждый готовъ былъ вѣрить въ волшебство. Въ слѣдующій періодъ вѣра эта всеми оказывается молчаливо оставленной». И это приложимо къ большинству европейскихъ государствъ. Даже въ такихъ странахъ, какъ Пруссія или Баварія, гдѣ окончательной отмѣнѣ законодательства о вѣдьмахъ предшествовала оживленная литературная полемика, острый бредъ вѣдьмами кончился, въ сущности, уже раньше. Томазій и его соратники лишь изглаживали изъ жизни послѣдніе его слѣды, стремясь сдѣлать невозможными даже единичные случаи казней за колдовство. Отъ вѣдьмъ освободили Западную Европу не тѣ усилія, которыя прямо направлены были на критику этой ужасной сказки. Всѣ главные литературные противники процессовъ вѣдьмъ, какъ Вейеръ, какъ Реджинальдъ Скотъ или какъ Шпе, потратили свою энергію, свой талантъ и свое нравственное одушевленіе почти напрасно. Ихъ голоса заглушались хоромъ теологовъ и юристовъ, дружно объявлявшихъ всѣ подобныя попытки «богопротивными». Боденъ писалъ, что у него волосы на головѣ стали дыбомъ, когда ему попали въ руки Вейеровы сомнѣнія въ законности преслѣдованія вѣдьмъ. Но когда живое движеніе европейской мысли въ области познаваемаго, начавшееся еще въ эпоху гуманизма и шедшее неудержимо, несмотря на всѣ помѣхи со сто-

роны народного и ученаго суевѣрія, подточило самыя основы традиціоннаго церковно-школьнаго міросозерцанія, когда Европа заговорила о «просвѣщеніи», то вмѣстѣ съ этимъ и вѣдьмы въ европейскихъ странахъ стали находиться очень рѣдко. Когда придворный проповѣдникъ пересталъ быть однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ государствѣ, когда князья и короли одинъ за другимъ начали объявлять пастырямъ душъ, что они не намѣрены терпѣть у себя «дѣлателей еретиковъ» и когда они стали свои досуги проводить не на богословскихъ диспутахъ, а на анатомическихъ демонстраціяхъ и опытахъ по новой экспериментальной физикѣ, то измѣнился и тонъ, въ которомъ правительство говорило о колдовствѣ и вѣдмахъ съ поставленными имъ блюстителями правосудія. Вмѣсто прежнихъ поощреній суды получаютъ теперь свыше предписанія быть въ вѣдовскихъ дѣлахъ возможно осторожнѣе; скоро же начинаются и прямыя запреты давать какой-нибудь ходъ доносамъ, имѣющимъ своимъ предметомъ вредъ, нанесенный колдовствомъ. Въ 1672 году Кольберъ подалъ тому благодѣтельный примѣръ, издавъ такое распоряженіе для Франціи. И этой перемѣны во взглядахъ высшихъ правительственныхъ сферъ было достаточно, чтобы о прежнихъ массовыхъ казняхъ вѣдьмъ не стало больше слышно оное доказательство того, что истиннымъ виновникомъ этого звѣрства былъ не *Neq̄ Omnes*. *Neq̄ Omnes* познакомился съ духомъ просвѣщенія не скоро. Долгое время онъ свято продолжалъ хранить ту вѣру, которую процессы вѣдьмъ такъ глубоко въ него вѣдрили. Но мнѣнія его никто опять-таки не спрашивалъ, и эта вѣра для «просвѣщеннаго абсолютизма» являлась только лишнимъ свидѣтельствомъ тому, какъ опасно было бы дать непросвѣщенному народу волю. Само собою разумѣется, что главнымъ тормозомъ этого новаго просвѣтительнаго движенія являлась школа, которая на всѣхъ своихъ ступеняхъ съ эпохи реформаціи сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, была насыщена теологическимъ духомъ и сама въ себѣ видѣла прежде всего призванную защитницу принципа авторитета. Всѣ тѣ завоеванія мысли, которыми прославлены имена Коперника, Кеплера, Декарта, Галилея, Паскаля, Гобса, Спинозы, Лейбница, Локка и Ньютона, сдѣланы были не только помимо университетовъ, но вопреки имъ. Долгое время новая наука и новая философія развивались безъ всякой школьной организаціи, прячась по возможности отъ взоровъ официальныхъ носителей высшаго образованія, — пока въ XVIII столѣтіи «просвѣщеніе» не окрѣпло уже настолько, чтобы объявить открытую войну «университетскому обскурантизму». И «просвѣщеніе» нашло себѣ при этомъ могучаго союзника въ житейскомъ здоровомъ смыслѣ, который цѣлые вѣка

протестовалъ противъ выводовъ науки, построенной на союзѣ разума съ авторитетомъ. «Въ Германіи» — такъ характеризовалъ современную ему систему школьнаго образованія, одинъ изъ сподвижниковъ Христіана Томазія, — «разсудокъ цѣликомъ живетъ внѣ школъ; за границею по временамъ онъ оказывается и въ школахъ. Тамъ ученые люди нерѣдко бываютъ и самыми умными, въ Германіи наоборотъ». Но за нѣмецкою границей люди тоже находили немного разсудка въ школахъ. Извѣстно, какъ относились къ своей «школьной учености» французскіе Энциклопедисты, и на законномъ презрѣннн здраваго смысла къ средневѣковой школѣ основанъ былъ въ значительной мѣрѣ успѣхъ извѣстной проповѣди Руссо о томъ, что человѣка дѣлаетъ глупымъ и злымъ его цивилизація. Подъ напоромъ такихъ могучихъ силъ старый строй высшей школы къ началу XIX вѣка рухнулъ почти во всей Европѣ. Кромѣ развѣ одной Испаніи, всѣ европейскія страны признали бракъ разума съ авторитетомъ, родившій средневѣковые университеты, противоестественнымъ союзомъ, одинаково пагубнымъ и для религіи и для науки. Но это не препятствуетъ тому, что въ области народнаго образованія всѣ три господствующія на западѣ Европы церкви и понынѣ крѣпко настаиваютъ на тезисѣ эпохи реформаціи о *necessaria conjunctio scholarum cum ecclesia*, упорно ссылаясь на пріобрѣтенныя историческія права: аргументъ сомнительнаго достоинства для тѣхъ, кому случалось заглядывать въ старыя лѣтописи школы. Процессы вѣдмъ не такъ отъ насъ далеко, чтобы мы не могли различать понятій — народное просвѣщеніе и народная школа.

